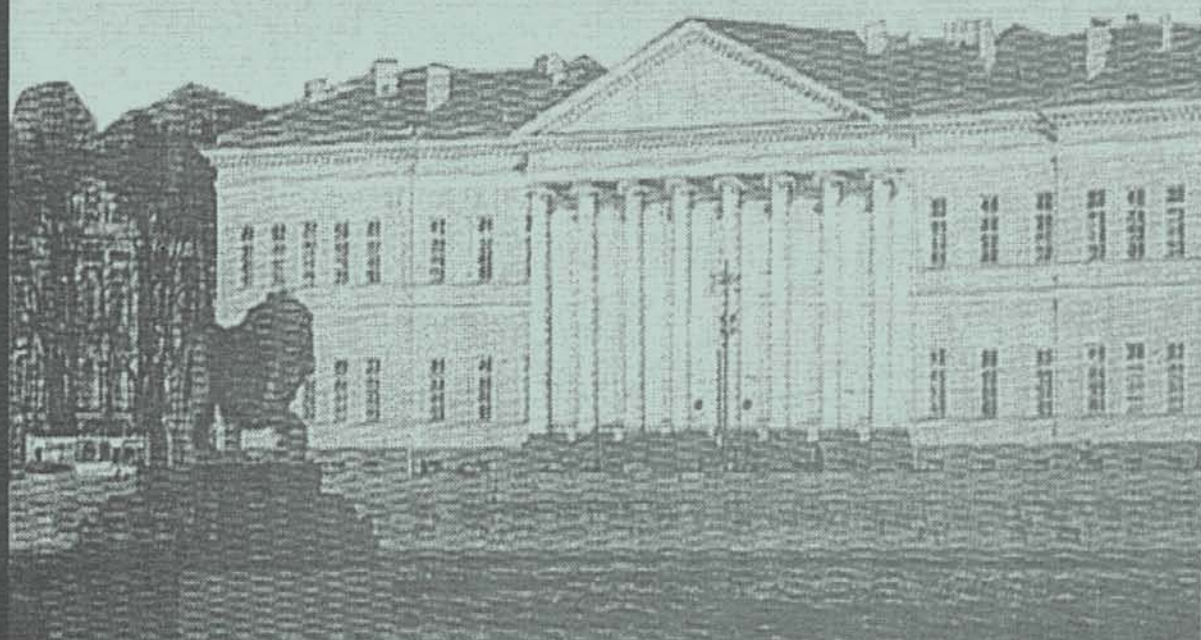

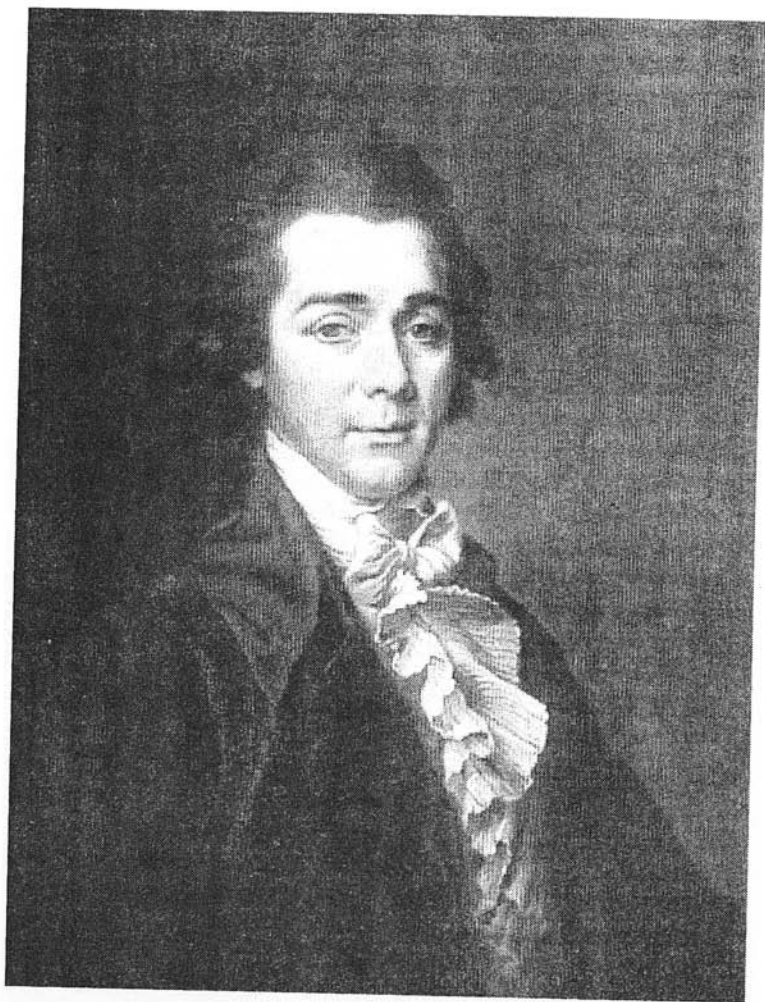
К 300-летию Петербурга

**Н. А. Львов
и его современники:
литераторы,
люди искусства**

ПЕТЕРБУРГ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

Д. Г. Левицкий. Портрет Н. А. Львова (1786)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ XVIII ВЕКА

**Н. А. ЛЬВОВ И ЕГО СОВРЕМЕННОИКИ:
ЛИТЕРАТОРЫ, ЛЮДИ ИСКУССТВА**

Санкт-Петербург
2002

УДК 882 (09)
ББК 83
В 76

Серия «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».
К 300-летию Санкт-Петербурга.

Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства.
Материалы Международного симпозиума, 21 июня 2001 г. / Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук. СПб. 2002.
145 с.

Редакционная коллегия:

Н. Д. Кочеткова (*отв. редактор*), Ю. А. Петросян, Э. А. Тропп,
Е. А. Иванова (*отв. секретарь*)

Финансовая поддержка симпозиума – Научная программа
Санкт-Петербургского научного центра РАН 2001 года

Компьютерный макет – Л. Г. Николаева

ISBN 5-86763-052-8

© Санкт-Петербургский научный центр РАН, 2002
© Коллектив авторов, 2002

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
<i>Предисловие</i>	7
<i>Г. М. Дмитриева</i> К биографии Н. А. Львова.....	12
<i>А. Б. Никитина</i> Н. А. Львов в отзывах современников.....	14
<i>А. Ю. Веселова</i> Парк в эстетической концепции Н. А. Львова.....	30
<i>В. П. Старк</i> Обращение Пушкина к «Летописцу Рускому» Н. А. Львова. .	38
<i>А. О. Дёмин</i> «Театральное представление с музыкою “Добрыня”» Г. Р. Державина и одноименная «героическая песнь» Н. А. Львова.....	52
<i>Н. П. Морозова</i> О стихотворении Г. Р. Державина «К царевичу Хлору».....	58
<i>Л. В. Тычинина</i> Екатерина Романовна Дашкова: мировоззрение человека, опередившего свое время.....	66
<i>Джс. Мораччи</i> Английская драматургия на русской сцене: пьесы И. М. Муравьева-Апостола.....	73

<i>М. П. Пряшников</i>	
Неизвестные страницы литературного наследия Ф. Г. Лаферьера: полное либретто оперы Д. С. Бортнян- ского «Сокол»	85
<i>Н. Д. Кочеткова</i>	
Княжна Урусова и ее литературные собеседники.	94
<i>Е. Д. Кукушкина</i>	
Писарь П. К. Соловьев о «Словаре Академии Российской». .	104
<i>И. Ю. Фоменко</i>	
Штрихи к портрету Н.П. Румянцева (по материалам Музея книги Российской государственной библиотеки)	115
<i>Список сокращений</i>	141
<i>Сведения об авторах</i>	143

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основание Санкт-Петербурга открыло новый период в истории России – период ускоренного освоения сложившихся в Европе форм общественной жизни, в том числе европейских форм устройства науки, образования и культуры. Петр Великий замыслил построить Петербург по европейскому образцу и сделать его портом, через который Россия будет активно включаться в торговые и иные связи между европейскими странами. В Северной столице он основал первое научное и учебное заведение, подобное тем, что увидел в Европе, и сам выбрал название этому учреждению – Академия наук и художеств. Через непродолжительное время, а по историческим меркам необычайно скоро, мыслители и живописцы, музыканты и писатели, жившие и творившие в Петербурге, были признаны европейским сообществом ученых и представителей изящных искусств. За 300-летнюю историю города петербуржцы внесли и продолжают вносить огромный вклад в европейскую и мировую науку и культуру.

Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук, входящий в его состав Объединенный научный совет по гуманитарным наукам и историко-культурному наследию решили провести к 300-летию города серию междисциплинарных конференций и симпозиумов на тему «Петербург в европейском пространстве науки и культуры».

В 2001 году прошла первая такая конференция. В ее состав были включены: симпозиум «Петербургские фрагменты научной картины мира», посвященный развитию естественных и гуманитарных наук, симпозиум «Оптика от Ломоносова до наших дней», экономический симпозиум «Вклад Академии наук в познание России», симпозиум «Петербург на философской карте мира» и Международный симпозиум «Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства».

В 2001 году исполнилось 290 лет со дня рождения М. В. Ломоносова, 250 лет со дня рождения архитектора и литератора Н. А. Львова и 250 лет со

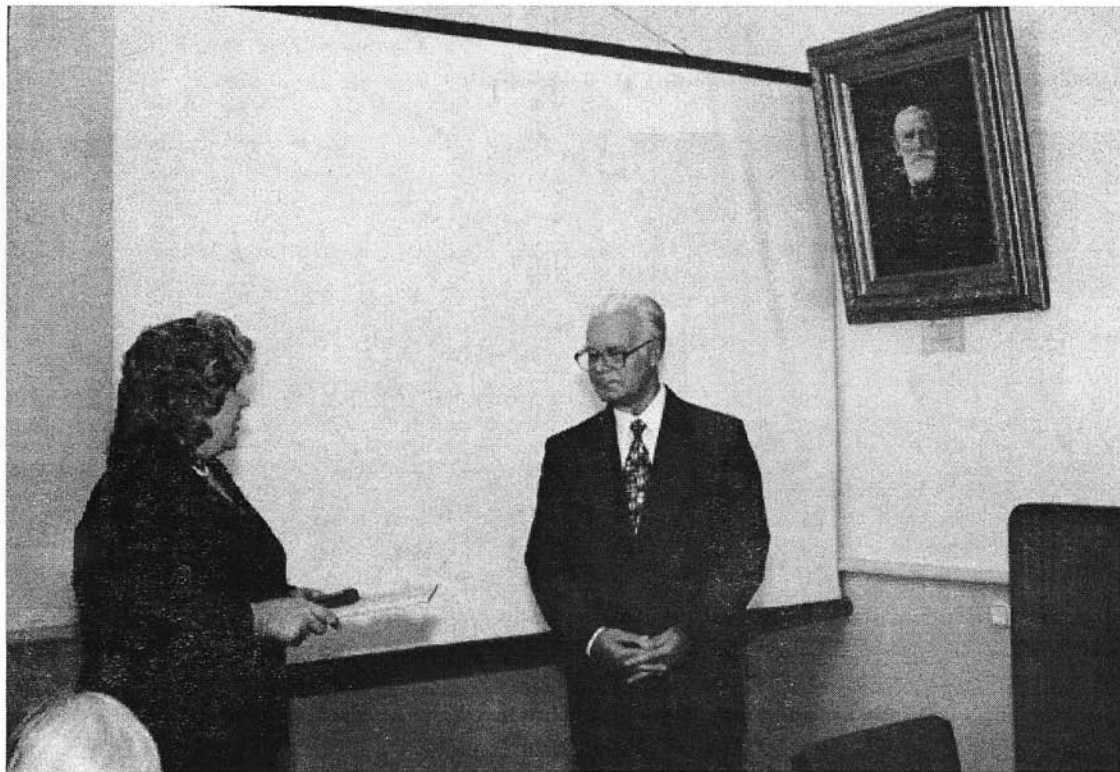
дня рождения композитора Д. С. Бортнянского. Эти даты, связанные с ярчайшими представителями Века Просвещения в России, нашли отражение в программе конференции и сопровождавших ее мероприятиях. При подготовке конференции продолжилось сотрудничество Научного центра, Государственного Эрмитажа и Петербургской Певческой капеллы по возвращению современному слушателю забытых шедевров музыкального искусства.

Для участников конференции был организован музыкальный вечер в Эрмитажном театре, на котором Певческая капелла под управлением ее художественного руководителя В. А. Чернушенко исполнила произведения Д. С. Бортнянского.

По материалам конференции были подготовлены четыре сборника научных трудов. В данный сборник вошли доклады, заслушанные на симпозиуме «Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства». Н. А. Львов был почетным членом Российской академии наук, членом Петербургской академии художеств, художником, графиком, поэтом, знатоком народного песенного творчества, историком, замечательным архитектором. Его имя стоит в одном ряду с именами крупнейших деятелей культуры XVIII века. Он был связан тесными узами дружбы со многими выдающимися людьми своего времени и оказал влияние на их творчество и общественную деятельность.

Сборник подготовлен при деятельном участии Сектора по изучению русской литературы XVIII века Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН и Российского общества по изучению XVIII века. Ряд ответственных заданий по подготовке сборника выполнен А. О. Дёминым.

Е. А. Иванова, Ю. А. Петросян, Э. А. Тропп

Ректор Московского гуманитарного института им. Е. Р. Дашковой Л. В. Тычинина вручает медаль Е. Р. Дашковой директору Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН члену-корреспонденту РАН Н. Н. Скатову

Председатель Дашковского общества профессор А. В. Семенова вручает члену-корреспонденту РАН Н. Н. Скатову труды общества

Член-корреспондент РАН Н. Н. Скатов открывает симпозиум «Н. А. Львов и его современники: литераторы, люди искусства»

К БИОГРАФИИ Н. А. ЛЬВОВА

Г. М. Дмитриева

В связи с юбилеем выдающегося представителя русской культуры архитектора Н. А. Львова сотрудники Тверского областного архива проводили тщательный поиск новых материалов к его биографии.

Известно, что Н. А. Львов родился в имении Черенчицы Новоторжского уезда Тверской провинции Новгородской губернии (ныне с. Никольское Торжокского района Тверской области). Вслед за первыми биографами Львова во всех энциклопедических справочниках, начиная с энциклопедии Брокгауза и Ефрона, а также монографиях, журнальных статьях, посвященных ему, говорится, что это событие произошло в 1751 г., иногда более точно – 4 (15) марта 1751 г. Вместе с тем, основным документом, который подтверждает время рождения человека, является метрическая книга. К счастью, в Тверском областном архиве в фонде Тверской духовной консистории сохранились метрические книги церковей Новоторжского уезда за 1750-е гг.

Ввиду того, что в сельце Черенчицы тогда церкви не было, возникла необходимость определить, к приходу какой церкви относилось сельцо. Специальные епархиальные справочники и сам Н. А. Львов в прошении епископу Тверскому и Кашинскому от августа 1789 г. помогли установить, что Черенчицы относились к приходу церкви Николая Чудотворца с. Арпачево, в которой и совершались все обряды.

Обратимся к метрическим книгам этой церкви. В книгах за 1751–1752 гг. соответствующих записей нет. Перед нами «Книга Новгородской епархии Новоторжского уезда села Арпачево церкви Николая Чудотворца попа Якова Карпова, пономаря Петра Михайлова записная о приходских той церкви людех на три части: кто имяны когда родились, браками венчались и померли. 1753 года, генваря 1 числа». В первой части книги «О

родившихся» под № 2 значится: «4 мая Санкт-Петербургского гарнизона прапорщика Александра Петрова сына Львова сын Николай»¹.

Этот факт подтверждается и записью в исповедной ведомости вышеназванной церкви. В ней сказано, что в 1753 г. у исповеди были: сельца Черенчицы Санкт-Петербургского гарнизона прапорщик Александр Петров сын Львов, его жена Параскева Федоровна и их дети: Надежда, Мария, Евдокия и Николай, которому «лет от рождения полугода»².

По метрическим книгам удалось установить также, что будущие родители Львова – сержант Кронштадтского пехотного полка А. П. Львов и дочь подполковника, владельца села Покровское Новгородского уезда и губернии Федора Хрипунова Параскева венчались в церкви села Арпачево 17 февраля 1747 г.³

Таким образом, выявленные архивные документы дают возможность говорить о том, что Н. А. Львов родился не в 1751 г., а в 1753 г.

¹ Государственный архив Тверской области. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15637. Л. 65.

² Государственный архив Тверской области. Ф. 160. Оп. 1. Д. 18032. Л. 237.

³ Государственный архив Тверской области. Ф. 160. Оп. 1. Д. 15633. Л. 68.

Н. А. ЛЬВОВ В ОТЗЫВАХ СОВРЕМЕННОКОВ

А. Б. Никитина

«Николай Александрович Львов – человек разнообразных дарований и деятельности. Его биографией можно наполнить целую любопытную книгу»¹.

Н. А. Львову было присуще многообразие интересов: он был архитектором и теоретиком архитектуры и садово-паркового искусства, поэтом и прозаиком, переводчиком и драматургом, теоретиком музыки и музыкантом, собирателем музыкального фольклора, историком и географом, ботаником и археологом, художником и графиком. В кругу его интересов были также гидротехника и пиростатика, механика и вентиляционно-отопительная техника.

Ему были близки и дороги русская культура, русские древности. Он разыскал и опубликовал со своими комментариями две летописи, одна из них ныне известна под названием «Львовская летопись».

Львов одним из первых выдвинул проблему народности в литературе. Им было записано более 200 русских народных песен, опубликованных совместно с И. Прачем. Этот сборник, «Собрание русских народных песен с их голосами», является национальным достоянием.

Львов первым в музыкальной науке заговорил о многоголосии народных хоров. А в ремарках к своим комическим операм и в «Прологе» к открытию Российской Академии Львов проявил себя как первый русский автор тематических программ к концертам.

¹ Из письма Д. П. Бутурлина. Архив Воронцовых. Т. 32. М. 1890. С. 290.

Много трудился Львов и в области государственного хозяйства. Он открыл в разных местах залежи каменного угля, а на Валдайской возвышенности организовал разработку угля «для доставления в обе столицы». Изобрел способ добывать из угля «горючую серу», необходимую для изготовления пороха, и «каменноугольную смолу» для предохранения от гниения деревянных конструкций, работающих в воде, днищ судов, парусов, снастей, а также «каменный картон» – кровельный изоляционный материал типа толя.

Стремясь сократить вырубку лесов и дать населению дешевое топливо, организовал торфоразработки.

Изобрел новую систему отопления зданий, включавшую и вентиляцию помещений, разработал конструкцию «паровой кухни».

Системы отопления, вентиляции, освещения, водоснабжения построек разного функционального назначения всегда интересовали зодчего.

Наконец, внедренный им метод строительства дешевых, прочных, огнестойких зданий – «землебитное строительство» – получил поистине все-российский размах, благодаря тому, что по инициативе зодчего было открыто Училище землебитного строительства, из стен которого за время его существования было выпущено 815 мастеров и подмастерьев, присланных учиться ко Львову из 48 губерний России.

Книги Львова, посвященные законам перспективы, применению и разработке каменного угля, вентиляционно-отопительной технике, его теоретические высказывания, раскрывающие эстетические позиции в разных областях культуры, сосредоточенные в предисловиях таких его трудов, как изданные летописи, переводы Анакреона, сборник народных песен, проект сада Безбородко, а главным образом, переведенный им трактат А. Палладио об архитектуре, можно рассматривать как ценнейшие исторические документы последней трети XVIII века.

Он был признан современниками, высоко оценен правителями России, но, тем не менее, после смерти Львова многие его дела, изобретения, начинания были забыты или приписаны другим.

Еще при жизни ему пришлось столкнуться с придворными интригами, завистниками, клеветниками.

Не случайно Г. Р. Державин в одном из стихотворных посланий ко Львову одобрял его удаление от двора в деревню:

*...Ни зависть потаенным вздохом,
Ни гордость громогласным смехом*

Не жмут, не гонят со двора².

Львов отвечал на эти строки, что

*...Любит жить он с мужиками.
В совете с правыми душами жить
Пришлось как-то мне по нраву.
Двенадцать лет я пил отраву,
Которую тебе советую не пить
В том месте, где она все чувства отравляет,
Счастлив, кто этого хмельного не вкушает³.*

Многие дела Львова еще при жизни встречали препоны, о чем он писал графу С. Р. Воронцову: «...Во всех моих делах и комиссиях имел всегда пышный успех пустой похвалы, сие питало мой моральный состав; между тем для физического еще ничего не было сделано»⁴.

Эта же мысль высказана Львовым в опубликованной им книге «О пользе и употреблении русского земляного угля» (1799): «...Почти всегда единая заплата для начинающего было нареkanie, неприятности и труд... Ни о славе, ни о труде я, действительно, не мыслил, посвятя себя с лишком десять лет... убежден будучи только тем, что сделаю полезное дело... Разработка оногo оставалась безгласною, смеялись обретению и обретателю, обещали, отказывали, и я, терпевши всякого рода неудачи десять лет, не отставал от моего начала»⁵.

Лишившись своих могущественных покровителей – П. В. Бакунина, Ф. И. Соймонова и, особенно, А. А. Безбородко, Львов еще острее почувствовал, как осложнилось его положение при дворе и в высшем свете. В письмах к Г. Г. Кушелеву он писал обо всех своих невзгодах: «...Собственных моих сил и усердия недовольно, чтобы успех отвечал желанию моему, человеку брошенному, на которого публика смотрит, как на прослужившегося; вдвое трудно что-нибудь сделать вовремя и хорошо, ему везде затворены двери и часто в передней должен он потерять время, которое употребить бы он желал на службу и по повелению своего Государя... В прошедшее царст-

² Стихотворение Г. Р. Державина «К Н. А. Львову» (1792) // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. 1. СПб., 1864. С. 511.

³ Гавриле Романовичу ответ. Стихотворение Н. А. Львова // Там же. С. 519, 520.

⁴ РГИА. Ф. 37. Оп. 1, ед. хр. 118, 1778–1803. Л. 56–59.

⁵ Львов Н. А. О пользе и употреблении русского земляного угля. СПб., 1799. Предисловие.

вание по тридцатилетней службе моей, и везде похваленной, обойден я моими младшими⁶ и лишившись старшинства, которое император возвратил всем невинно обойденным, не нашел я за себя представителя... Я почти двадцать лет получаю одно и то же жалованье, которое получал надворным советником... Не имея подпоры, кроме службы, не дошли до меня и милости, Государем сделанные... Жизнь моя зависит от службы, успеха по службе, а какой успех может иметь человек, которого редкой выслушает, иной не допустит, и первая неудача повергнет меня в неизбежное несчастье, которое одно ожидание уже во всем останавливает. Новые открытия и новые дела больше мне наделали неприятностей, нежели милостивцов...»⁷.

И далее снова в письме к Кушелеву: «Государь обещал мне переменить орден, дать дом (из конфискованных в банке)⁸... Я и милостями, мне сделанными, не воспользовался.

...Я не получил по сию пору земли Саратовской⁹, которую Государь мне, с прочими наряду, при вступлении на престол пожаловал.

Земля, которая мне дана на содержание школы¹⁰ по докладу, у генерал-прокурора находящемуся, оставлена по резолюции до окончания земляного строения.

⁶ Из формулярного списка Н. А. Львова: «Львов в действительной службе находится с 69-го года, сначала в гвардии, в 1775 г. пожалован в капитаны и принят в иностранную коллегию, в которой служил по 10 марта 1782 года, в чине Статского Советника был невступно 10 лет; обойден, как в иностранной коллегии, так и в почтовом правлении» (РГАВМФ. Ф. 198. Д. 65. 1798–18000. Л. 259).

⁷ РГАВМФ. Ф. 198. Д. 65. 1798–1800. Л. 262, 263 об.

⁸ В путевой тетради в набросках одного из неоконченных писем Н. А. Львов сообщал известному корреспонденту перед своим отправлением в последнее путешествие в Крым и на Кавказ: «... В виде богообразного чуда выделяется мне дом без службы и без хозяина, и без соседей, говорят мне, что в нем живут ученики казенные.

Я никогда, кажется, не имел случая вам сказать, что по окончании Приората покойный Император пожаловал мне дом, и сказал точно сими словами: «Вот тебе за земляной каменный». Посылана была в банк справка, откуда представлено, что есть дом просроченный против Каз[анской] цер[кви]. Справка доставлена Неплюеву. Между тем я послан по комиссии торфа в Москву... Между тем Рас топчин велел в 24 часа выкинуть все мое имущество из дома почтового, где я 12 лет жил, где у меня, кроме дворника, никого не осталось. Все мое было кое как собрано...» (ОР ИРЛИ. Фонд Майкова 16.740, путевая тетрадь № 3. Л. 38 об., 39).

⁹ РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 117. 1816. Л. 95. «О пожаловании ДСС <действительному статскому советнику> Львову земли Саратовской губернии в Петровском уезде...».

¹⁰ Там же. Л. 74 об., 75. «О тюхильских землях под Москвой, вблизи Симонова монастыря».

Кирпичного завода в Москве мне не дали, а отдали из оброку князю Лобанову для казарм¹¹.

Квартиры, данной мне по именному повелению, я лишился, а с нею большой потерпел убыток¹².

Все сии милости, однако, мне сделаны и число завистников справедливого умножилось»¹³.

Из этих документов ясно, что при жизни Львова у него было множество недоброжелателей, всячески препятствовавших его начинаниям. И это понятно. В силу своей гениальности он так опережал время, что современники просто не могли понять всего его новаторства. А отсюда и неприятие его как личности. Такие люди, как Львов, всегда, во все времена, не исключая и сегодняшних дней, стоят над обществом, вне общества. Отсюда зависть, интриги, недоброжелательство, клевета и пр.

Из воспоминаний дочери Львова Елизаветы известно¹⁴, что особенно много козней отцу строил приближенный императора Павла I Г. Х. Обольянинов, ревностно относившийся к тому признанию, которое Львов сумел завоевать у Павла.

Чтобы досадить Львову, Обольянинов, будучи градоначальником Гатчины, отвел ему для строительства Приората самое гиблое место в Гатчине – заболоченный берег Черного озера. Но Львов и из этого «сделал выгоду», превратив это место в один из самых очаровательных уголков любимой резиденции Павла.

Живописный каскад «в виде руины», возведенный Львовым в районе парка «Зверинец», Обольянинов выдал за свою идею. А незадолго до гибели Павла Обольянинов потребовал у Львова отчет по Училищу землебитных строений, обвиняя во мздоимстве.

Двоюродный брат Львова, его первый биограф, Ф. П. Львов писал: «Часто и почти во всех краях, при открытии новых польз общественных, виновники оных, возбуждая внимание зависти, были гонимы. Подобной участи не избежал и Львов... О земляном угле кричали, что он не горит и не может заменить земляного угля Английского, а уголь Российский, загорев-

¹¹ РГИА Ф. 1285. Оп. 2. Д. 50. 1797. Л. 42.

¹² См.: примеч. 8.

¹³ РГАВМФ. Ф. 198. Д. 65. 1798–1800. Л. 264.

¹⁴ Рассказы, заметки и анекдоты из записок Е. Н. Львовой. Русская старина. 1880. Т. 28, июнь. С. 343. Рукопись хранится в ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 1. Ед. хр. 783.

Приоратский дворец – одно из землебитных архитектурных сооружений Н. А. Львова

шись однажды на пустом месте, на берегу под Невским, горел несколько месяцев, и потушить его было невозможно¹⁵.

О земляных строениях кричали, что они не прочны и нездоровы, а ныне, т.е. по истечении 25 лет многие земляные его строения существуют без всякого поправления в совершенной целости. Разные неприятные слухи распушены были на счет сего достойного человека, и он, по крайней чувствительности своей, не мог отстоять, так сказать, своего здоровья, которое постепенно разрушалось»¹⁶.

И совершенно иначе характеризует Ф. П. Львов Николая Александровича с точки зрения его друзей и единомышленников: «Происходя из древнего дворянского рода и не будучи человеком богатым, труд, нужда и чужая сторона, лучшие наставники в жизни, образовали, украсили и разум его, и сердце.

В нежной молодости свойство его изображалось чертами резкими и решительными. Необычайная бойкость, предприимчивость и устойчивость в преодолении всякого затруднения, заставляли отца и мать его думать часто, что, как говорится, не сносить ему головы.

...Разум пылкий изобретательный, любопытный к впечатлениям, отверстый и скорообъемлющий, истребил в нем упражнения праздные!»¹⁷. (Это качество впоследствии не раз отмечали друзья Львова. А. М. Бакунин в одном из писем к нему заявлял: «Знаю, что вы руки сложа и отдыхать не умеете, праздность – самая тяжелая для вас работа»¹⁸).

Еще в ранней юности, в школе Измайловского полка, куда Львов был определен на военную службу, «острота разума отыскала ему товарищей, на него похожих. Согласные склонности, одинакие упражнения составили из них кружок, в котором труды ученические... составляли молодых их лет блаженство»¹⁹.

¹⁵ Имеется в виду угольный пожар на даче Н. А. Львова на Калашниковской набережной Невы (ныне Синопская набережная в черте города).

¹⁶ Два варианта рукописи, несколько отличных друг от друга, хранятся в РНБ, ОСРк, QXVIII, II, л. 1–10 об. и в ОР РГБ, ф. 298/IV, 2, 33; печатается по ОР РГБ, ф. 298/IV, 2, 33. По рукописи РНБ опубликовано К. Ю. Лаппо-Данилевским в кн.: Львов Н. А. Избранные сочинения. Предисловие Д. С. Лихачева, составление, подготовка текста и комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кёльн, Веймар, Вена, СПб., 1994. С. 369, 370.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ИРЛИ. Ф. 16. Оп. 2. № 6. Письма А. М. Бакунина к Н. А. Львову.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 298/IV, 2, 33. Ук. соч..

И уже тогда, в ранней юности, Львов сумел снискать заслуженную любовь и уважение своих товарищей. Один из соучеников по школе, Николай Осипов, посвятил Львову сонет.

Сонет

*В знак почтения тому, чье имя начальные
слова показывают, поднес Николай Осипов*

На стихах я начинаю
Имя то днесь воспевать,
Кое в мыслях почитаю.
О! Коль трудно то начать!
Львова знать кто только тщится,
Ан уж должен почитать;
Юность, разум, все в нем зрится,
Львов все может совершать!
Во всем он всегда исправен;
Он обиды не чинит;
Всяк, о чем кто ни печален,
У него то получит²⁰.

И позже Н. Осипов, уже будучи известным ученым-ботаником, автором многочисленных сельскохозяйственных справочников, руководств и словарей, один из них, изданный в Петербурге в 1791 г., посвятил «Его Высокоородию, Милостивому Государю Николаю Александровичу Львову:

Милостивый государь!

Удостоите принять благосклонную слабую сию жертву моего к Вам почтения, усердия и благодарности, коими я считаю себя Вам навсегда обязанным. Вы еще в юношеских невинных забавах посеяли во мне склонность упражняться в переводах, что теперь служит для меня не только приятным препровождением времени, но некоторым образом составляет большую часть моего содержания и доходов. И самую сию книгу не осмелился бы я никак предпринять издать в свете, не будучи поощрен к тому Вашими советами, и снабжен от вас большею частию источников, из которых мог извлекать все нужное для составления оной. По чему и принимаю смелость по-

²⁰ Печатается по кн.: Кокорев А. В. Очерки истории русской литературы XVIII века. Л., 1949, С. 523–544.

святить ее Вам, как первому и начальному виновнику, как распространению небольших моих сведений, так и собственного ея существования; пребывая в прочем навсегда с душевным чувствованием особливого к Вам почитания, Милостивый Государь!

Вашим покорным слугою.

Николай Осипов»²¹.

«Не было таланта, к которому бы он (Львов) был равнодушен, не было таланта, к которому бы он не проложил своей собственной тропинки; все его занимало, все возбуждало его ум и разогревало сердце, и, что удивительно, — я не знаю предмета, разумом украшенного или вдохновением сердца созданного, в каком бы то роде ни было, который бы в нем не впечатлелся.

Он любил и стихотворство, и живопись, и музыку, и архитектуру, и механику. Словом, он был любимый дитя всех художеств, всякого искусства; казалось, что время за ним не поспевало! Так быстро побеждал он грубую природу и преодолевал труды, на пути знаний необходимые»²².

Подобные характеристики мы встречаем и у других близких Львову людей. М. Н. Муравьев в незаконченной статье «Жизнь Николая Александровича Львова» писал: «Отменные дарования, любовь художеств, чистота вкуса, глубокие сведения в науках и хозяйственном употреблении оных составляют его в число благородных особ российских, наиболее отличившихся просвещением.

...В нежнейшей юности своей отличался он между товарищами... благородством вкусов и глубоким размышлением, с того самого времени имел он счастье составить знакомства и дружества, продолжавшиеся во все течение жизни его. Обхождение его имело в себе нечто пленительное и действие разума его, многими приятностями украшенного, было неизбежно в кругу друзей его.

...Много способствовали к образованию его и распространению знаний путешествия, совершенные им в лучшие годы жизни, когда чувствительность его могла быть управляема свойственным ему духом наблюдения. В Дрезденской галерее, в колоннаде Лувра, в затворах Эскуриала и, наконец, в Риме, отечестве искусств и древностей, почерпал он сии величественные

²¹ Осипов Н. П. *Подробный словарь для сельских и городских охотников и ботанического, увеселительного и хозяйственного садоводства*. СПб., 1791–1792. Ч. 1–2.

²² ОР РГБ. Ф. 298/IV, 2, 33. Ук. соч.

формы, сие понятие красоты, сию неподражаемую соразмерность, которые дышат в превосходных трудах Палладиев и Мишель Анжев...»²³.

Г. Р. Державин в авторском комментарии к стихотворению «Память другу», написанном «по случаю кончины тайного советника Николая Александровича Львова, истинного друга автору», писал: «Сей человек принадлежал к отличным и немногим людям, потому что одарен был решительною чувствительностью к той изящности, которая с быстротою молнии наполняет сладостно сердце, объясняется часто слезою, похищая слово. С сим редким и для многих непонятным чувством он был исполнен ума и знаний, любил науки и искусства и отличался тонким и возвышенным чувством, по которому никакой недостаток и никакое превосходство в художественном или словесном произведении укрыться от него не могло. Люди, словесностью, разными искусствами и даже мастерствами занимавшиеся, часто прибегали к нему на совещание и часто приговор его превращали себе в закон»²⁴.

И снова вернемся к характеристике, данной Ф. П. Львовым: «...Необыкновенная острота разума, решительное чувство ко всему изящному и обхождение, имеющее в себе нечто пленительное в часы веселья, составили ему отличные знакомства, продолжавшиеся во все течение его жизни; известные ныне по литературе российской люди были ему и друзья, и товарищи. Хемницер, Державин, Капнист, Елагин, Храповицкий, Хвостов и проч. составляли обыкновенную его беседу, и в оной господин Львов был в виде Гения вкуса, утверждающий их произведения своей печатью, и которые не иначе в свет показывались, как в то время, когда сей самый Гений прикосновением волшебного крыла своего давал природным красотам их истинный вид и силу...

...Г-н Львов сделался, так сказать, пристанищем художников всякого рода, занимаясь с ними беспреестанно. Мастер клавикордный просит его мнения на новую механику своего инструмента. – Балетмейстер говорит с ним о живописном расположении групп своих. – Там г-н Львов устраивает картинную галерею. – Тут на чугунном заводе занимается он огненной машиной. Во многих местах возвышаются здания по его проектам. – Академия ставит его в почетные свои члены; Вольное Экономическое общество приглашает его к себе. Там пишет он «Путешествие на Дудорову гору». Тут

²³ Львов Н. А. *Избранные сочинения*. С. 360–361. Два варианта рукописи находятся в ОР РНБ. Ф. 542 (Оленина). № 760; Ф. 499. № 77.

²⁴ Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Е. Н. Львовой в 1809 г., изданные Ф. П. Львовым в четырех частях. СПб., 1834. Ч. I. С. 60–63.

составляет министерскую ноту; а здесь опять устраивает какой-нибудь великолепный царский праздник, или придумывает и рисует орден Св. Владимира...»²⁵.

Очень по доброму отзывался о Львове и Карамзин, хотя близко с ним знаком не был. В письме к Дмитриеву от 18 июля 1792 г. он писал о Львове, что он «имеет истинные дарования».

Львов умел привязывать к себе людей добротой, теплотой обращения, «приветливостью души», как писал Хемницер: «... Об одном тебя прошу: Бога ради, не теряй, если когда и в высшем степене министра будешь, ту приветливость души, которую ты имеешь»²⁶.

Исследователи творчества Н. А. Львова и его современников в XIX, XX столетиях также дают высочайшую оценку не только его творчеству, но и личностным, человеческим качествам.

Я. К. Грот, ознакомившись с рукописями Г. Р. Державина и Львова, переданными ему внуком Львова Леонидом Леонидовичем, писал: «Личность Львова рисуется в них очень выпукло и ярко, и он является в умственной жизни века Екатерины II одним из замечательных деятелей, как по многостороннему своему образованию, так и по характеру и необыкновенному для того времени образу мыслей. Занимая высокие должности, Николай Александрович Львов и посреди дворской жизни сохранял то простосердечие, которое его заставляло выше всего ценить семейное счастье и сельскую жизнь, и внушало ему теплую любовь к зависимым от него простолюдинам.

...Он обладал тонким вкусом и критическим даром в искусствах, так что между друзьями своими он слыл новым Шапелем. Особенно изучил он архитектуру, по которой и сам работал с большим успехом... Все в его бумагах показывает человека с умом деятельным и многообъемлющим.

...Я позволил себе остановиться с некоторою подробностью на личности Львова и его рукописях, потому что в этих бумагах кроется, может быть, один из тех материалов для внутренней истории русского общества, которым мы должны так дорожить и которых до сих пор отыскано так мало в наших семейных архивах»²⁷.

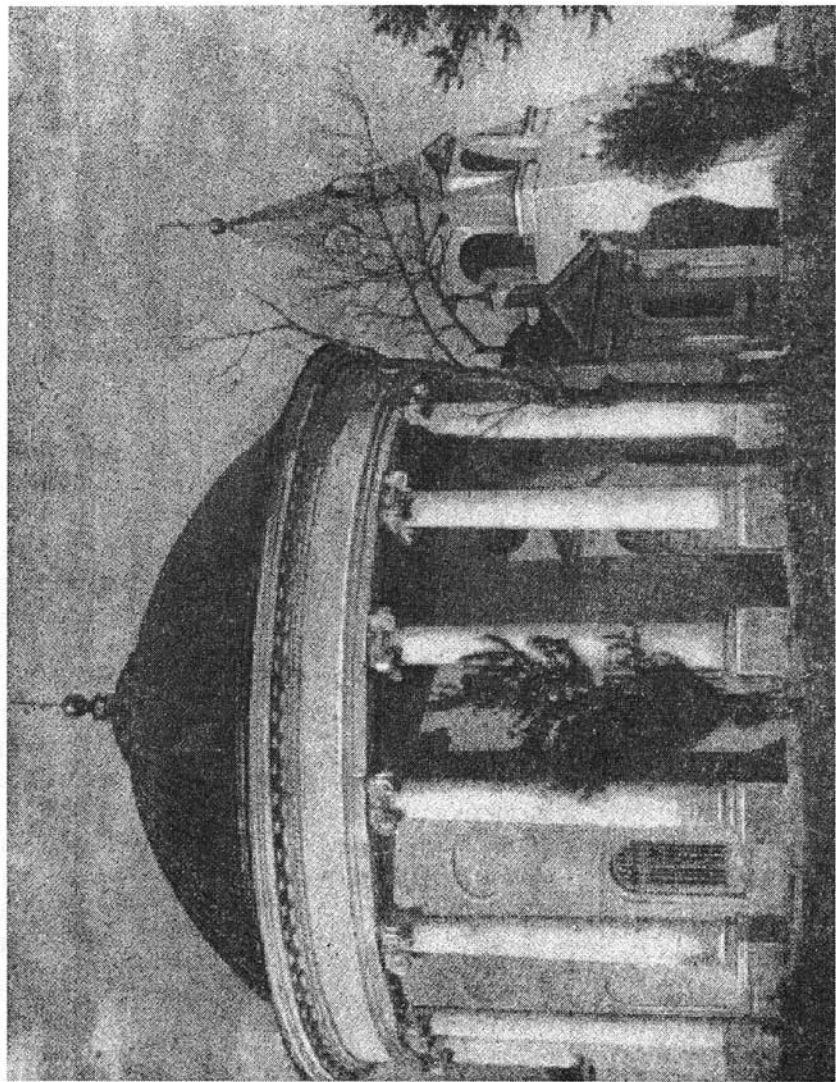
²⁵ ОР РГБ. Ф. 298/IV, 2, 33.

²⁶ *Басни и сказки И. И. Хемницера. (Сочинения и Письма Хемницера по подлинным его рукописям с биографической статьей и примечаниями Я. Грота).* СПб., 1873. Письмо Хемницера № 6 от 10 августа 1782 г.

²⁷ Грот Я. К. *Рукописи Державина и Львова (Отчет II отделению Академии наук).* СПб., 1859. С. 8.

Участники симпозиума смотрят документальный фильм о церкви Св. Троицы, названной в народе «Кулич и Пасха»

Церковь «Кулич и Пасха»

Другой литературовед XIX в., Л. Н. Майков, в «Очерках по истории русской литературы XVII и XVIII столетий» писал о Львове:

«Хемницер, подобно Державину, Капнисту, М. Муравьеву, принадлежал к той группе писателей екатерининского времени, которая находилась под влиянием даровитого и эстетически образованного Н. А. Львова. Львов был главным критиком этого кружка и руководителем новых, возникавших в нем литературных стремлений; все вышеназванные писатели давали высокую цену его суждениям. Литературное мнение Львова отличалось некоторым своеобразием: он был не чужд непосредственного знакомства с древними классиками и, в то же время, искал мотивов для творчества в русской народной поэзии; но что всего важнее и характернее, – он был поклонник изящной простоты и враг всего грубого и напыщенного»²⁸.

Высокую оценку личности и деятельности Львова дают и наши современники. Д. С. Лихачев в предисловии к «Избранным сочинениям» Н. А. Львова писал: «...Н. А. Львов – явление исключительное для России конца XVIII века своею способностью откликаться на все возможные требования, с которыми страна обращалась к людям творчества: ученым, поэтам, инженерам, архитекторам, садоводам, фольклористам, создателям книг.

Н. А. Львов – один мог удержать в своих руках быстро развивающуюся культуру эпохи во всем ее разнообразии.

...Рубеж XVIII и XIX вв. был исключительно важен для русской культуры. Перемены свершались во всех ее гранях. И люди, подобные Н. А. Львову, не только отражались в этих гранях своими энциклопедическими интересами, но и сами формировали эти грани, объединяя их единым стилем эпохи, который можно назвать стилем предромантизма»²⁹.

Несмотря на столь высокие оценки современников, исследователей творчества Львова многое после его кончины было забыто, а спустя полвека «изобреталось» заново. Так воздушное отопление вошло в историю под названием «Амосовская система отопления». Землебитное строительство вновь внедрялось во второй половине XIX в. в южных губерниях России Изнаром...

Наследие Львова полностью никогда не было издано, издавались лишь стихи и поэмы. Львов был душой круга литераторов, художников, музыкан-

²⁸ Майков Л. Н. Очерки по истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889. С. 252.

²⁹ Львов Н. А. Избранные сочинения. С. I.

тов, но в историю отечественной культуры это сообщество вошло под названием «Державинский кружок», хотя сам Г. Р. Державин писал, что в своем литературном творчестве «руководствовался <...> советами друзей, Львова, Капниста, Хемницера»³⁰. Заметим, что имя Львова он называет первым. В другой раз Державин заявил, что он «не иначе вырабатывал свои стихи, как по его (Львова – А. Н.) дружеским советам»³¹. Первое издание произведений Державина было подготовлено Львовым – с его правками, сохранившимися в рукописях, стихи были опубликованы³². Львов был и автором иллюстраций к четырем томам стихотворений Державина (два последних, уже после его смерти, выполнены были без его участия).

Львов подготовил и первое издание писем и басен И. И. Хемницера с иллюстрациями, выполненными им совместно с А. Н. Олениным.

Но как литератора его всегда ставили ниже не только Державина, но и Капниста и Хемницера.

Многие из архитектурных сооружений Львова также были приписаны другим архитекторам: почтовая станция в Пелле – И. Е. Старову, ансамбли усадеб графа Разумовского – А. Менеласу, ряд построек для графа Безбородко – Дж. Кваренги, церковь в селе Хорол на Украине – В. П. Стасову и др., или считались произведениями «неизвестного автора».

Задачи современных исследователей – все эти неточности, несправедливости ликвидировать, все поставить на свои места; воздать Львову должное по заслугам, определить его истинную роль и место в развитии отечественной культуры – архитектуры, литературы, истории, техники – всех тех областей, в которых его недюжинный талант нашел применение; возвести его на пьедестал, по праву ему принадлежащий.

Прекрасно написал о значении творчества Львова в посмертной статье, предварявшей поэму «Добрыня», опубликованную в журнале «Друг просвещения», Е. Болховитинов. Статья называлась «Памятник Николаю Александровичу Львову» и больше ни разу не переиздавалась: «Недавно русские люди имели несчастье лишиться одного из своих любимых гениев – Николая Александровича Львова... Потеря сия равно важна для искусства и для словесности. И если бы гении нужду имели в памятниках, то музы обязаны

³⁰ Цитируется по кн.: Грот Я. К. Жизнь Державина. М., 1997. С. 184.

³¹ Объяснения на сочинения Державина... СПб., 1834. Ч. I. С. 62.

³² Грот Я. К. Рукописи Державина и Львова (Отчет II отделению Академии наук). СПб., 1859. С. 9.

были бы поставить в честь сему один из наилучших. Но мрамор, бронза, панегирические надписи нужны только для тех, коих память должна опасаться забвения. А при этом лучшие произведения Фидиев, Праксителей, Поликлетов погибают в прахе, как между тем Гораций в собственных произведениях своих оставил себе памятник (по его выражению) «долгозвучнее меди и превыше пышных пирамид, памятник, которого ни непогоды, ни бурные ветры, ни многочисленные веки разрушить не могут». Итак, сочинения господина Львова сами будут ему вместо памятника»³³.

³³ [Болховитинов Е.]. Памятник Николаю Александровичу Львову // Друг просвещения. 1804. Ч. III, сентябрь, № 9. С. 196. Рукопись хранится в ОР РГБ. Фонд Полторацких. Оп. 10. Ед. хр. 24.

ПАРК В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Н. А. ЛЬВОВА

А. Ю. Веселова

В работах, посвященных творчеству Н. А. Львова, невольно обращает на себя внимание следующий факт: для большинства исследователей, рассматривающих отдельные аспекты деятельности Львова, некоторую трудность представляет включение Львова в какую-либо традицию (прошлого или современности). Именно этой трудностью можно объяснить возникновение дискуссионного вопроса об отношении дружеских посланий Львова к сентиментальной традиции¹. В работах об архитектурном наследии Львова говорится о львовском палладианстве и, вместе с тем, о его особом характере². Д. С. Лихачев называет Львова-паркостроителя «типичным романтиком» и тут же чувствует необходимость оправдать его пристрастие к экзотическим растениям, ранее охарактеризованное как примета стиля рококо³.

¹ Так, Р. М. Лазарчук видит в прозаизации дружеских посланий Львова их антисентименталистскую направленность (см.: Лазарчук Р. М. Послания Львова и его роль в литературной борьбе 1790-х–1800-х годов // Филологический сборник. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 460. Л., 1970. С. 29–45). Эту точку зрения оспаривает К. Ю. Лаппо-Данилевский (см.: Лаппо-Данилевский К. Ю. Литературная деятельность Н. А. Львова. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1988).

² Ильин М. А. О палладианстве в творчестве Дж. Кваренги и Н. А. Львова. // Русское искусство XVIII в. М., 1973. С. 109. Сравн. послесловие А. М. Харламовой к книге А. Н. Глумова: «Палладианство в архитектурном творчестве Львова иное, оно тесно связано с окружением и особенно полно проявилось в строительстве усадеб» (Глумов А. Н. Н. А. Львов. М., 1980. С. 190).

³ Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М., 1998. С. 272.

Наконец, множество жанрово- и стилистически неопределенных произведений разных видов искусства, а иногда и кажущаяся несочетаемость некоторых сфер деятельности Львова, часто заводят его исследователей в тупик. Во многом, как представляется, это происходит от недооценки масштабов дарования Львова, непризнания за ним таланта, который дает право на оригинальность и независимость. Во всех сферах своей деятельности Львов оказывается на фоне другого художника, внесшего значительно больший вклад в соответствующий вид искусства, но именно потому, что эта область деятельности была для него главной. Эти пары хорошо известны: Львов и Державин – в поэзии, Львов и Капнист – в драматургии, Львов и Кваренги – в архитектуре, Львов и Левицкий – в живописи и т.д. Но нельзя забывать, что для Львова были актуальными все эти сферы, и, в отличие от многих других стремившихся к универсализму деятелей культуры XVIII века, ни в одной из этих сфер Львов не был дилетантом. Из воспоминаний современников нам известно, насколько велик был авторитет Львова для его художественного окружения, и это лишнее свидетельство в пользу признания в Львове сочетания и таланта, и профессионализма.

В данной работе будет предложена попытка рассмотрения творчества Львова как человека скорее XIX столетия, т.е. человека ненормативного сознания, для которого нормой является как раз отсутствие системы, тем более что таковую не удалось выявить пока еще ни одному исследователю даже в рамках отдельных видов искусства.

Нежелание следовать в искусстве какой-то одной системе, безусловно, не означает отсутствия оформленных эстетических воззрений. Очевидно, что у Львова существует понятие о прекрасном, и в соответствии с ним он выстраивает свою «шкалу ценностей»⁴. Но в рамках этой шкалы Львов часто обращается к разным, иногда даже традиционно противопоставляемым источникам. Поэтому нередко Львов демонстрирует стремление «противоположение связать общим согласием»⁵, то есть «согласить» жанр комической оперы и бытовую хронику, тонический стих и романтический сюжет, пира-

⁴ См., например, рассмотрение такой шкалы на материале так называемого «Итальянского дневника» Львова: Лаппо-Данилевский К. Ю. Об источниках художественной аксиологии Львова // XVIII век. Сборник 21. СПб. 1999. С. 282–295.

⁵ Львов Н. А. Каким образом должно было бы расположить сад князя Безбородки в Москве // Львов Н. А. Избранные сочинения. Кельн. Веймар, Вена, СПб., 1994. С. 321. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

миду и ротонду, «учение двух противоположных художников Кента и Лентона» [с. 316], т.е. пейзажный и регулярный парк.

Очевидно, это стремление проистекало из представления о некоей абсолютной красоте, которая, скорее, есть порождение человеческого разума и элементы которой, для современного Львову этапа, уже есть как в природе, так и в искусстве разных времен и стилей. Задача художника заключается в творческой аккумуляции этих элементов и отсекании безобразного, которое может быть и в природе (у Львова встречается выражение «уродливая натура»), а также в создании в некотором смысле инварианта красоты. Авторитет древних, несомненный для Львова, в данном случае объясняется, скорее, тем, что многое они увидели и поняли первыми, а следовательно, нет необходимости в обращении как к другим, более поздним и искаженным, источникам, так и к первоисточнику, природе, потому что красота невозможна без посредничества человека.

Косвенным подтверждением этого положения может послужить цитата из И.-И. Винкельмана, взгляды которого безусловно были во многом близки Львову: «Знатоки и подражатели греческих произведений находят в их мастерских творениях не только прекраснейшую природу, но и больше, чем природу, а именно некую идеальную ее красоту, которая, как учит нас один древний толкователь Платона, создается из образов, набросанных разумом»⁶. Таким образом, речь идет о том, что еще древние греки сумели разумно вычленив из «природы» «красоту», и поэтому искать образцы предпочтительно именно у них. Хотя иногда возможно и обращение к посредникам. Например, в архитектуре для Львова таким посредником стал А. Палладио, итальянский архитектор XVI в., которого Львов называл «возобновителем чистой архитектуры»⁷.

Вместе с тем, в искусстве, в понимании Львова, всегда присутствует и практическая, актуальная сторона, «польза» красоты. Поэтому для Львова несомненным является как национальное, так и историческое своеобразие искусства, что также находит подтверждение в работах И.-И. Винкельмана.

Особенно часто стремление к сочетанию красоты и пользы, к согласованию практического и эстетического, отмечают исследователи архитектур-

⁶ Винкельман И.-И. Мысли по поводу подражания греческим произведениям в живописи и скульптуре. Перев. А. А. Алявиной // Винкельман И.-И. Избранные произведения и письма. М., 1996. С. 88.

⁷ Четыре книги палладиевой архитектуры. Ч. 1. СПб., 1798. Предисловие Н. А. Львова. С. 5 нenum.

ных и паркостроительных работ Львова⁸. Так, А. П. Вергунов и В. А. Горохов пишут: «Утилитарные и художественные стороны дела в его практике не отрывались друг от друга, а рассматривались в комплексе. Львов часто был архитектором, инженером, садоводом-художником и организатором строительства в одном лице»⁹. Необходимо добавить, что Львов также часто оказывался и «пользователем», что заставляло его с особым вниманием следить за функциональностью всех элементов. Поэтому в примечании к своему переводу книги Палладио Львов писал: «Украшение только то у места, которое вид надобности имеет: кружки, крючки и падинки на пропорциональном строении не более оное украшают, как парчовые заплатки на стройном гладком кафтане»¹⁰.

Но стремление найти в красоте пользу можно увидеть и в других сферах искусства. Например, описание двух Венер Тициана в «Итальянском дневнике», хоть и шутливо, но подчеркивает элемент «полезного» в их красоте. О Венере с картины «Венера и купидон» сказано: «... видно тело крепкое, здоровое и такое, на коем не без причины можно оковать счастье», а о «Венере Урбинской» – что она содержит в себе «... все красоты, обещающая хорошую утеху»¹¹.

У этого стремления к извлечению пользы из прекрасного есть и обратная сторона, т.е. превращение заведомо полезного в прекрасное и эстетизация культурного пространства. Именно желание «улучшить» то, что окружает человека в повседневной жизни, вероятно, заставляло Львова заниматься, например, разработкой печей и каминов, которыми не в последнюю очередь «доставляются разные удобства к удовольствию жизни и здоровья

⁸ Д. С. Лихачев отметил, что Львов пытается переосмыслить традиционное символическое значение в «натуральном», т.е. практическом смысле. В качестве примера Лихачев приводит надпись, сделанную Львовым на полях книги Х. Гиршфельда по садоводству: «Я всегда думал выстроить храм Солнце не потому только, чтоб он Солнцу надписан был, но чтоб в лучшую часть лета солнце садилось или сходило в дом свой покоиться» (Лихачев Д. С. *Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст*. М., 1998. С. 278).

⁹ Вергунов А. П., Горохов В. А. *Вертоград: Садово-парковое искусство России (от истоков до начала XX века)*. М., 1996. Ср.: «Львов – техник и инженер – неотрывен от архитектора, в его технических проектах непременно присутствует эстетическое начало» (Никулина Н. И. *Николай Львов*. Л., 1971. С. 84).

¹⁰ *Четыре книги палладиевой архитектуры*. Ч. I. СПб., 1798. С. 56.

¹¹ *L'von N. A. Italienisches Tagebuch. Итальянский дневник. Herausgegeben und kommentiert von K. Ju. Lappo-Danilevskij. Köln, Weimar, Wien, 1998. S. 61.*

служащие»¹². Возможно, что такой направленностью на красивое обустройство быта объясняется и ориентация Львова прежде всего на домашнюю культуру, что отмечалось в научной литературе¹³. Наконец, если посмотреть с этой точки зрения на литературное творчество Львова, то можно увидеть не включение бытовых элементов в стихотворное дружеское послание, а облечение бытового письма в стихотворную форму, т.е. поднятие быта до искусства.

При этом, чем функциональнее какой-либо элемент, тем меньше он оказывается подчинен нормам и правилам. Оставляя за Палладио право диктовать внешний вид фасада как элемента в большей степени декоративного, Львов категорически не согласен с его правилами расположения комнат: «В Италии, конечно, можно строить дома и по плану шахматной доски. Хозяин занимает там часто один уголок палат своих, а в остальных покоях картины и мраморы морозу не боятся... Так годится ли правило равновесия в нашем климате, и какое равновесие мороз в 28 градусов не перевесит?»¹⁴. В подобных случаях возможно даже неповиновение авторитетным предшественникам. Например, при планировании птичника в проекте сада для кн. А. А. Безбородко Львов отвергает традицию строительства птичников в форме храма: «Имея к древности священное почтение, не могу я, однако, по сию пору убедить понятие мое, чтобы великолепные здания сродни были для помещения птиц. Несобразно мне кажется огромность дому с мелочными одного жильцами» [с. 323].

В рамках предложенной концепции эстетики Львова представляется интересным рассмотрение роли парка в его эстетической системе. Специфика садово-паркового искусства в данном случае заключается в том, что, с одной стороны, парк не столь необходим человеку, как дом, с другой же,

¹² См. полное название книги Львова: *Русская пиростатика, или Употребление испытанных уже воздушных печей и каминов, посредством коих: 1-е нагревается комната наружным воздухом, 2-е соблюдаются дрова, 3-е переменяются в покоях вредный воздух на свежий, но теплый, 4-е отвращается дым и, наконец, 5-е доставляются разные удобства к удовольствию жизни и здоровья служащие.* (СПб., 1795).

¹³ Сравн., напр.: «Театр Н.А. Львова мог существовать лишь в атмосфере доброжелательности, «повышенной информированности» аудитории, ее подготовленности к восприятию нетрадиционных сценических средств». (Лаппо-Данилевский К. Ю. *Комическая опера Н. А. Львова «Сильф, или Мечта молодой женщины» и традиции русской любительской сцены // XVIII век. Сборник 20.* СПб., 1996. С. 113).

¹⁴ *Четыре книги палладиевой архитектуры. Ч. 1.* СПб., 1798. С. 58.

вокруг дома неизбежно возникает некоторое хозяйственное пространство, которое тоже может (а, по мнению Львова, и должно) быть украшено.

Выражением взглядов Львова на садово-парковое искусство может служить как выполненный Львовым проект сада для кн. А. А. Безбородко, расположенного в Москве в районе так называемого Воронцова поля (ныне набережная акад. Туполева), так и ряд описаний усадеб, спроектированных Львовым для себя, своих друзей и по заказу (в данном случае наименее значимой оказывается история создания Александровой дачи в Павловском парке, так как там перед Львовым была поставлена задача скорее театрального художника).

Во всех без исключения парках Львов сочетает регулярные и пейзажные элементы. Регулярный парк непосредственно примыкает к дому и создает своеобразный буфер между архитектурой и природой. Если соотнести ранее сказанное о фасаде дома и его внутреннем убранстве со схемой типичного львовского парка, то можно сказать, что регулярный парк вокруг дома продолжает фасад, симметрия которого не мешает человеческому существованию¹⁵, а пейзажный создает жизненное пространство, аналогичное комнатному, «смягчая живыми приятностями и круглою чертою холодный прямоугольник архитектуры» [с. 316]. Не случайно в проекте сада Безбородко Львов обозначил регулярный парк как «парк роскоши», а пейзажный как «парк утехы» [с. 316], в котором необходимо «облегчить понятие взора» [с. 317]. Именно такое пространство, предназначенное не только для созерцания, но для самой жизни, может быть практически использовано. А. П. Вергунов и В. А. Горохов характеризуют это пространство так: «Здесь много уюта, заботы о повседневном быте, простоты, человечности, тонкого вкуса. Львов, работая над деталями усадьбы-парка, стремился реализовать свою программную задачу – создать окружение, достойное идеала естественного человека»¹⁶. В соответствии с этой задачей Львов иронизирует над неестественностью некоторых элементов регулярных садов, в частности, над обычаем стричь деревья в форме животных и скульптурных групп, т.е. создавать «зеленых уродов, которые стали не пень, не дерево» [с. 316]. Зато к числу своих особых заслуг Львов относит экономическую целесообраз-

¹⁵ М. А. Ильин отметил специфическую «всеохватывающую архитектурную гармонию» регулярных частей львовских парков. (Ильин М. А. О палладианстве в творчестве Дж. Кваренги и Н. А. Львова // Русское искусство XVIII в. М., 1973. С. 109).

¹⁶ Вергунов А. П., Горохов В. А. Вертоград: Садово-парковое искусство России (от истоков до начала XX века). М., 1996. С. 217.

ность многих составляющих парка, например, упоминает, что мельничное колесо не только создает декоративный водный каскад, но и подает воду в оранжереи [с. 320].

Не забывает Львов и о внешнем окружении. Поэтому парк Безбородко, находящийся в черте города, нуждается в усилении регулярного элемента: «Сей сад, расположенный будучи в середине города большого, должен не токмо отвечать величиною оною, но и служить еще богатою рамою великолепному дому, составляющему картину оной, и потому не может быть иначе как архитектурный и симметричный» [с. 316]. Дом с парком, в свою очередь, находятся в рамке городской архитектуры, поэтому та часть, в которой предполагается расположить публичный сад и которая непосредственно соприкасается с городом, вновь выполнена на плане симметричной.

Полной же реализацией представлений о том, как должна выглядеть усадьба, т.е. прежде всего дом и парк, естественно стало собственное имение Львова – Никольское-Черенчицы. Львов не только осуществил свою мечту организовать все окружение по единому вкусу, но и мог быть уверен, что вкус этот совпадет со вкусом владельца усадьбы. Планируя сад для Безбородко, Львов в некоторой степени исходил из представлений об идеальном парке, не случайно та часть проекта, которая носит название «Расположение натурального сада», выглядит как очень краткий конспект основных положений книги Гиршфельда¹⁷. В собственной же усадьбе он отталкивался в первую очередь от своих потребностей и вкусов (а также материальных возможностей).

Подробное описание усадьбы Никольское-Черенчицы приведено в монографии А. П. Вергунова и В. А. Горохова: «Изучая план этой почти уже разрушенной усадьбы, нельзя не подивиться той последовательности, с которой автор решает проблему сочетания красоты и пользы. Каждое сооружение усадьбы имеет вполне определенное функциональное назначение и в то же время свой выразительный художественный образ: погреб – пирамида, плотина – «каскад», купальня – грот, кузница – своеобразная театральная декорация и т.д. Но еще более важно то, что вся усадьба в целом решается как хозяйственный комплекс, организованный на началах экономической целесообразности: далеко внизу, на лугу за прудом, – помещения для скота, около зданий – фруктовые сады, ближе к полям – хозяйственные постройки. И в то же время усадьба, включающая в себя множество утилитарных по-

¹⁷ Hirschfeld C. C. *Theorie der Gartenkunst. Leipzig, 1779–1785. Bd. 1–5.* Львов читал французский перевод (*Téorie de l'art jardins*).

строек – ригу, сыроварню, оранжереи, зернохранилище, мельницу и другие, является прежде всего ансамблем»¹⁸.

Итак, можно считать Никольское почти идеальным воплощением мечты Львова об эстетически и практически гармонично организованном пространстве. Следующим этапом было освоение этого пространства, т.е. правильное поведение в нем, моделирование которого занимало не только Львова, но и многих его друзей, причем большей частью в построенных Львовым имениях: Г. Р. Державина – в Званке, А. М. Бакунина – в Премухине и т.д. Наконец, такое поведение предписывало его описание («Евгению. Жизнь Званская» и «Осуга», соответственно), таким образом, круг замыкался, и жизнь превращалась в текст, т.е. в законченное произведение искусства.

¹⁸ Вергунов А.П., Горохов В. А. *Вертоград: Садово-парковое искусство России (от истоков до начала XX века)*. М., 1996. С. 215.

ОБРАЩЕНИЕ ПУШКИНА К «ЛЕТОПИСЦУ РУСКОМУ»**Н. А. ЛЬВОВА****В. П. Старк**

Пяти томный «Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины Царя Иоанна Васильевича» вышел в 1792 г. в Санкт-Петербурге, отпечатанный в типографии Горного Училища. На титуле обозначено: «Издад Н. Л.» Подобное уккрытие имени вполне отвечало традиции анонимности древнерусской литературы, но уже для современников Львова не было секретом, что именно он нашел, подготовил и издал эту рукопись. На титульном листе первого тома «Летописца» из собрания Российской Национальной библиотеки к литере «Л» сделана старым почерком приписка чернилами, так что фамилия издателя читается полностью: «Львовъ». Список найденного и опубликованного Львовым памятника относится к XVI веку и имеет большое историческое значение. Изложение событий доведено в нем до 1560 г. Сама рукопись, принадлежавшая Спасо-Евфимиевскому монастырю, была позднее утрачена, однако в 1903 г. обнаружился идентичный ему Эттеровский список, называемый так по имени его прежнего владельца Карла Эттера и ныне хранящийся в Российской Национальной библиотеке в Петербурге. Летопись же, изданная Н. А. Львовым, стала называться по его имени – «Львовская»¹. Во время подготовки нового издания Львовской летописи (I часть – 1910 г., II часть – 1914 г.) Археографической комиссией был приобретен, хотя и без первых семи листов, тот самый экземпляр ее, который был использован при печатании первого издания и являющийся копией со Спасо-Евфимиевской.

¹ См.: Лурье Я.С. Летопись Львовская // Справочник книжников и книжности Древней Руси. Вып. II (вт. пол. XIV–XVI вв.). Ч. II. Л – Я. Л., 1989. С. 44–45.

Самым ранним свидетельством знакомства Пушкина с «Летописцем Руским...» является цитата из него, хотя и без точного указания на источник, в письме поэта к К. Ф. Рылееву от второй половины мая 1825 года из Михайловского. В нем Пушкин откликается на строфу рылеевской думы «Олег Вещий»:

Но в трепет гордой Византии
И в память всем векам
Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам.

Цитируя третий стих, Пушкин замечает: «Ты напрасно не поправил в Олеге *герба России*. Древний герб, с <вятой> Георгий, не мог находиться на щите язычника Олега; новейший, двуглавый орел, есть герб византийский и принят у нас во время Иоанна III. Не прежде. Летописец просто говорит: Таже повеси щит свой на вратех на показание победы» (XIII, 175–176)².

Однако до настоящего времени это обращение Пушкина ко Львову оставалось не откомментированным. Разве что автор статьи о Львове в «Краткой Литературной Энциклопедии» заметил: «Соч. Л. дважды цитировал А. С. Пушкин»³. Вторая цитата восходит к поэме Н. А. Львова «Добрыня» и использована Пушкиным в «Путешествии в Арзрум»⁴. Первыми эти цитирования отметили составители именного указателя в 17-м томе Полного собрания сочинений Пушкина:

«Львов Николай Александрович
«Добрыня» VIII 1028 (цит.: Разные народы разные каши варят)
«Летописец русской...» XIII 176 (цит. со стр. 31, тома I: «Таже повеси щит свой...»)» (XVII, 268).

Пушкин приводит цитату из следующего фрагмента изданного Львовым «Летописца»: «Царь же Леон и Александр мир учиня со Олгом сотво-

² Цитаты из Пушкина даются по Полному собранию сочинений (т. I–XVI. Изд-во АН СССР, 1937–1949; Справочный том, вышедший в 1959 г., обозначается как том XVII) в тексте статьи с указанием в скобках римской цифрой номера тома, арабской – номера страницы.

³ Глумов А. Н. Львов... // Краткая Литературная Энциклопедия. Т. 4. Лакшин – Мураново. М., 1967. С. 469.

⁴ Об этом см.: Старк В. П. Львов и Пушкин: несколько сближений // Гений вкуса. Материалы научной конференции, посвященной творчеству Н. А. Львова. Тверь, 2001. С. 334–337.

риша присягу, сами целовали крест, а Ольга приводили по Рускому обычаю к присяге, и кляся Олег оружием своим и Перуном богом своим и Волосом, и утвердивши мир, рече Олег: шийте парусы паволочиты Руси, а Словяном крапинные, и бысть тако, та же повеси щит свой на вратах на показание победы (разрядка наша – В. С.), и поиде от Царя града и воспяша парусы, но вскоре у Руссов ветер парусы изодра паволочиты, как и у Словян»⁵. Итак Пушкин буквально цитирует Львовскую летопись, что можно сделать, только имея источник текста перед глазами. Однако Б. Л. Модзалевский в своем знаменитом подробно откомментированном издании писем Пушкина не называет источника цитаты⁶.

То, что Пушкин обращает столь пристальное внимание на строки Рылеева, связано, конечно, с тем, что в своем собственном, еще в 1822 году написанном стихотворении «Песнь о Вещем Олеге» он также обращается к походу князя Олега на Цареград и пишет: «Твой щит на вратах Цареграда». Для него источником послужил рассказ Н. М. Карамзина в «Истории Государства Российского»: «В знак победы Герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греции, единогласно назвал Олега *вещим*, т.е. мудрым или волхвом»⁷.

Безусловно, что общим источником и для Львовского «Летописца», и для Карамзина было сообщение о деяниях Олега Нестором в «Повести временных лет» под 907 годом. Для Карамзина это редакция Лаврентьевской летописи: «И повеси щит свой в вратах показуа победу, и поиде от Царяграда»⁸. Пушкин, как мы видим, пользуется не пересказом Карамзина, не лаврентьевской редакцией, а редакцией этого сюжета по львовскому изданию «Летописца Руского».

Позднее Пушкин в письме к брату Льву Сергеевичу, в начале января 1823 года, из Кишинева замечает: «Душа моя, как перевести по-русски *bevues*? – должно бы издавать у нас журнал *Revue des Bevues*. Мы помести-

⁵ Летописец Руской... Т. I. С. 31.

⁶ Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского. Т. I. 1815–1825. М.-Л., 1926. С. 261, 443.

⁷ Карамзин Н. М. История Государства Российского. В 12-ти томах. М., 1989 Т. I. С. 105.

⁸ Повесть временных лет. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950. С. 25.

ли бы там выписки из критик Воейкова, полуденную денницу Рылеева, его же герб российский на вратах византийских – (во время Олега, герба русского не было – а двуглавый орел есть герб византийский и значит разделение Империи на Зап.<адную> и Вост.<очную> – у нас же он ничего не значит)» (XIII, 54).

Рылеевский промах – *bevue* – замечен Пушкиным в думе «Олег Вещий», напечатанной в «Новостях Литературы» 1822 г. в № 11. По этому поводу Пушкин в черновике своей «Песни о Вещем Олеге» к слову «щит» в стихе «Твой щит на вратах Цареграда» сделал выноску, почти дословно процитированную в письме к брату: «но не с гербом России, как некто сказал (для рифмы с Византии), во-первых потому, что во время Олега Рос<сия> не имела еще герба. – Наш Дв.<углавый> Ор.<ел> есть герб Р.<имской> Империи и знаменует разделение ее на Зап.<адную> и Вост.<очную>. У нас же он нич<его> не значит» (II, 741). Это примечание следует датировать тем же временем, что и письмо брату, т.е. январем 1823 года. Судя по характеру сделанной выноски, Пушкин намеревался включить ее в качестве примечания в будущий печатный текст, но потом от этого отказался. Заметим, что ни в письме брату, ни в примечании Пушкин не цитирует «Летописца Руского...» Львова. По всей видимости, Пушкин знакомится с этим текстом только в Михайловском, в пору, когда пишет «Бориса Годунова».

В составе библиотеки Пушкина, хранящейся в Пушкинском Доме и описанной в свое время Б. Л. Модзалевским, имеется изданный Львовым пятитомный «Летописец Руской». В первом томе проложены четыре закладки. Инициалы издателя, т.е. Н. А. Львова, Модзалевским не раскрыты, и его имя не введено в именной указатель, в котором встречается только имя Федора Петровича Львова и его жены Елизаветы Николаевны, дочери Николая Александровича. Ф. П. Львов является издателем книги, также принадлежавшей Пушкину, «Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице Елизавете Николаевне Львовой, в 1809 году. Изданные Ф. П. Львовым, в четырех частях. Санктпетербург. В типографии Александра Смирдина. 1834»⁹. В «Объяснениях» Державина не однажды встречается упоминание имени Н. А. Львова.

Кроме того, в библиотеке Пушкина имеется еще один экземпляр только первого тома без закладок. По всей вероятности, сначала приобретен был

⁹ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1916. С. 59–60. № 219, 220.

именно он, а позднее – весь пятитомник. Уже сам по себе этот факт говорит о внимании Пушкина к этому изданию Львова. Возможно, что одиночный экземпляр «Летописца» или другой, к примеру, из библиотеки Тригорского, был в распоряжении Пушкина в Михайловском в 1825 году, когда он сообщает Рылееву свои впечатления по поводу его «Дум». Во всяком случае, процитированное место в обоих экземплярах первого тома никак не отмечено и не заложено.

В первом томе пятитомника проложены закладки между страницами 160–161, 202–203, 204–205, 264–265. На эти закладки обратил в свое время внимание Я. И. Ясинский, включивший «Летописца Руского» в круг изданий, которыми пользовался Пушкин в работе над «Словом»: «Ознакомление с текстом соответствующих страниц «Летописца» позволяет сделать вывод о том, что эти закладки являются вехами, которые Пушкин оставил на пути своих научных изысканий, – каждая из них так или иначе связана с отдельными местами «Слова»¹⁰. Однако ни Б. Л. Модзалевский, описавший библиотеку Пушкина, на чью работу ссылается Я. И. Ясинский, ни другие исследователи никогда не говорили, что эти закладки принадлежали именно Пушкину. Безусловно, что выявляемый по ним круг интересов того, кому принадлежали закладки, в данном случае интерес к сюжетам, нашедшим отражение в «Слове», может свидетельствовать в пользу того, что они сделаны Пушкиным, но с тем же успехом их мог сделать кто-то другой.

Вот, к примеру, что пишет Я. И. Ясинский по поводу первой закладки: «Первая закладка (между стр. 160–161 тома I «Летописца Руского») отмечает рассказ об отравлении князя Ростислава Владимировича греком котопаном, который «испи половину вина, а половину даде князю пити и доткнувся пальцем в чашу, бе бо имея под ногтями растворение смертное»; описанное происшествие отнесено к 6574 (1066) г. По-видимому, Пушкин склонен был рассматривать вещий сон Святослава, как реминисценцию, навеянную реальным историческим событием, память о котором даже через сто с лишним лет продолжала волновать современников Игоря; в интерпретации поэта сновидению сообщалось психологическое и историческое оправдание, что было одинаково важно как для разъяснения одного из темных мест поэмы, так и для отпаривания нападок скептиков – М. Т. Каченовского, О. И. Сенковского и их последователей»¹¹. Соглашаясь

¹⁰ Ясинский Я. И. Из истории работы Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве» // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Вып. 6. М.-Л., 1941. С. 339.

¹¹ Ясинский Я. И. ... С. 339–340.

с приведенным суждением, следует, тем не менее, отметить, что повествование об отравлении князя Ростислава начинается еще на предыдущей странице и, если бы именно это место обратило на себя внимание Пушкина, то закладка должна была быть сделана именно на ней. В вешем сне Святослава было видение, что ему черпают «синее вино с трудом смешено», что в первом издании переведено как «синее вино с ядом смешанное». Перевод этот, как мы знаем, неправильный, ибо слово «труд» по-древнерусски обозначало и работу, и ратный подвиг, заботу, боль, недуг, но не яд. Таким образом, Пушкину приписывается не только весьма сомнительная интерпретация относительно реминисценции, которой, скорее всего, и нет в данном случае, но и неправильное толкование слова «труд» вослед первым переводчикам «Слова».

«Вторая закладка (между стр. 202–203 того же тома), – продолжает Я. И. Ясинский, – отмечает рассказ о походе на половцев Владимира Мономаха и других князей в 6611 (1103) г.; она может впрочем относиться и к выражению «оба полы» в описании «небесного знамения» (выражение это встречается в «Слове»: «свивая славы оба полы сего времени»). Третья закладка (между стр. 204–205) находится в описании другого похода на половцев 6619 (1111) г., окончившегося взятием городов половецких Шурукана и Сугрова; летописное повествование отмечено, очевидно, по связи со следующим местом «Слова»: «звоня рускымъ златомъ, поють время Бусово, лелеют мечь Шароканю». Наконец, четвертая закладка (между стр. 264–265) может относиться к упоминанию о перенесении Андреем Боголюбским иконы Богородицы, привезенной его отцу «из Царя-Града с Пирогошею в едином кораблице»; о храме этой Богородицы говорится и в заключительной части «Слова»: «Игорь едет по Боричеву къ Святей Богородици Пирогошей»¹².

Однако помимо указанных сюжетов на заложенных страницах повествуется и о других событиях, не связанных со «Словом о полку Игореве». На страницах 161–162 рассказывается о взятии князем Всеславом Брячиславовичем в 6575 (1067) году Новгорода, ложной присяге князей Изяслава, Святослава и Всеволода тому же князю Всеславу и затем пленении ими его. Вторая и третья закладки проложены там, где повествуется о сражениях русских князей с половцами, основании городов Юрьева, Владимира, Ладуги, других событиях, относящихся к 1104–1115 годам. Вот что на той же

¹² Ясинский Я. И. ... С. 340.

странице 204, заложенной Пушкиным, можно прочесть об основании Владимира в 1108 (6616) году: «Тогоже лета совершен бысть град Володимир Владимиром Мономахом, и созда в нем церковь каменну Святого Спаса».

В связи с этим можно вспомнить и о других интересах Пушкина в области древней русской истории помимо эпохи «Слова». На странице 203 обращает на себя внимание сообщение об имевшем место знамении: «Того же лета бысть знамение, солнце в крузе, посреди круза крест, а посреди креста солнце, вне же круга оба полы два солнца, а над солнцем кроме круга дуга рогами на север. Таковое же знамение и в луне Февраля 4, 5 и 6, в солнцы по три дни, а в луне по три ночи бысть». Известная приметливость Пушкина могла вызвать его интерес к этому явлению и вне занятий «Словом».

Тем не менее, проделанный анализ мест, заложенных в экземпляре «Летописца» из библиотеки Пушкина, свидетельствует, в первую очередь, о целенаправленном внимании того, кто сделал эти закладки, к «Слову о полку Игореве». Однако необходимо было найти более точное доказательство, что закладки эти сделал именно Пушкин. И такое доказательство нашлось. Именно на страницах 160–161 «Летописца Руского...», заложенных в экземпляре из библиотеки Пушкина (первая закладка), сообщается о событии под 1067 годом, которое не обратило на себя внимание Я. И. Ясинского: «В лето 6575 завоевал Всеслав сын Брячиславль Нов-град, и до Неревского конца поже, и Святую Софию разграби, и колокола и паникадила разграбив отиде».

Об этом самом событии идет речь в письме академика П. И. Кеппена Пушкину от 17 июля 1836 года:

“Nimmt man hierauf an, dass das Lied unter Trajan nicht den Kaiser Trajan im I Jahrh.<undert> nach Chr.<isti> sondern den Feldherrn Trajan im I Jahrh.<undert> versteht, und das mithin das erste Jahrh.<undert> Trajan das vierte der gewöhnlichen Zeitrechnung ist, so findet man die eigenthümliche weitere Zeitrechnung im Gedicht mit der unsrigen übereinstimmend. Es heisst namlich darin: “Im siebenten Jahrhundert Trojans dringt Wseislaw gegen die Stadt Kijew, öffnet die Thore Nowgorods”. Dieses Ereigniss, die Bezwingung Nowgorods durch Wseislaw geschah 1067 und fand also im VII Jahrh.<undert> Trojans statt, sobald man nicht vom Kaiser, sondern von Valentinians Feldherrn an zahlt” (XVI, 141).

[Перевод: Если предположить, что под Траяном в песне подразумевается не император Траян I века по р. Х., но полководец Траян IV века и что

таким образом *первый* век Трояна является *четвертым* столетием обычного летоисчисления, то своеобразная дальнейшая хронология поэмы окажется совпадающей с нашей. А именно, там сказано: «На седьмом веке Трояновом бросился Всеслав к городу Киеву, отворил ворота Новгорода». Это событие, покорение Новгорода Всеславом, произошло в 1067 г. и, следовательно, имело место действительно в VII веке Трояна, если отсчитывать не от императора, а от полководца Валентиниана] (XVI, 389–390).

С автором письма Петром Ивановичем Кеппенем (1793–1864), академиком, исследователем древней русской истории, Пушкин встретился в Публичной библиотеке, где имел с ним разговор о «темных местах» в «Слове о полку Игореве». Пушкин сделал ему запись со своим адресом на Каменном острове, куда тот и адресовал процитированное письмо¹³. Можно реконструировать дальнейшее. Прочтя письмо, Пушкин обращается к «Летописцу Рускому», находит под 1067 годом соответствующую запись и, прочтя, закладывает это место.

В то время Пушкин пишет статью о «Слове», впервые опубликованную П. В. Анненковым в 1855 г., которая датируется приблизительно концом 1836 г. (XII, 449). В статье также говорится о Трояне: «Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под названием *Троянова вала*. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о коем 4 раза упоминает Слово о полку И.<гореве>, есть никто иной, как римск.<ий> император. Но тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется (стр. 14, изд. Ши<шкова>) «вступила Девою на землю Трояню, на синем море у Дону». Где же тут Бессарабия? «Следы Трояна <в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян>» (Вельтман). Почему же?» (XII, 151). Очевидно, что статья Пушкина в том виде, в каком она дошла до нас, была написана до общения с П. И. Кеппенем, во всяком случае, до получения его письма, версия которого относительно Трояна – римского полководца, а не императора, должна была показаться поэту убедительной.

В настоящее время преобладает другая точка зрения, согласно которой Троян – это русский языческий бог, а «Всеслав действует на седьмом, т.е. на последнем веке языческого бога Трояна, иными словами: на последнем веке

¹³ Черейский Л. А. Изд. 2-ое. Л., 1988. С. 189.

языческих времен»¹⁴. Однако это проблема, которая выходит далеко за рамки настоящей работы. Одно не вызывает теперь сомнения — это то, что закладки в так называемой Львовской летописи принадлежат Пушкину.

Если рассматривать остальные заложенные Пушкиным страницы как связанные со страницей 161–162, то прежде всего следовало установить наличие на этих страницах описания событий, которые могли заинтересовать Пушкина, занимающегося «Словом о полку Игореве». В целом все четыре отмеченные места объединяет присутствие в них описаний борьбы Киевской Руси с половцами. На странице 161 под 1068 годом значится: «В лето 6576, придоша иноплеменницы на Рускую землю Половцы мнози: Рустии же изыдоша противу им». На полях страниц 202–203 выделенные оглавления говорят сами за себя: «Дремлют половцы», «Князя половецкия убиты», «Победа Россиан», «Победа Руская». Тоже на страницах 205: «Победа Россиан» и 264: «Берендеи половецв побиша».

Под новым углом зрения, выявляя неясные в «Слове» места, на которые обращает внимание Пушкин, следует рассматривать и наблюдения Я. И. Ясинского по поводу закладок, сделанных поэтом. Вот текст, привлечший внимание Пушкина на страницах 204–205: «В лето 6619, Святополк, Владимир и Давыд Святославич, с сыном Ростиславом, Всеволод, Святослав Ольгович, и Ярослав Святославич идоша на Половцы. Тогдаж с ними поидоша Давид Игоревич, Мстислав, Ярополк Владимирович, и взяша грады их Шарукан, и Сугров, слышав же сие Половцы, поидоша противу их, и победиша их Русь Марта 24 на потоце Дегниав Мартаж месяца 17, прииде множество Половец тьмы тьмами, и ту поможе Бог Князем Руским».

А вот в каком контексте поминается половецкий князь Шарукан (Шерукан) в «Слове»:

Се бо готския красныя девы
вспеша на брезе синему морю:
звоня руским златом,
поют время Бусово,
лелеют месть Шароканю.

Как пишет, комментируя это место, Д. С. Лихачев: «Здесь, очевидно, имеется в виду поражение Шерукана и Боняка в битве 1106 г.»¹⁵.

¹⁴ Лихачев Д. С. *Комментарий исторический и географический // Слово о полку Игореве*. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950. С. 454.

¹⁵ Лихачев Д. С. *Комментарий...* С. 431.

Пушкин читал другой комментарий этого места еще первых издателей «Слова»: «Кто был Бус неизвестно; а о Шарукане, в летописях под 1107 годом упоминается, что по имени сего Князя назван был Половецкий на реке Донце город, с которого в 1111 году Русские взяли окуп. Татиш. Часть II, стран. 204»¹⁶. Именно о городе Шерукане идет речь в заложенном Пушкиным месте «Летописца Руского». Поскольку Пушкину, скорее всего, не было известно то, что Шерукану, некогда потерпевшему поражение от русских князей, хан Кончак приходился внуком, так что месть за него – дело кровное, и она оказывается вполне естественно звучащей в «Слове», то для него это место также представлялось неясным. Итак, когда в «Слове» готские девы «лелеют месть Шароканю», то это – месть за описанное выше поражение в 1106 году Шарукана и Боняка.

В «Повести временных лет» (Лаврентьевской редакции) записано под 1107 годом, маем месяцем: «В том же месяце воевал Боняк и захватил коней у Переяславля. В том же году пришли Боняк и Шарукан старший, и другие князья многие, и стали около Лубна. Святополк же и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в 6-м часу дня перешли вброд через Сулу и крикнули на них. Половцы же ужаснулись, со страху не могли и стяга поставить, но побежали, на бегу хватая коней, а иные пустились бежать пешие. Наши же принялись рубить, нагоняя их, а других руками ловить, и гнали чуть не до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, и Сугра взяли в плен и брата его, а Шурукан едва убежал»¹⁷.

Это же событие описано в «Летописце» следующим образом: «В лето 6614, побиша Князи Руские Половец на Сулуе. Владимир, Святополк, Олег, Святослав, Мстислав, Ярополк и Вячеслав, и убиша Тазабу, и Якова брата, и иных много изтопша, а иных изымаша». Неведомый Яков не мог не обратить на себя внимание Пушкина, ибо имени такого татарского быть не могло. Сопоставление двух текстов выявляет ошибку в издании «Летописца»: вместо «Таза, Бонякова брата» оказалось напечатано «Тазабу, и Якова брата». Невольно вспоминается пушкинская заметка при чтении «Нестора» Шлецера: «Смотри, чем начал Шлецер свои критические исследования! Он переписывал летописи слово в слово, букву в букву... стр. IX предведомл. <ения>. А наши! ...» (XII, 207).

¹⁶ Слово о Полку Игореве... Первое издание. С. 26.

¹⁷ Повесть временных лет... С. 388–389.

Последняя закладка также отмечает место, которое требует прояснения. На странице 265 под 1155 годом читаем: «В том же лете иде Андрей от отца своего к Суздалью, и принесе икону Пресвятыя Богородицы, коя писана Святым Евангелистом Лукою, юже принесоша отцу его из Царя-града с Пирогощею в едином кораблице...».

В «Слове» же мы читаем:

«Игорь едет по Боричеву
к святей Богородице Пирогошей».

В примечаниях к 1-ому изданию «Слова» относительно этого места говорится следующее: «Образ *Владимирской* Богородицы, который ныне в Успенском Соборе в Москве возле царских врат на левой стороне в киоте. Его в древности *Богородицею Пирогощею* называли по тому, что из Царя-града привезен был в Киев гостем, прозывавшимся Пирогощею. Великий Князь Андрей Юрьевич Боголюбский в 1160 году взял сию Святую икону от отца своего Великого Князя Юрья Владимировича и перенес оную в ново-построенный тогда на Клязьме город Владимир: в Москву же она принешена в 1395 году, и с тех пор уже именуется Владимирскою. Татищ. Том III, стр. 97 и 127, а в примечаниях стр. 487»¹⁸.

Пушкин не мог не заметить разночтения этого примечания первых издателей и процитированного текста из «Летописца Руского». В первом случае речь идет как бы об одной иконе, т.е. Владимирской или Пирогошей. Во втором случае, т.е. в Львовской летописи, о разных иконах, хотя и привезенных на одном корабле неким Пирогошей.

В современном комментарии читаем: «Церковь Богородицы Пирогошей была заложена в Киеве в 1132 году и завершена в 1136 г. Так названа по иконе «Пирогошей» (от греческого – «башенная»), привезенной из Константинополя в Киев вместе со знаменитой «Владимирской». Икона Пирогошая до нас не дошла, а Владимирская находится ныне в Третьяковской галерее в Москве»¹⁹.

Сюжеты из «Летописца Руского», заинтересовавшие Пушкина, объединяет то, что все они касаются спорных, «темных» мест в тексте «Слова». В этих сюжетах обнаруживаются разночтения со «Словом» или с примечаниями к нему в первом издании 1800 года. Я. И. Ясинский высказал также

¹⁸ Слово о Полку Игореве... Первое издание. С. 45.

¹⁹ Лихачев Д. С. Комментарий... С. 466.

предположение, что к львовскому «Летописцу» относится найденная в библиотеке Пушкина и хранящаяся еще с пятью подобными же закладками запись на обрывке бумаги:

«нет – разумеется Волохия
Влахия»²⁰.

Исследователь считает, что эти слова звучат как возражение Львову, который во вступлении к «Летописцу» по поводу указания одной из границ Древней Руси «к западу по морю до земли Эслянская и до Воложеской» поясняет в сноске: «Велхия, Воложская земля: сие, кажется, про Италию разумеется»²¹. Поскольку данная закладка с приведенной записью идентична пяти другим, с которыми и хранится в особом конверте, то, следовательно, и они происходят из пушкинского экземпляра Львовского «Летописца».

Пушкинская статья «Песнь о полку Игореве» датируется концом 1836 года на основании письма А. И. Тургенева к брату Николаю от 7 декабря 1836 г., в котором он сообщал, что Пушкин «хочет сделать критическое издание («Песни о полку Игореве») вроде Шлецерова Нестора и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей: но для этого ему нужно дождаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале остаются неясными, но многое пояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных и остроумных, все основано на знании наречий славянских и языка русского»²².

«Летописец Руской» относится, таким образом, к ряду изданий, которыми Пушкин пользовался в конце жизни, работая над «Словом о полку Игореве». Место, которое Львовский «Летописец» занимал в этой работе поэта, в какой-то мере определяется сделанными им закладками. Первая закладка, вызванная письмом П. И. Кеппена, касается проблемы с Трояном, четвертая – иконы Пирогощей. Смежные вторая и третья, отметив сюжет с князем Шаруканом, охватывают события начала XII века, а точнее 1102–1115 годов. Это период, которым завершается «Повесть временных лет», доведенная самим летописцем Нестором до 1106 года, продолженная игуме-

²⁰ Рукою Пушкина // Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 17 (дополнительный). М.: Воскресение. 1997. С. 161.

²¹ Ясинский Я. И. ... С. 340.

²² Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. 3-е, 1928. С. 278.

ном Сильвестром до 1110 года и дополненная по Ипатьевской летописи до 1117 года.

В «Летописце» на 205 странице под 1115 годом с заголовком «Олег умре» последняя запись сообщает: «Тогож лета Августа 18 дня, преставися Олег Святославович». Последняя запись «Повести временных лет» под 6624 (1115) годом (Ипатьевская редакция) также посвящена смерти князя Олега Святославича и бывшему перед тем знаменю: «В тот же год было знамение: погибло солнце и стало как месяц, про который невежды говорят – объединенное солнце. В тот же год скончался Олег Святославич, месяца августа в первый день, а во второй был погребен у святого Спаса, у гроба отца своего Святослава. В том же году (Владимир) построил мост через Днепр»²³.

Самое посещение Пушкиным в период работы над «Словом» Публичной библиотеки, где хранился и хранится ныне подлинный экземпляр Лаврентьевской летописи, консультации с П. И. Кеппеном подталкивают к заключению, что Пушкин сопоставляет разные редакции «Повести временных лет». Несомненно, что для Пушкина Львовская летопись была единственным доступным печатным источником знакомства с «Повестью временных лет». Хотя «Лаврентьевская летопись» в 1824 году и была издана, но только до 1019 года, следовательно, при работе над «Словом» была бесполезна. Ее экземпляр в библиотеке Пушкина оказался даже неразрезанным²⁴. Не полностью была издана в 1767 г. и Радзивилловская летопись под названием «Библиотека российская историческая, древние летописи». О неполноте Синодального списка Новгородской первой летописи XIV в. (первое изд. 1781 г., второе – 1819 г.) говорит само его название: «Летописец Новгородский, начинающийся от 6525 (1017) года и кончающийся 6860 (1352) годом». Ипатьевская летопись будет издана только в 1843 г. Таким образом, для Пушкина единственным доступным печатным текстом «Повести временных лет» и одновременно событий времени «Слова» оказывался именно Львовский «Летописец».

В «Уведомлении», предворяющем издание летописи, Н. А. Львов писал, обращаясь к своему читателю, каковым оказался и Пушкин: «Я издал

²³ *Повесть временных лет... Т. I. С. 403.*

²⁴ *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина... С. 60. № 221: Летопись Несторова, по древнейшему списку монаха Лаврентия. Издание Профессора Тимковского, прерывающееся 1019 годом. Напечатано при Обществе Истории и Древностей Российских. Москва. В Университетской Типографии. 1824.*

сию летопись для того, что нашел в ней многие происшествия, подробности и числа, каковых и в самом Несторе не приметил.

Подробности исторические открывают иногда большому историку великие истины».

К Львовскому «Летописцу Рускому» как к авторитетному изданию обратился Пушкин и в своей критике Рылеева, и при критическом разборе первого издания «Слова о полку Игореве».

**«ТЕАТРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ С МУЗЫКОЮ
“ДОБРЫНЯ”» Г. Р. ДЕРЖАВИНА
И ОДНОИМЕННАЯ «ГЕРОИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ» Н. А. ЛЬВОВА**

А. О. Дёмин

Исследование каждого из шестнадцати оригинальных и переводных драматических текстов Г. Р. Державина приходится начинать с указания на его особое место в творческом наследии поэта, поскольку каждый из них несет на себе печать творческого эксперимента и неповторимой поэтической манеры своего создателя.

В небольшой по объему научной литературе, посвященной первому крупному опыту Державина в драматургии, «Театральному представлению с музыкою в пяти действиях “Добрыня”», сложилась традиция указывать на обращение к фольклорному материалу и его художественное осмысление, характерное для русской как, впрочем, и для западноевропейских литератур на рубеже XVII–XIX вв.¹ Как отмечает Л. В. Омелько, «использование образов и мотивов устного народного творчества было довольно продуктивно, особенно на первом этапе формирования тех или иных жанров (роман, комедия, комическая опера, шутливая поэма)»². Среди произведений художе-

¹ См., напр.: Абакумов С. Об отношении Державина к народной поэзии (к вопросу о развитии идей народности в конце XVIII – начале XIX в.) // Вестник образования и воспитания. Казань, 1916. № 5–6. С. 302–316; Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII в. и ее связи с литературой, театром и бытом. Т. 1. М., 1952. С. 150–188; Гурьянова Г. И. Фольклорные мотивы в театральном представлении Г. Р. Державина «Добрыня» // Г. Державин. История и современность. Казань, 1993. С. 15–16; Омелько Л. В. «Добрыня» Г. Р. Державина // Державинский сборник. Новгород, 1995. С. 5–14.

² Омелько Л. В. Указ. соч. С. 5.

ственной литературы, которые непосредственно повлияли на творческий замысел Державина, еще Я. К. Гротом указана неоконченная «героическая песнь», начатая Н. А. Львовым в 1796 г. и опубликованная после его смерти в журнале «Друг просвещения» А. И. Мусиным-Пушкиным в 1804 г. (IV, 49)³.

Первая глава львовского «Добрыни» является художественным и публицистическим манифестом, утверждающим идеологию и дающим образец практической реализации национального «русского вкуса» в области литературы. Целью своей Львов ставил «написать целую Русскую эпопею в совершенно русском вкусе»⁴. Поэма по разным причинам не продвинулась дальше первой, декларативной главы. В контексте истории литературного процесса на рубеже XVIII–XIX вв. этот факт не может не представляться знаменательным. Произведение крупной эпической формы, созданное средствами народной поэзии, по-видимому, не только осталось, но и могло быть лишь теоретическим манифестом. И все же замысел Львова и его исполнение, будучи известны Державину задолго до публикации «героической песни»⁵, не могли не повлиять на замысел и реализацию его первого крупного театрального сочинения. Необходимо лишь исследовать и уточнить конкретные формы и границы этого влияния.

Действительно, в державинском «Добрыне» действуют и упоминаются былинные персонажи, среди которых сам главный герой, богатырь Добрыня Никитич, киевский князь Владимир–Красно Солнышко, коварный Тугарин Змеевич. Представление завершается этнографически достоверной стилизацией народного свадебного обряда, дивертисментом, изображающим бракосочетание главных героев, для которого Державин написал шесть хоров в народном духе (IV, 127–128). В девятом явлении пятого действия находится «хор древний русский», воссоздающий приемы былинного стихосложения и образности:

Как едет поедет добрый молодец,
Сильный могуч богатырь,
Добрыня-то, братцы, Никитьевич,

³ Здесь и далее с указанием в скобках номера тома (римская цифра) и номера страницы (арабская цифра) цитируется издание: Державин Г. Р. Сочинения. С объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. I–IX. СПб., 1864–1883.

⁴ Друг просвещения. 1804. № 9. С. 195.

⁵ Рукопись «Добрыни» Львова хранится в архиве Г. Р. Державина: РНБ. Ф. 247. Т. 37.

Да едет с ним его Тороп слуга,
И сражается он с Тугариным;
У Тугарина, собаки, крылья бумажные,
Летал он собака по поднебесью,
И пал он, собака, на сыру землю. (IV, 125)

Среди условно «народных» фрагментов обычно выделяется также хор витязей «Не сизы соколы по поднебесью» (IV, 86–87) и хор девиц без оркестрового сопровождения «Что по гридне князь, что по светлой князь» (IV, 98–99).

При чтении державинского «Добрыни» нельзя не заметить, однако, что стилистическая ткань этой пьесы далека от этнографически выдержанной гомогенности. Здесь мы встречаем традиционное для отечественной авантюрно-сказочной прозы второй половины XVIII в. смешение черт западно-европейского рыцарства и древнерусского былинного богатырства, отразившееся также в стихотворном отрывке Н. М. Карамзина «Илья Муромец». Так, например, в третьем действии князь Владимир посвящает Добрыню в свои *рыцари* характерным жестом, ударом меча плашмя по плечу, со словами:

Будь рыцарем моим! (IV, 88)

Именование богатырей рыцарями встречается в пьесе неоднократно. Конкретный источник подобного рода контаминаций для державинского «Добрыни» был указан Л. В. Омелько в цитированной выше работе. Это первая повесть из «Русских сказок» В. А. Лёвшина «Добрыня». Невозможно, однако, возвести именно к этой повести сюжет пьесы Державина или даже отдельные эпизоды его. Из повести Лёвшина непосредственно заимствована лишь песня в былинном духе, процитированная выше. Она приведена Лёвшиным в примечании к повести⁶. Любопытно, что Лёвшин публикует также нотную строку напева. Не исключено, что эта мелодия могла предполагаться Державиным в музыкальном оформлении «Добрыни». В качестве второго конкретного заимствования можно указать эффектный театральный выезд Тугарина, помещенный Державиным во втором действии: «Тугарин в личине крокодила, на двух крылатых треглавых змеях, выехав на колеснице, ос-

⁶ См.: Лёвшин В. А. Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения. М., 1780. Ч. 1. 138–140.

танавливается у моста...» (IV, 69). Он непосредственно восходит к эпизоду сватовства Тугарина к болгарской княжне Куридани из повести Лёвшина⁷.

С элементами авантюрно-сказочного рыцарства соседствуют черты ночной готической фантастики. Главная героиня Прелепа проживает в «готическом», по выражению Державина, златоверхом тереме и поет романс: «О отрада дней мучительных...» в сопровождении арфы (IV, 60). Третье действие «представления» завершается ночной сценой в характерной таинственной обстановке: «Театр переменяется и представляет в ночи небольшую часть сада с каскадами, освещенного луною, которой луч, отражаясь от крышки золотой терема Прелепы, падает на водоскаты. *В тени видны мрачные переходы и потаенная лестница* [курсив мой – А. Д.]. <...> Слышно с той стороны, где Тугаринов шатер, по Днепру хохочущее эхо от птиц, а на тереме стон филина <...> Ведьма, съехав по лунному лучу, кувыряясь, перебегает чрез театр в белом платье с растрепанными волосами, от чего все разбегаются, кроме Добрыни, который, не торопясь, надевает шлем и уходит». В сюжет пьесы введены характерные для готической литературы мотивы таинственного воина, лицо которого скрыто забралом (в этой роли выступает Добрыня, сомневающийся в верности Прелепы), и невинно осужденной страдающей женщины (Тугарин обманом и подлогом заставляет киевлян верить, что Прелепа находится с ним в любовной связи и является предательницей Родины, героине грозит смертная казнь)⁸.

Дальнейший стилистический анализ пьесы позволяет выявить в ней также сентиментальный пласт. Главные герои Добрыня и Прелепа, а также князь Владимир обнаруживают черты чувствительных героев, вплоть до одной из самых показательных, отмеченной Н. Д. Кочетковой, – начитанности⁹. В пьесе трижды процитированы любовные песни самого Державина, сочиненные им еще в молодости, все три случая выявлены Я. К. Гротом (IV, 60, 95, 96). Таким образом, полулегендарные древнерусские герои оказыва-

⁷ См.: Лёвшин В. А. ... С. 26.

⁸ О ранней рецепции готических мотивов в русской литературе см. напр.: Вацуро В. Э. Литературно-философская проблематика повести Карамзина «Остров Борнгольм» // Державин и Карамзин в литературном движении XVIII в. – нач. XIX в. Л., 1969. С. 190–209 (XVIII век. Сб. 8); Каменев и готическая литература // Русская литература XVIII века и ее международные связи. Л., 1975. С. 271–277 (XVIII век. Сб. 10). Simpson M. S. *The Russian Gothic Novel and its British Antecedents*. Columbia, Ohio, 1986.

⁹ См.: Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма (Эстетические и художественные искания). СПб., 1994. С. 156–189.

ются осведомлены в творчестве ведущего русского поэта второй половины XVIII в. Шутливо-изящный эротизм рассказа наперсницы Способы о том, как князь Владимир выбирал себе невесту в покоях спящих претенденток (IV, 63–64) напрямую перекликается с «Ильей Муромцем» Карамзина.

Стилистическая мозаика державинского «Добрыни» содержит в себе также черты комедии и комической оперы и даже журнальной сатиры, сгруппированные вокруг образов комедийных слуг Торопа и Способы, сумароковской трагедии, отраженной в трагедийной ситуации любовного соперничества великого князя и его лучшего воина Добрыни, которое грозит опасностью тирании. Нельзя не сказать также о пародийном осмыслении Державиным драматургического и сценического опыта нарождавшейся русской волшебной-авантюрной оперы, в частности, вызывавшей его резкое неприятие «Русалки» К.Ф. Генслера–Н. С. Краснопольского.

«Добрыня» предстает, таким образом, своеобразной забавной мозаикой литературных и театральных стилей, в различной степени актуальных для русской культуры в первые годы XIX в. Составляющая, условно называемая древнерусской, в этой мозаике, как может показаться, занимает весьма скромное место и является лишь одной из маскарадных личин, в которую рядятся державинские герои¹⁰. «Добрыню» Державина нельзя считать прямым наследником «Добрыни» Львова, ибо строптивый «певец Фелицы» в данном случае не следует львовским декларациям по воссозданию «русского духа» в литературе. Однако на некоторые конкретные черты родства рассматриваемых произведений указать все же можно.

В первом издании «Добрыни» Львова, как и в последовавших републикациях, вплоть до последней, осуществленной К. Ю. Лаппо-Данилевским¹¹, лишь указано на наличие небольшого отрывка второй главы, следующего в рукописи за первой главой, но ничего не говорится о его содержании, кроме того, что в нем содержится план главы второй. Прочитируем этот план: «Владимир празднует в Киеве бракосочетание со своей Милоликою. Княжеский обед. Обряд свадебного пира. Обед народной. Народные игры и, наконец, богатырский обед и богатырские потехи. Загородный Владимиров дом на Либиди. Вечернее гульбище. Киевский Нестор рассказывает, что все еще

¹⁰ О маскарадной природе державинского «забавного слога» см.: Успенский Б. А. Язык Державина // Из истории русской культуры. Т. 4. XVIII – начало XIX в. М., 1996. С. 781–806.

¹¹ См.: Львов Н. А. Избранные сочинения / Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии К. Ю. Лаппо-Данилевского. Кёльн, Веймар, Вена; СПб., 1994. С. 407.

не так, как на Волыне, его родине»¹². Среди запланированных эпизодов наше внимание обращают на себя два: «Обряд свадебного пира» и «богатырские потехи». В пьесе Державина эти два эпизода помещены в композиционно значимых, узловых моментах драмы. Балет, изображающий богатырские потехи, помещен в центр третьего действия пятиактной композиции (IV, 85–87). Сцена эта не является отвлеченно-декоративной, но имеет важное значение в развитии сюжета. Изображением свадебного обряда представление завершается, т.е. эта сцена, хотя и лежит уже за пределами собственно развития действия, но является его необходимым завершением.

Подводя итоги, можно сказать, что хотя Державин и ставил Львову в заслугу воскрешение национального русского духа в литературе, – он писал в стихотворении «Память друга»: *«Встань, дух поэзии русской древней, // С кем вторя он Добрыню пел...»* (II, 461–462), – но теоретическим установкам и практике литературного конструирования древнего русского поэтического строя не следовал, создавая оригинальный стилевой вариант крупной драматической формы, осмысленный им на уровне языковой стилистики («забавный русский слог») и осмысляемый нами как забавная волшеббно-легендарная авантюрная опера, в которой конструирование стилистики древнерусского искусства, не являясь тотальным, приобретает все же отчетливо доминирующий характер, открывая перспективы создания русской волшеббно-героической оперы, осуществлявшегося в отечественном искусстве на протяжении всего XIX века.

¹² ОР РНБ. Ф. 247. Т. 37. Л. 100 об.

О СТИХОТВОРЕНИИ Г. Р. ДЕРЖАВИНА «К ЦАРЕВИЧУ ХЛОРУ»

Н. П. Морозова

В 1803 году были опубликованы в виде отдельной, иллюстрированной при участии Н. А. Львова брошюры два стихотворения Г. Р. Державина: «Послание индейского брамина» и «Гимн солнцу». Первое из них написано «в таком же роде, как ода Фелица»¹. Действительно, оба текста сопоставимы и по значимости, и по стилистике, образному строю. Вместе с тем в последнем отношении интересующее нас послание не является простой авторской вариацией «Фелицы». Новым в системе образов стихотворения явилось отраженное заглавием авторское амплуа – «индейский брамин», сменившее прежнее – «мурза». «Посвящение» татарского мурзы в брамины явилось результатом разделенных автором увлечений эпохи «восточной» и «американской» темами, с их солнечным культом верховной власти². Уже в «Виде-

¹ Державин Г. Р. Сочинения с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб. Изд. 2-ое, 1870. Т. III. С. 563.

² В то же время развернутое сравнение Екатерины II с солнцем в «Оде на день рождения ея величества, сочиненной во время войны и бунта 1774 года» начинается с упоминания славянской языческой традиции:

*Когда б средь варварства ночей
Еще, монархиня, мы жили,
Мы в солнца чин тебя б вместили,
Поставя правдой вымысл сей;
Но, днесь уж Ольгой освященны,
Тобою паче просвещенны,
Мы баснями тебя не чтим...*

(Державин. Г. Р. Сочинения. Т. III. С. 230)

нии мурзы» (1783–1784) поэт обещал императрице: «Как солнце, как луну поставлю / Твой образ будущим векам...»³. В оде «На пришествие Феба» он уподобил солнцу Павла I⁴. Однако самым «солнцеподобным» монархом стал в поэзии Державина Александр I. В стихотворении 1799 года «Введение Соломона в судилище» (по случаю введения в Сенат к присутствию в первый раз императором Павлом сына его Александра Павловича) поэт желал наследнику престола:

Да смирит клеветников
И, как солнце, ввек сияет
И луна меж облаков,
Так блистать на троне станет.

А в оде 1801 года «На въшествие на престол императора Александра I» Державин уверял нового монарха:

Как солнце, трон твой утвердится.

Поэтому закономерным было появление и «Гимна солнцу», и нового лирического героя – «брамина», обратившегося к царевичу Хлору с посланием. Вместе с брамином в последнем явилась целая галерея персонажей индийской мифологии:

И подлинно, весьма чудесный
Бывал ли где такой султан?
Да, Оромаз блюдет небесный
Тебя, гарем, седой диван
И всю орду твою татарску!
Да ангел сам Инсфендармас,
Покрыв главу крылами ханску,

³ Быть может, поэт помнил рассказ из приобретенной им у Н. И. Новикова «Истории о странствиях вообще...» (М., 1783. Ч. 5) А. Ф. Прево д'Экзилья о малабарцах, боготворивших солнце и луну.

⁴ Любопытна в связи с этим возникшая в оде «На Новый 1798 год» тема затемнения солнца:

Блиставший на своем восходе,
Не тмился ль часто в полдень Феб?

Позднее Державин так пояснял эти строки: «По вступлении на престол император Павел ознаменовал себя многими милостями и благотворными распоряжениями, но в полудни своего царствования, поступая неблагоприятно, заставлял всякого думать, что оно скоро затмится» (Сочинения. Т. III. С. 548).

С своих тебя не спустит глаз
И узел укрепит священный
На пояс твоем всегда!

.....

Когда же подлая и даже подкупная,
Прищуря мрачный взор, где зависть или злость
На нас пролет свой яд, – простим им грех,
вздыхая;
Не прейдут, бедные, чрез Ариманов мост.

В Объяснениях на свои сочинения Державин писал: «Брамины – секты индийских монахов, которые почитают себя сынами солнца. Оромаз – дух добрый или бог секты индийских браминов. Инсфендармас – В книге Зенд-Авеста, или законодательства, писанной Зороастром, индийский ангел Инсфендармас есть покровитель сей страны. Ариман – индийский злой дух брамины верят, что по смерти души переходят через его мост, и ежели они не очищены, то свергаются в неизмеримые бездны»⁵. Невыясненным остается вопрос, по какому изданию знакомился поэт с книгами Авесты. Возможно, это был какой-то немецкий перевод. Об интересе Державина к «индейской» теме свидетельствуют сохранившаяся в его архиве рукопись конца XVIII века «Индийской философ, или Наука счастливо жить в обществе, состоящая в небольшом числе наилучших нравоучительных наставлений, собранная некоторым древним брамином»⁶ и брошюра «Arien und Gesänge aus Dem Sonnenfest. Geroisch Oper in 2 Aufzugen» (St. Petersburg, 1803)⁷. Быть может, Державин и до 1803 года был знаком с героической комической оперой К. Ф. Генслера «Праздник Солнце браминов» (музыка М. Мюллера), впервые изданной в Вене в 1790 году. Многие о «священных обрядах и народных обычаях» Индии поэт мог узнать от возвратившегося в октябре 1801 г. в Россию Г. С. Лебедева, который позднее помогал⁸ ему в работе над «Рассуждением о лирической поэзии». В архиве Державина сохранились корректурные листы переведенной Лебедевым поэмы Бхарота Чондро Раа «Шлоке мога мудраго, стихи нравоучительные»⁹.

⁵ Державин Г. Р. Сочинения. Т. III. С. 564.

⁶ ОР ИРЛИ РАН. Ф. 96. Г. Р. Державин. Оп. 14. № 36.

⁷ ОР РНБ. Ф. 247. Г. Р. Державин. Т. 26. Аллеганта 8.

⁸ См.: Альтицуллер М. Г. Лебедев и Державин // Народы Азии и Африки. 1963. № 4. С. 126–129.

⁹ ОР РНБ. Ф. 247. Г. Р. Державин. Т. 31. № 28.

Новое амплуа поэта не осталось незамеченным. А. Ф. Лабзин, подписавшись инициалом М.¹⁰, опубликовал в октябрьском номере журнала «Вестник Европы» за 1803 год стихотворение «Индейскому брамину», написанное с целью утешить огорченного недоброжелателями¹¹ Державина:

От Солнца искру взяв в эфире,
Какой-то новый Прометей
Спустился с нею в Кашемире,
Чтоб снова оживлять людей;
И искрой сей огня и света
Воспламенил он дух Поэта,
Что был Судьбою обречен
Певцом быть Бога и Фелицы;
Певец татарския столицы –
Мурза – в брамины посвящен.

Огнем небесным вдохновенный,
Коснулся лиры Саламандр –
Воспето Солнце, жизнь вселенной,
Воспет им Хлор, иль Александр,
И под одеждою Брамина
Возвещена в народ судьбина,
Какая Кашемирцов ждет:
Но Сильфы, Гномы и Наяды
Не будут Саламандру рады¹²,
Его огонь их обожжет.

¹⁰ Автор назван в приписке Державина на рукописи стихотворения: «Александр Федорович Лабзин сочинял в 1803 году мая дня» (ОР РНБ. Ф. 247. Г. Р. Державин. Т. 28. № 1) и в автокомментариях к стихотворению 1808 года «Издателю моих песней». (Державин Г. Р. Сочинения. Т. II. С. 711).

¹¹ Имевшийся ввиду конфликт отражен последними четырьмя строками «Послания индейского брамина», которым в Объяснениях Державина на свои сочинения дан такой комментарий: «На автора и на императора была написана поносительная ода одним писателем, который имел худое зрение, который смотрел всегда чрез лорнет, то в соответствии сему пасквилю и написаны окончательные стихи сей оды» (Сочинения. Т. III. С. 565).

¹² Возможно, в строках: «Но Сильфы, Гномы и Наяды / Не будут Саламандру рады» сохранился намек на давний сатирический выпад И. А. Крылова против Державина в XLIII письме (от сальфа Световида к волшебнику Маликульмульку) «Почты духов», где описывались философы, чередующие сетования о «маловажности человеческой жизни» с живейшим интересом к гастрономической теме. В «Почте духов» фигурировали сальфы, гномы, ундины (ондины), но не было самых сильных стихийных духов – саламандр. См.: Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. Л., 1952. С. 437, 452.

Кто сам под полюсом родился
И между льдов всегда живет,
Тот, если б Феб там возродился,
Его злодеем назовет,
И счел бы за несчастье в мире
Ходить без шубы в Кашемире
И чтоб не греться у печей;
Лапландцев сомкнутые очи,
Привыкшие ко мраку ночи,
Не терпят Солнечных лучей.

В них сердце никогда не тает
И превратилось в вечный лед,
Их душу ясность не питает,
Боишься Солнца самоед;
И Солнце столько милосердо,
Что во своих пределах твердо
Течет, не ближая к земле,
Огнем ее не сокрушает,
В морях воды не иссушает
И даже не мешает мгле.

Поклонник Солнца! Будь подобен
Светилу, чтимому тобой:
Кто свет сносить не есть удобен,
Не разрушай того со тьмой.
Расстаться с нею есть наука,
Чрезмерный свет есть часто мука,
В законах Солнца ты ходи;
От жару средь самой Европы
Родятся часто эфиопы.
Брамин! Лапландцов пощади.

Любопытно, что, вступая в беседу с Державиным, автор обращается не к персонажам книг Авесты, а к иной, близкой ему системе образов, связанной с масонским мироощущением, с масонской культурой. Он по своему мифологизирует облик поэта, называя последнего Саламан-

дром¹³. Согласно средневековым представлениям, саламандры, самые сильные среди духов природных стихий, различались по форме, размерам и знатности. Они являлись то в виде огненных шаров, то в виде одетых в блистательные доспехи гигантских огненных фигур. Но наиболее принятым было представление о саламандрах как о змеях, живущих в огне. Вероятно, к рассматриваемому литературному эпизоду имеет отношение сохранившаяся в бумагах Державина «Молитва саламандров», быть может, полученная от А. Ф. Лабзина: «Бессмертный, вечный, неизреченный и святой отче всяческих, носимый непрестанно на катящейся колеснице непрестанно вращающихся миров! Владыко стран эфирных, из коих поставлен престол твоего могущества; с высоты коего грозныя очи твои все проникают и святыя уши твои всему внемлют! Услыши чад твоих от рождения веков возлюбленных тобою; ибо золотое и великое, и вечное величество твое сияет выше мира и звезднаго неба. Ты вознесся превыше их, огонь блистательный! Там возвышаешь ты и содержишь собственным твоим сиянием самого себя, и из существа твоего исходят неиссякаемые источники света, питающие бесконечный твой дух. Сей бесконечный дух производит все и составляет оное неисчерпаемое сокровище вещества, неоскудное в рождении и всегда окружающем его, в множестве неисчетных образов, коими оно чревато, и коими ты искони преисполнил его. От сего духа приемлют начало свое и сии пресвятыя цари, предстоящие окрест престолу твоему и твой двор составляющие; о, отец всеобщий! О, единственный, о, единственный отец блаженных смертных и бессмертных, ты сотворил особливые силы, дивно подобящиеся твоей вечной мысли и твоему божественному существу, ты предположил их ангелам, возвещающим миру изволения твои. Наконец, сотворил ты и нас, третий чин владык над стихиями, непрестанное упражнение наше есть хвалить тебя и обожать хотения твоя, мы горим желанием иметь тебя! О, отец, о, мать! Нежнейшая мать! О, дивный пример чувствий и нежности матерней! О, сын, краса всех сынов! О, образ всех образов, душа, дух, согласие и число всех числ!»¹⁴.

¹³ Наиболее полное изложение средневековых представлений о стихийных духах находилось в сочинениях Парацельса. В частности, он был автором «Книги о нимфах, сильфах, пигмеях и саламандрах, также и о других творениях сего рода» (рукописная копия 1835 г. РГБ. Ф. 14. № 1195). См. также: Парацельс Ф. Тайна творения... М., 1785; Ретцель Г. Ф. Краткое извещение о невидимом существе... [М., 1784].

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 247. Г. Р. Державин. Т. 28. № 48. Том объединяет материалы 1802–1803 гг.

Так чрез тебя я прольюся
Целого света вокруг;
В книгах, как в стеклах, возжгуся:
Узрят далече мой дух.
Что ж воспрещал ты брамину
Сеять в Лапландцах лучи?
Жег фимиам, иль лучину –
Свет проливал он в ночи.
Долг саламандра – жечь, долг поэта –
В мир правду вешать.

В Объяснениях поэта на свои сочинения можно прочесть: «Г. Лабзин писал к автору послание в стихах под именем Брамина, ... в котором Лабзин шуточным образом изъяснял, что напрасно лапландцам говорить о красотах солнца, или правду тем, которые того понять не в состоянии; то здесь автор, напротив ему доказывает, что поэта долг единственно говорить правду»¹⁵. Так завершился этот литературный диалог.

¹⁵ Державин Г. Р. Сочинения. Т. III. С. 593.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА: МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, ОПЕРЕДИВШЕГО СВОЕ ВРЕМЯ

Л. В. Тычинина

Несомненным является знакомство и сотрудничество Екатерины Романовны Дашковой и Николая Александровича Львова. В своих «Записках» Дашкова упоминала: «Действительно, через некоторое время с господином Львовым, который вскоре должен был возвратиться в Петербург, я отправила план вместе с письмом императрице»¹. Мы не знаем, была ли эта встреча первой, но дальнейшее сотрудничество, видимо, имело место. С 1783 г. Львов был членом Российской Академии, созданной и возглавляемой Екатериной Романовной. Кроме того, он являлся другом братьев Дашковой. Николай Александрович выполнил проект и построил церковь Святой великомученицы Екатерины в имении Александра Романовича Воронцова Мурино.

Представляется важным и интересным дальнейшее изучение взаимоотношений этих выдающихся деятелей отечественной культуры XVIII века, более детальное рассмотрение взглядов и творчества Дашковой.

В 1808 году княгиня Екатерина Романовна, обращаясь к редактору и издателю журнала «Русский вестник» С. Н. Глинке, писала: «Я вызываюсь к вам в сотрудницы только с уговором: я настойчива и даже своенравна во мнении и слоге своем, прошу не переменять у меня ни буквы, ни запятой, ни точки»². Как оценивать это заявление одной из неординарных личностей

¹ Дашкова Е. Р. *Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Сост. и коммент. Г. А. Веселая. Под общ. ред. С. С. Дмитриева. М., 1987. С. 131.*

² *Записки Сергея Николаевича Глинки. СПб., 1895. С. 228.*

отечественной истории второй половины XVIII столетия? Как женский каприз? Как признание собственной исключительности? Или как утверждение права каждой личности иметь собственное независимое мнение и возможность его высказывать?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо предпринять попытку анализа некоторых мировоззренческих позиций Екатерины Романовны, единственной женщины – государственного деятеля второй половины XVIII столетия, которая вместе с Екатериной Великой стала олицетворением эпохи Просвещения в России. Есть достаточные основания полагать, что центральной идеей мировоззрения Дашковой являлась идея о самоценности и самодостаточности человеческой личности.

Одним из главных критериев жизненного успеха личности являлась, по мнению самой княгини, ее относительная независимость от власти и общества. Недаром в своих «Записках» она подчеркивала: «...свободная от укоров совесть может дать нам достаточно сил, чтобы твердостью духа обезоружить злобу тирана и помочь тем, кто чист душой, перенести самые несправедливые гонения»³.

Основой формирования подобной личности Дашкова считала достижение человеком экономической самостоятельности, употребляемой в интересах самой личности и достижения благополучия общества.

Екатерина Романовна полагала, что богатство само по себе не делает человека добродетельным, но является необходимым условием для формирования этой добродетели. При этом, в своих сочинениях княгиня давала резко отрицательную оценку людям, наживающим богатство не праведными трудами, а используя слабости других⁴.

Подобный взгляд был основополагающим в жизненной философии Дашковой. Экономическая самостоятельность, независимость личности должны воплощаться, как она писала, «не в истреблении естественных человеческих желаний, но в научении употреблять получаемое добро согласно с рассуждением в пользу себе и обществу»⁵. Наряду с этим, поскольку богат-

³ Дашкова Е. Р. Записки. С. 35.

⁴ См.: Дашкова Е. Р. Моя записная книжка // Собеседник любителей российского слова. 1784. Ч. 13. С. 28.

⁵ Дашкова Е. Р. Об истинном благополучии // Там же. 1783. Ч. 3. С. 29.

ство каждого составляет богатство всего общества, то и каждый член общества должен эффективно хозяйствовать⁶.

В России, в силу особенностей ее хозяйственно-экономического уклада, особая ответственность за разумное ведение хозяйства ложилась, по мнению Дашковой, на владельцев родовых и пожалованных имений⁷.

Дашкова подчеркивала, что созидательная деятельность, а не развлечение, должны составлять предмет повседневной заботы российского дворянства. При этом она высмеивала тех помещиков, которые предпочитали жизни и организаторской работе в своих имениях праздное времяпрепровождение в городе⁸.

Некоторые современные историки, обращаясь к личности Дашковой, видят противоречие между ее приверженностью идеям свободы и просвещения и практической организационно-хозяйственной деятельностью. Между тем никакого противоречия здесь не было.

Когда, например, Дашкова просила Г. А. Потемкина помочь в приобретении для ее с. Круглое двух с половиной тысяч крестьян, она, конечно же, заботилась о своем благополучии, но для века Просвещения это было естественным стремлением создать благоприятные экономические условия для раскрытия и реализации своей личности.

Подчеркивая общественную значимость эффективного и экономного хозяйствования, Дашкова в одном из своих сочинений писала: «Умеренность и бережливость заслуживают похвалу, а не пересмешку: честнее и добродетельнее жить малым и проживать только свое, нежели жить роскошно и проживать чужое»⁹. В другой своей статье она еще решительнее ратовала за умеренность: «Всякое излишество есть грех и вредно»¹⁰.

То, что умение хозяйствовать было для Екатерины Романовны одним из главных критериев самооценки, подтверждают и следующие строки из ее «Записок»: «В течение двадцати лет я управляла имениями своих детей и была удовлетворена наглядными доказательствами того, что мое управление

⁶ *Опыт о торге г. Юма / Пер. Е. Р. Дашковой // Опыт трудов Вольного Российского собрания. 1774. Ч. 1. С. 91–93.*

⁷ *См.: Дашкова Е. Р. Записки. С. 145.*

⁸ *См.: Дашкова Е. Р. Моя записная книжка. С. 21–22.*

⁹ *Дашкова Е. Р. Продолжение отрывка записной книжки // Новые ежемесячные сочинения. 1791. Ч. 66. С. 5.*

¹⁰ *Дашкова Е. Р. Истияки, которые знать и помнить надобно, дабы следуя оным избежать несчастий // Новые ежемесячные сочинения. 1795. Ч. 114. С. 3.*

сделало их крестьян трудолюбивее, богаче и счастливее, чем прежде. Я решила и впредь руководствоваться избранными мной принципами...»¹¹.

Объективность самооценки Дашковой подтверждается и фактическими данными. К концу XVIII в. княгиня являлась одним из самых богатых землевладельцев России – только в Полоцкой и Саратовской губерниях ей принадлежало более 30-ти тысяч десятин земли¹². Безусловно, состояние Екатерины Романовны, в известной степени, формировалось благодаря пожалованиям императрицы. Архивные источники свидетельствуют, что с 1767 по 1782 годы, когда отношения двух Екатерин не отличались особой теплотой, Екатерине Романовне было пожаловано около 160 тысяч рублей и более двух с половиной тысяч душ крестьян¹³. Но и сама Дашкова сделала немало, чтобы приумножить свое богатство – она лично занималась организацией хозяйственной деятельности в своих владениях, смело внедряла современные достижения агрокультуры, решительно отстаивала в судах свои имущественные права. Одним из показателей эффективности хозяйственной деятельности Екатерины Романовны является то обстоятельство, что в конце XVIII столетия ее крестьяне выплачивали оброк в 2–3 рубля, при среднем размере оброка частновладельческих крестьян по России в 5 и более рублей¹⁴.

Для княгини было характерным крайне негативное отношение к людям, неспособным рассчитываться по своим долгам. «Роскошь, вовлекающая в долги, свидетельствует только малость души...», – писала Дашкова и подчеркивала обязательность оплаты долгов для любого просвещенного человека¹⁵. Причем эта мировоззренческая установка подкреплялась и практическими действиями. После смерти мужа Екатерина Романовна, соблюдая строжайший режим экономии, в течение пяти лет рассчиталась с кредиторами покойного, воспитывая при этом одна двоих детей.

¹¹ Дашкова Е. Р. *Записки*. С. 145.

¹² Архив СПб. ФИРИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1207. Л. 366; РГИА. Ф. 1374. Оп. 1. Д. 361, Л. 37, 77.

¹³ См.: Архив князя Воронцова. Кн. 24. М., 1880. С. 140; РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3886. Л. 121, 168 об., 200, 202; Там же. Д. 3897. Л. 172.

¹⁴ См.: Суворин А. А. *Княгиня Екатерина Романовна Дашкова. Исследование А. А. Суворина*. СПб., 1888. С. X; Иловайский Д. И. *Черты из жизни княгини Е. Р. Дашковой // Русский архив*. 1864. Кн. 1. Стб. 586.

¹⁵ Дашкова Е. Р. *Отрывок записной книжки // Новые ежемесячные сочинения*. 1790. Ч. 47. С. 18.

В дальнейшем Екатерина Романовна всегда соотносила свои потребности с собственными финансовыми возможностями, не желая связывать себя излишними долговыми обязательствами, если существовала хотя бы даже гипотетическая угроза невозможности их оплаты. Подобное отношение Екатерины Романовны к проблеме долгов, видимо, было одной из причин ее достаточно натянутых отношений с дочерью Анастасией Щербининой, за которую матери пришлось заплатить в течение жизни более 250 тысяч рублей долга¹⁶.

Предприимчивость и бережливость Дашковой отнюдь не граничила с жадностью, эта черта не была свойственна ее характеру. В 1773 г., когда материальное положение самой княгини было далеко не завидным, она предоставила отцу Роману Илларионовичу в долг 16 тысяч рублей на покупку дома¹⁷. В феврале 1785 г. Дашкова подала на высочайшее имя прошение о разделе имений ее и сына Павла Михайловича Дашкова. Предложение Екатерины Романовны было утверждено императрицей. В результате, за княгиней остались 3 имения, в которых насчитывалось 2535 душ мужского пола; сыну Екатерина Романовна передала 11 сел и деревень и 4133 душ крепостных¹⁸. Таким образом Дашкова обеспечила сына постоянным доходом, что было ему необходимо для самостоятельной семейной жизни. После смерти сына Екатерина Романовна пригласила к себе в Москву его вдову Анну Семеновну Алферову и купила ей дом за 17 тысяч рублей. Это еще раз подтверждает отсутствие корысти, честность, доходящую до щепетильности, которая проявлялась в личной жизни Екатерины Романовны, отношениях с близкими и ведении государственных дел при руководстве двумя академиями.

Находясь за границей, Екатерина Романовна всегда старалась материально поддержать своих соотечественников из числа русских студентов. В период обучения П. М. Дашкова в Эдинбургском университете в доме Дашковой проживали и столовались русские студенты Е. Зверев и И. Шешковский¹⁹.

В своем завещании Дашкова распорядилась раздать близким и родственникам около 100 тысяч рублей; сидящим в тюрьмах – 500 рублей; нищим

¹⁶ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

¹⁷ См.: *Архив князя Воронцова. Кн. 21. М., 1881. С. 434–436.*

¹⁸ РГАДА. Ф. 11261. Оп. 1. Д. 31. Л. 19 об.

¹⁹ *Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 155, 157.*

– 200 рублей; 1000 рублей было передано в пользу приказа общественного призрения и 500 рублей на строительство приходской церкви²⁰.

Приведенные факты опровергают мнение о Дашковой как человеке, склонном к стяжательству и, прежде всего, «высочайшее мнение» Екатерины II: «У нее деньги лежат в ломбарде, и она – скупяга».

Другой, достаточно четко выраженной особенностью мировоззрения Дашковой было представление о соотношении свободы личности и ее ответственности перед обществом. Екатерина Романовна вполне справедливо полагала, что человек и общество несут друг перед другом взаимные обязательства. При этом, по ее мнению, долг человека перед обществом состоял в более полном использовании своих талантов, ума в интересах этого общества. «... Чем дольше будешь жить, тем больше будет лежать на тебе нравственной ответственности», – писала Екатерина Романовна, обращаясь к сыну²¹.

В то же время она считала, что независимость человека от общества заключается в высшем значении для личности ее собственной самооценки. По мысли Дашковой, именно ум и совесть человека являются для него высшим судьей, а не мнение, подчас далеко не блещущее высокими нравственными качествами окружения. Обращаясь к читателям журнала «Новые ежемесячные сочинения», княгиня сформулировала свое жизненное кредо следующим образом: «Тот, кто исполнил долг свой по всей пространности одарованного ему понятия, и все обязанности свои выполнил, того несправедливость людская возмутить не может: спокоен в вести своей, он свыше неблагодарности, злословия и глупости людской»²².

Подобные взгляды, тем более реализованные в повседневной жизни, обусловили, как представляется, враждебное, или как минимум недоброжелательное отношение высшего света к Дашковой, которая зачастую нарушала сложившиеся в нем правила и устои; вела себя слишком независимо. Оценивая свое поведение, Дашкова писала, что «...несмотря на толки или злословие, продолжала делать то, что чувствовала быть справедливо и добро, и поступок своих не переменяла»²³.

²⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 30. Л. 1–1 об., 21–21 об.

²¹ Цит. по: *Материалы для биографии княгини Е. Р. Дашковой. Лейпциг, 1876. С. 105.*

²² *Дашкова Е. Р. Отрывок записной книжки. С. 17.*

²³ *Дашкова Е. Р. Записки. С. 64.*

Поэтому те слова, с которыми Екатерина Романовна обратилась к редактору «Русского вестника» и которые были приведены в начале статьи, отражали не каприз самовлюбленной барыни, а позицию человека, имевшего высокую самооценку, осознававшего свое фактическое положение в просвещенных кругах, что вполне соответствовало взглядам Дашковой на проблему свободы и независимости личности.

Являясь исключительно цельной личностью, Екатерина Романовна в своем мировоззрении и своей жизненной позиции во многом опередила свое время и во многих случаях была не понята не только современниками, но и потомками.

АНГЛИЙСКАЯ ДРАМАТУРГИЯ НА РУССКОЙ СЦЕНЕ: ПЬЕСЫ И. М. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА

Дж. Мораччи

Иван Матвеевич Муравьев-Апостол, писатель, живший на рубеже XVIII и XIX веков, был в дружеских отношениях с Н. А. Львовым, посвятившим ему послание по случаю его назначения дипломатическим представителем в Эйтин (в княжество Любек)¹. Эрудит, знавший не менее восьми древних и новых иностранных языков, Муравьев-Апостол обычно упоминается как автор «Писем из Москвы в Нижний Новгород» (1813–1815) и «Путешествия по Тавриде в 1820 г.» (СПб., 1823)². Однако первыми литературными произведениями Ивана Матвеевича были переводы. Уже в 1778 г. он опубликовал перевод статьи французского литератора и государственного деятеля Тротти де Ла Шетарди «Наставление знатному молодому господину, или Воображение о светском человеке», а в 1793–1794 гг. переложил пьесы «Школа злословия» («The school for scandal», 1777) Р. Б. Шеридана и «Ночь ошибок» («She stoops to conquer, or, The mistakes of a night», 1773) О. Голдсмита³. Может возникнуть резонный вопрос: почему Муравьев-Апостол выбрал именно эти две комедии для перевода? Возможно, что выбор произведения Голдсмита объясняется просто популярностью английского писателя в России XVIII века. В русских исследованиях, посвященных

¹ Лапто-Данилевский К. Ю. *Комментарии // Львов Н. А. Избранные сочинения. СПб., 1994. С. 399.*

² Галахов А. *История русской словесности. М., 1894. Т. 2. С. 275–282; Полевой П. Н. История русской словесности с древнейших времен до наших дней. СПб., 1900. Т. 2. С. 525–528.*

³ Быкова В. М., Данилова Э. В. *Муравьев-Апостол Иван Матвеевич // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 166–169.*

русско-английским литературным связям в XVIII веке, Голдсмит упоминается довольно часто. М. П. Алексеев упоминает те места «Эссеев», книги «Гражданин мира, или Письма китайского философа», и публицистических очерков Голдсмита, где речь идет о русской истории, быте и нравах⁴. Переводы из Голдсмита, помещенные в русских журналах и сборниках XVIII века, были выявлены Ю. Д. Левиным в исследовании «Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века»⁵. И, наконец, его роман «Векфильдский священник» («The vicar of Wakefield», 1766), переведенный на русский в 1786 г., был распространенным чтением в эпоху сентиментализма и, между прочим, в семейном кругу Муравьевых⁶. Кроме того, надо иметь в виду, что интерес к английской литературе и культуре был очень жив в русской дворянской среде эпохи. В России «в последние десятилетия XVIII в. царил подлинный культ английской литературы, чему способствовала и сама императрица, опубликовавшая в 1786 и 1787 гг. две своих исторических инсценировки “в подражание Шакспиру без сохранения феатральных обыкновенных правил”»⁷. Иван Муравьев-Апостол принадлежал к поколению, которое усвоило вкус английской культуры в самые молодые годы. Впрочем, он изучал, как говорилось выше, не только английский, но и другие иностранные языки, кроме господствовавшего в XVIII веке французского. Такое формирование вкусов и культурных убеждений нашло отражение в более позднем его произведении, «Письма из Москвы в Нижний Новгород». Здесь уместно напомнить главное его содержание. Муравьев-Апостол критикует французманию русских в области литературы. По его мнению, русские уважают почти исключительно французских авторов потому, что плохо знают языки. Он советует читать античных классиков по-латыни и по-гречески, Сервантеса по-испански, Шекспира по-английски, Шиллера по-немецки, чтобы иметь возможность представить французскую литературу в широком контексте мировой культуры.

⁴ Алексеев М. П. О. Голдсмит о России и русских // Русско английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века). М., 1982. С. 116–118 (Литературное наследство. Т. 91).

⁵ Левин Ю. Д. Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 3–109.

⁶ Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С. 166.

⁷ Кросс Э. (составитель). Англофилия у трона. Британцы и русские в век Екатерины II. Каталог выставки. Великобритания, 1992. С. 88.

Выступает Дж. Мораччи

Если рассмотрим деятельность переводчика Муравьева-Апостола в 1790-е гг. с учетом сформулированных им позднее концепций, то нам будет понятно, что его первой целью было познакомить русскую публику с самыми знаменитыми современными английскими пьесами. В Англии в конце XVII и первой трети XVIII века шел долгий спор об общественной роли театра. Новые пути к нравственной цели театра намечали сентиментальные комедии Стила и драмы Лилло и Филдинга. В 1770-е гг. Шеридан и Голдсмит стремились возвратиться к комической традиции XVII века с исправлением грубостей и фарсовых непристойностей старых текстов⁸. Еще и ныне историки английского театра считают «Школу злословия» и «Ночь ошибок» самыми удачными сатирическими комедиями второй половины XVIII века. Знаменательно, что русский читатель этого времени имел возможность познакомиться с проблемами западного театра и по трактату «Гаррик, или Аглинский актер. Сочинение, содержащее в себе примечания на драмы, искусство представления и игру театральных лиц...» (М., 1781), переведенному с немецкого В. А. Левшиным⁹.

Муравьев-Апостол, вероятно, высоко ценил английскую драматургию. Человек многих талантов, он в юности играл в домашних спектаклях, в том числе и в кружке Львова. Его подход к двум английским комедиям типичен для русской культуры второй половины XVIII века, когда репертуар интенсивно обогащался переводами и переложениями иностранных пьес¹⁰. Переделка Муравьевым-Апостолом комедии Шеридана является в действительности вольным переводом. Имена персонажей и реалии с большим остроумием русифицированы, но в целом смысл оригинала не изменен. 27 февраля 1793 г. в Эрмитажном театре состоялась премьера пьесы «Школа злословия». В 1794 г. она была опубликована при Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. В книге переводчик не был назван; у В. С. Сопикова указано: «Школа злословия, комедия в 5 д. г. Шеридана; п. с Аглинского М. Муравьев; СПб. 1795». Мелким шрифтом исправлено:

⁸ Muir K. *The Comedy of Manners*. London, 1970. P. 156. См. также: Loftis J. C. *Comedy and Society from Congreve to Fielding*. Stanford, 1966; Bevis R. W. *English Drama. Restoration and the Eighteenth Century. 1660–1789*. London, New York, 1992.

⁹ Кукушкина Е. Д. *Комедиография В. А. Левшина // XVIII век*. СПб., 1995. Сб. 19. С. 93.

¹⁰ Этому вопросу посвящена: *История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. 2. Драматургия. Поэзия*. Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1996. О Муравьеве-Апостоле – переводчике Шеридана см. с. 81.

«Напечатана в 1794 г. Перевел – Муравьев-Апостол Ив. Матв.»¹¹. У А. С. Смирдина значится: «Пер. с Англ. Иван Муравьев»¹². Решительным доводом в пользу принадлежности перевода И. М. Муравьеву-Апостолу является признание в этом самого Муравьева в обращении к Екатерине II, помещенном на листе, следующем за перечнем действующих лиц в его переводе пьесы Голдсмита «Ошибки, или Утро вечера мудренее». «ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ! Заклячая в сердце моем восхитительное воспоминание, что я имел счастье остановить на единое мгновение взоры и внимание ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА переведенною мною комедиею Школа злословия восприял я извинительную смелость испытать некоторым образом собственные силы мои в драматическом поприще. Всемилоствие одобрение ВАШЕ служило мне вместо дарований, и я полагал с некоторою вероятностию, что подкреплен гласом просвещеннейшего судии, я соединю в пользу свою все одобрения общества. Неописанно будет счастье мое, ежели АВГУСТЕЙШАЯ МОНАРХИЯ благоволит удостоить слабое покушение мое снисходительным воззрением, которое есть верх награждения для каждого Россиянина. С глубочайшим благоговением есм, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ! Вашего Императорского Величества верноподданнейший Иван Муравьев»¹³.

В ту пору Иван Матвеевич жил, как известно, при дворе в роли «кавалера» (воспитателя) великих князей Александра Павловича и Константина Павловича. В этом отношении представляет большой интерес письмо Екатерины II к Гримму от 14 мая 1793 года¹⁴. Императрица пишет по поводу только что состоявшегося объявления о помолвке пятнадцатилетнего великого князя Александра с принцессой Луизой Баденской. Обрадованная этим событием, Екатерина шутливым тоном рассказывает эпизод, который, по ее мнению, бросает свет на еще неизвестную сторону личности любимого внука. Она пишет о том, что летом предыдущего года (т.е. 1792) один из воспитателей Александра перевел комедию Шеридана «Школа злословия» (Ека-

¹¹ Сопиков В. С. *Опыт российской библиографии. Ред., прил., дополнения и указатель* В. Н. Рогожина. СПб., 1904. Ч. 3. № 5690.

¹² *Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, в четырех частях.* СПб., 1828. № 7428.

¹³ *Ошибки, или Утро вечера мудренее. Комедия в пяти действиях.* СПб., 1794.

¹⁴ *Письма императрицы Екатерины II к Гримму (1774–1796), изданные с пояснительными примечаниями Я. Грота // Сб. Имп. Русского исторического общества.* СПб., 1878. Т. 23. С. 583–584.

терина употребляет ее французское заглавие «L'école de la médisance»). Она была поставлена впервые в Эрмитажном театре, потом в городе, и в обоих случаях пользовалась успехом. Заметив, что Александр Павлович аплодировал и восклицал вместе со всеми зрителями, и, припомнив слухи, будто бы перевод принадлежал ему самому, императрица спросила его об этом. Как пишет Екатерина, юный великий князь покраснел и признался, что после чтения комедии Муравьевым-Апостолом высказал ему свои замечания, и наставник что-то поменял по его совету. В конце письма Екатерина в иронической форме выражает удовлетворение сходством между собою и внуком: «Посмотрите, как заразы распространяются, и что значит плохой пример!» («Mais voyez un peu comme les maladies gagnent et ce que le mauvais exemple!»). Это прозрачный намек на ее обычай сочинять театральные произведения по чужой схеме и в сотрудничестве с другими авторами. Одновременно здесь имеется в виду и ее собственный проект переложить «A School for scandal» с помощью своего секретаря А. В. Храповицкого.

Александр Храповицкий записал в своем «Дневнике» 4 октября 1787 г.: «Поднес перевод с английского на немецкий язык комедии г. Шеридана называемой “Die Lasterschule”. Сказано, что дорого 200 р. за перевод, а после комедия похвалена и очень смешна». Далее, 29 октября, он заметил: «Читаю начало перевода Злоречивых или Клеветников, английской комедии»¹⁵. Вероятно, такими были предполагаемые варианты названий переложения императрицы, которая, очевидно, прочла комедию Шеридана в переводе Храповицкого. Ее проект сочинить новую пьесу надо отнести к 1787 г., но он ограничился первым явлением I-го акта. Этот текст опубликовал академик А. Н. Пыпин в третьем томе им отредактированных «Сочинений императрицы Екатерины II»¹⁶. В Российском Государственном архиве древних актов находится екатерининский автограф без заглавия¹⁷. На первом листе имеется ее собственноручная надпись: «вольное переложение с Английского». В другой единице хранения того же фонда я обнаружила немецкий перевод пьесы Шеридана¹⁸. Это часть тетради большого размера, хранящая следы клея и обложки. Внутри папки находится отдельная запись архивистов:

¹⁵ Дневник А. В. Храповицкого с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901. С. 30–31.

¹⁶ Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина. СПб., 1901. Т. 3. С. 377–385.

¹⁷ РГАДА. Ф. 10 (Кабинет Екатерины II). Оп. 1. Ед. хр. 342.

¹⁸ Там же. Ед. хр. 346.

«XVIII век. Рукопись пьесы Шеридана Школа злословия на немецком языке». Имя переводчика не названо, однако мне кажется, что с большой вероятностью можно предположить авторство Храповицкого. Остается неясно, почему императрица дала переводить заново эту пьесу, хотя уже существовали ее немецкие переводы.

Но возвратимся к судьбе комедии Шеридана в России XVIII века. В 1791 г. в типографии московской Типографической Компании появилась «Школа клеветы, или Вкус пересуждать других». В полном заглавии было указано: «Комедия в пяти действиях. Из сочинений младшаго Шеридана, подражание с англинскаго на немецкой, а с немецкаго переведено на российской язык»¹⁹. Два года спустя, как говорилось выше, был поставлен на сцене перевод Ивана Муравьева прямо с английского оригинала. Выбор именно такого текста Шеридана для перевода, возможно, находит объяснение в давнем интересе Екатерины к нему, тем более, если комедия должна была служить и упражнением великому князю. С другой стороны, Иван Матвеевич, узнав, что пьесой Шеридана интересовалась императрица, мог действительно взяться за ее перевод. Как бы то ни было, история со «Школой злословия» напоминает случай с пьесой «О, время!». Тогда, в 1772 г., Екатерина с помощью И. П. Елагина переложила «Die Betschwester» Геллerta. Через несколько лет комедия была включена в программу учрежденного Екатериной Собрания старающегося о переводе иностранных книг, и переведена М. А. Матинским («Богомолка», 1774). Во всяком случае, заслугу такого удачного в стилистическом плане перевода пьесы Шеридана надо приписать Муравьеву-Апостолу. С другой стороны, обстоятельства, о которых шла речь выше, оказываются, на мой взгляд, небезыntenесными для понимания механизма рецепции иностранного театрального текста придворной культурой Петербурга XVIII века.

В 1794 г. Муравьев-Апостол обратился к другому шедевру английского театра – пьесе Голдсмита «She stoops to conquer, or, The mistakes of a night». На сей раз он сочинил переложение – «Ошибки, или Утро вечера мудренее». Там он русифицировал имена и фамилии, реалии, исторические факты, рассказанные персонажем Старомысловым (Mr. Hardcastle у Голдсмита). Английская комедия отличается живым ритмом, комическими персонажами, связанными забавными недоразумениями. Действие пьесы держится на

¹⁹ См. например: *Die Lästerschule. Ein Lustspiel in Aufzügen des jüngern Herrn Scheridan. Für die deutsche Bühne übers. von Leonhardi. Berlin, Hamburg, 1782.*

шутке, сыгранной избалованным парнем Tony Lumpkin со своей семьей, которая ждет у себя в деревне жениха дочери. При случайной встрече на дороге с Marlow, женихом, Tony, не обнаруживая себя, указывает ему путь к дому своего отчима, Mr. Hardcastle, как к трактиру, где можно приютиться до утра. Поскольку молодые обручены своими отцами, но никогда не выданы, Marlow еще никто не знает в лицо, следовательно, шутка получается, и от нее происходят все «недоразумения» (mistakes/ошибки), упомянутые в заглавии пьесы. Комедия Голдсмита сохраняет эту типичную для фарса структуру от пьес Дж. Фаркера (конец XVII в.)²⁰. Это связано с поисками английским писателем истинного комизма именно в те годы. Он изложил свои мнения в «Очерке о театре» («An Essay on the theatre, or, A comparison between laughing and sentimental comedy»), появившемся анонимно в январе 1773 г., за несколько недель до премьеры его пьесы. Голдсмит разбирает положение современной драматургии. Ему кажется, что строгое различие, определенное Аристотелем, между трагедией и комедией перестало существовать. Появился новый драматический жанр, сентиментальная комедия, где показаны публике добродетели мещанской жизни, а не пороки человечества. В результате зрители, польщенные представлением их причуд, готовы простить все слабости и аплодировать. Кроме того, Голдсмит считает развлечение главной целью театра²¹. Свои убеждения автор воплотил в пьесе «The mistakes of a night», которая действительно явилась возвращением веселой, забавной комедии на английскую сцену, откуда больше не сходила. Голдсмит мягко высмеивает разные современные ему причуды. Особую сатирическую функцию выполняют персонажи: Mrs. Hardcastle, ее сын от первого брака Tony Lumpkin и ее племянница сирота, Miss Neville, оказавшаяся под ее опекой. Mrs. Hardcastle хочет женить своего сына на племяннице, чтобы располагать богатством девушки, но та любит другого²². С этой интригой, которая становится главной «ошибкой», переплетаются другие забавные недоразумения. Можно сказать, что все персонажи пьесы оказываются смешными, даже пара обрученных. Miss Hardcastle вспоминает остроумных

²⁰ Bevis R. W. *English Drama: Restoration and the Eighteenth Century*. P. 159–161.

²¹ Goldsmith O. *Poems and Plays*. London, 1948. P. 313–317.

²² В. Н. Топоров видит влияние комедии Голдсмита на «Недоросля» Д. И. Фонвизина. См.: Топоров В. Н. *Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithiana'ы (к постановке вопроса)*. Wien, 1992. С. 138–177.

героинь комедий периода Реставрации²³. Marlow умеет вести себя свободно только с женщинами более низкого состояния, но застенчив с дамами и с невестой. В связи с этой особенностью он изображается чудачком почти до финала пьесы.

В этой в основном веселой комедии появляются, однако, и лирические моменты. Голдсмит, который уже в романе «Векфильдский священник» показал себя поборником доброты и благожелательности, относится благосклонно к своим персонажам. Действия Тону и Mrs. Hardcastle временно препятствуют чужим намерениям, но в итоге никакого серьезного вреда не приносят. Что же касается персонажей «любовников», то они раскрывают свои чувства, возвышаясь над чистым комизмом.

В своем переложении Муравьев-Апостол сохранил оригинальный сюжет и общую схему действия, но искусно изменил психологические черты персонажей в зависимости от особенностей русской культуры своей эпохи. Интересно, например, что в пьесе Голдсмита невеста узнает от кузины, Miss Neville, что жених, по-видимому, странно относится к женщинам, и это ее удерживает (д. 1): «*Miss Neville*. He's a very singular character, I assure you. Among women of reputation and virtue, he is the modestest man alive; but his acquaintance give him a very different character among creatures of another stamp; you understand me? / *Miss Hardcastle*. An odd character, indeed. I shall never be able to manage him». В русском переложении об этой черте жениха, Смиренина, говорится гораздо более тактично в соответствующем диалоге между невестой, Софьей, и кузиной, Пашей (д. 1, явл. 5). «*Паша*. Знаешь ли ты, что, по словам некоторых людей, жених твой – престранный человек. Сказывают про него, что с порядочными женщинами он до того бывает застенчив, что даже смешон. / *Софья*. То, в самом деле, странен – Я после этого уж и не знаю, как его принять?». Во втором действии причины странного поведения жениха проявляются в его диалоге с другом. У Голдсмита подчеркивается психологический момент: «*Hastings*. (...) In truth, I have been often surprised, that you who have seen so much of the world, with your natural good sense, and your many opportunities, could never yet acquire a requisite share of assurance. / *Marlow*. The Englishman's malady. But tell me, George, where could I have learned that assurance you talk of? My life has been chiefly spent in a college or an inn, in seclusion from that lovely part of the creation that chiefly teach men confidence. I don't know that I was ever familiarly

²³ Bevis R. W. *English Drama: Restoration and the Eighteenth Century*. P. 227.

acquainted with a single modest woman – except my mother. – But among females of another class, you know».

Муравьев-Апостол удлинняет диалог Смиренина с его приятелем Милоновым (д. 2, явл. 1). Ритм становится медленнее, действующие лица приближаются к сути проблемы осторожнее. Поскольку приписать застенчивость Смиренина «Englishman's malady» невозможно, друзья обсуждают вопрос воспитания. «Милонов. (...) Я всякому другому прощу: прощу мальчику, воспитанному в простоте домашней жизни, и которой не успел еще от лишней скромности вылечиться в большом свете: а тебе? / Смиренин. А мне? – не прощаешь? / Милонов. Нет, не прощаю. Человек таких дарований как ты, без всякого самолюбия должен знать себе цену. (...) Ну, что ж такое? / Смиренин. Врожденной порою; или порою воспитания; а может быть и то и другое вместе. Первые дни молодости моей я провел с книгами и в разъездах. Сидячая, школьная жизнь, и путешествия по университетам не дают этой ловкости, этой пристойной смелости, которым нигде нельзя научиться, кроме как в обществе с женщинами. Не опоздал ли я быть их учеником? Вот что меня страшит».

В репликах Милонова Муравьев-Апостол касается и темы французомагии большого света. «Милонов. (...) Есть, например, такие, которые берут тем, что не говорят ни слова по Руски, а душат Французскими каламбурами, которых ни сами, ни слушательницы их не понимают; а между тем сами собой очень довольны».

Знакомство Miss Hardcastle и Marlow состоится, так сказать, по этапам, то есть реализуется по ходу действия в двойном плане – настоящем, когда общий приятель Hastings их знакомит друг с другом (д. 2), и мнимом, когда Miss Hardcastle притворяется служанкой и таким образом обращает на себя внимание Marlow (д. 3). Невеста, в отличие от Marlow, знает реальную обстановку. Поэтому она имеет возможность понять разные стороны характера жениха и поступить наилучшим образом, чтобы покорить его сердце. Во втором действии при знакомстве с «настоящей» Miss Hardcastle, Marlow ведет себя неуклюже и смешно. Невеста, однако, оценивает его здравый смысл. Муравьев-Апостол сохранил содержание монолога невесты, добавляя при этом намек на последующие события. «Софья. (...) Я рада об заклад биться, что он меня не узнает, если бы нам случилось теперь повстречаться в другом месте. Нет, уж это превосходит все то, что я ожидала! ха! ха! ха! в протчем он не дура. Если б можно было вылечить его от трусости» (д. 2, явл. 8). В третьем действии жених знакомится с мнимой служан-

кой и ухаживает за ней. В четвертом действии Софья разубеждает Смиренина в том, что он находится в трактире, но еще скрывает, кто она такая на самом деле. Она дает ему понять, что сама является бедной дальней родственницей хозяев. Именно в этом месте английской пьесы Marlow говорит о том, что впервые испытывает нежные чувства к скромной женщине. «*Marlow. (Aside.)* By Heaven! she weeps. This is the first mark of tenderness I ever had from a moddest woman, and it touches me» (д. 4). Муравьев-Апостол сочинил диалог «любовников» скорее в традиции «слезной драмы». «*Смиренин.* Ах, как слезы ее трогают меня! (...) О, трогаящая простота! божественная невинность! Час от часу она более меня пленяет. Мне опасно с ней оставаться» (д. 4, явл. 7). Драматический конфликт, основанный на социальном неравенстве любовников, разрешается в финале пьесы в соответствии с привычной схемой драматургии XVIII века. Бедная девушка оказывается той же самой дочерью Старомыслова, обрученной со Смирениным. Вместе с тем к развязке ведет не только неизбежное разрешение заблуждений, но и искренние чувства «любовников».

В заключение интересно заметить, что на титульном листе пьесы «Ошибки...» приведен эпиграф из комедии «Комический театр» («*Il teatro comico*») Гольдони. Как известно, этим произведением итальянский драматург намеревался объяснить публике свою реформу театра. Он чувствовал, что комедия *дель арте* уже не интересна и что наступила пора представить на сцене занимательные сюжеты и действующие лица. В 1750 г. Гольдони написал свою первую комедию без масок «Памела» и сразу же после нее – «Комический театр». Сам автор определил это произведение как «поэтика в виде действия» («*una poetica in azione*»)²⁴. Героем пьесы является Orazio, глава комедийной труппы. Речь идет о постановке комедии нового типа, на репетициях которой Orazio объясняет актерам особенности новой игры. Подходит Lelio – поэт, предлагающий труппе планы комедий, написанные по старому вкусу. Спор с ним оказывается поводом осуждения импровизации и развязности «старой итальянской комедии». Тем самым Orazio защищает принципы, на которых основывается «комедия характеров» (*commedia di carattere*): единство действия и правдоподобность. Эпиграф своего переложения Муравьев-Апостол сделал из действия 3, явления 9. Это часть диалога между Orazio и Lelio, и она приведена по-итальянски. Lelio говорит, что критика («*la criitica*») будет всегда приятна театральной публи-

²⁴ Goldoni C. *Memorie. Milano, 1985. II. 7. P. 271–277.*

ке. Orazio уточняет, что она должна быть направлена на порок, а не на лицо, чтобы не превратиться в сатиру («che sia mera critica, e non inclini alla satira») ²⁵.

Присутствие «Комического театра» в русской культуре осталось не замеченным исследователями ²⁶. Выбор Муравьевым-Апостолом этого места пьесы Гольдони оказывается особенно интересным и позволяет сделать несколько наблюдений. Во-первых, эпиграф на титульном листе переложения – довольно редкое явление. Оно свидетельствует о том, что Муравьев-Апостол считал переработку чужого произведения творческим моментом своей собственной литературной деятельности. Напомню, что автор пьесы «Ошибки, или Утро вечера мудренее» не назван на ее титульном листе, и что в обращении к Екатерине II Муравьев-Апостол пишет о пьесе, как о своем оригинальном произведении. Искусно сочиняя переложение из Голдсмита, Муравьев-Апостол сохранил характер пьесы, в которой говорится о человеческих слабостях в умеренном, благожелательном тоне. Во-вторых, выбор текста Гольдони для эпиграфа к пьесе Голдсмита соединяет внешне далеких авторов. «Комический театр» – это пьеса, в которой Гольдони, ссылаясь на Аристотеля, анализирует положение национального театра, так же как Голдсмит сделал в своем «Очерке о театре», о чем говорилось выше. Таким образом, Муравьев-Апостол расширил кругозор читателей и зрителей и, может быть, захотел дать русским писателям повод для размышлений. Со своей стороны, напоминая критическую цель комедии в эпиграфе, Муравьев-Апостол намекал на полемику о «сатире на порок / сатире на лицо», которая занимала русских литераторов в середине века. Другими словами, он тоже обратился к недавней истории отечественной литературы, чтобы указать на возможный дальнейший путь русской драматургии.

²⁵ *Tutte le opere di C. Goldoni, a cura di G. Ortolani. Milano, 1953. T. 2. P. 1101.*

²⁶ *Горохова Р. М. Драматургия Гольдони в России XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 307–352; Бушуева С. Гольдони в России (комедии Гольдони на сцене русских драматических театров). СПб., 1993.*

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ Ф. Г. ЛАФЕРМЬЕРА: ПОЛНОЕ ЛИБРЕТТО ОПЕРЫ Д. С. БОРТНЯНСКОГО «СОКОЛ»

М. П. Пряшникова

Франц-Герман Лафермьер (1737–1796), француз или швейцарец французского происхождения, приехал в Россию в 1765 году, он служил при дворе великого князя Павла Петровича на протяжении 28 лет, оставил свой след в истории русской культуры как один из авторов текстов к музыкальным произведениям Дмитрия Степановича Бортнянского.

Литературное наследие Лаферьера до сих пор еще не выявлено полностью. Литература о нем состоит лишь из несколько статей. Краткое жизнеописание Лаферьера было составлено А. С. Розановым¹. Еще одна статья о его жизни и деятельности появилась в 1996 году, в год 200-летия со дня смерти; она была написана В. Н. Алексеевым². Энциклопедия «Музыкальный Петербург: XVIII век»³ уделила ему незначительное место, не указав даже всех известных в настоящее время его литературно-музыкальных сочинений.

Не повторяя, даже кратко, жизнеописания Лаферьера, напомним о его известных к настоящему времени литературных сочинениях и связанных с

¹ Розанов А. С. Франц-Герман Лафермьер, либреттист Д. С. Бортнянского // Бортнянский Д. С. Сокол: опера. / Публикация, редакция текста, перевод с французского, переложение для фортепьяно и исследование А. С. Розанова. М. 1975. С. 9–27.

² Алексеев В. Н. Франсуа Лафермьер и семейство Воронцовых // Воронцовы – два века в истории России. Петушки, 1998. Вып. 3. С. 4–20.

³ Музыкальный Петербург. XVIII век: Энциклопедический словарь. СПб., 1998. Кн. 2. К – П. С. 129.

ними обстоятельствах его жизни. Поступив в 1751 году в Страсбургский университет, он занимался гуманитарными науками, литературой, языками, философией и искусством. К 1760-м годам относятся, по-видимому, его первые литературные опыты, о которых сохранились упоминания в переписке Д. Дидро, познакомившегося с ним в 1760 году, однако конкретных названий его произведений этого времени не сохранилось.

В самом начале 1760-х годов Лафермьер оказался в Вене. Здесь он впервые познакомился с русскими аристократами и проблемами русской политики, и к этому времени относится начало его дружбы с представителями семейства Воронцовых. Совсем еще юный Александр Романович Воронцов, после окончания учебы в Париже, в начале 1761 года был поверенным в делах в Венском посольстве, а в декабре был назначен послом в Англию. В 1762 году, после вступления на престол Екатерины II, в Вене появился его брат, Семен Романович, занявший должность советника посольства при Д. М. Голицыне. Здесь он познакомился и подружился с Л. Николаи, бывшим секретарем Голицына, и его неразлучным другом Лафермьером, оказавшими на него большое влияние и ставшими наиболее близкими людьми на всю жизнь.

Круг российских связей Лаферьера расширился еще более, когда в Вену приехал канцлер М. И. Воронцов, находящийся в длительном отпуске. В октябре 1763 г. он принял к себе секретарем Лаферьера и отправился вместе с племянником С. Р. Воронцовым в поездку по Европе. В 1764 г. Лафермьер недолго был секретарем А. Р. Воронцова в Лондоне, а затем вновь вернулся к М. И. Воронцову, вместе с которым в 1765 г. приехал в Россию.

К этому времени относится наиболее ранний приписываемый ему литературный текст, написанный по-французски – «*Observation, concernant la cour de Russie, le ministère et le système actuel*» («Наблюдение, касающееся русского двора, министерства и теперешнего порядка»), опубликованный позднее на русском языке⁴. Знакомство с содержанием этого документа позволяет утверждать, что Лафермьер не мог быть его автором. Текст представляет собой развернутое сообщение некоего анонимного осведомителя, француза по национальности, который подробно описывает обстановку при русском дворе в последние месяцы правления Елизаветы Петровны и возможные политические последствия российско-пруссских отношений для Франции. Вероятнее всего, этот документ был переписан Лафермьером по чьему-то поручению в русском посольстве, а не написан им самим.

⁴ Русская старина, 1878. Т. 10. С. 187–206.

Чтобы выяснить, кто из живших в это время в Петербурге мог быть подлинным автором текста, можно остановиться на нескольких фигурах, так или иначе связанных с семейством Воронцовых, и в числе первых можно назвать Ж.-Д.-Ж. Одара⁵, который был близок в этот период к Н. И. Панину, М. И. Воронцову и Е. Р. Дашковой. И хотя в своих «Записках» Дашкова старалась доказать свое отдаленное с ним знакомство, она пыталась устроить его секретарем к Екатерине II и, после неудачи, все же приблизила его ко двору. Примечательно, что она посоветовала ему вскоре после переворота уехать с графом Строгановым в его имение. Еще один француз, близкий в интересующее нас время к семейству Воронцовых, – Ф.-П. Пиктэ,⁶ бывший одно время секретарем А. Р. Воронцова, а значительно позднее, в 1785–1787 гг., служивший в лондонском посольстве при С. Р. Воронцове. Подобного рода документ мог находиться в руках Воронцовых, занимавших различные дипломатические должности, и мог быть переписан Лафермьером, занимавшим секретарские должности при них. Впрочем, это только предположения.

Приехав в Россию вместе с канцлером М. И. Воронцовым в 1765 году, Лафермьер, по его рекомендации и при содействии Н. И. Панина, занял должность учителя французского языка, библиотекаря и чтеца при юном наследнике престола Павле Петровиче. Лафермьер прослужил при «малом дворе» 28 лет, занимая сравнительно независимое положение, полуслужащего, полу-друга и придворного, принимая участие во всех сторонах жизни и увеселениях гатчинского и павловского двора. Мягкость его характера, прекрасные манеры, общительность и веселость привлекали к нему всех, и он постоянно был душой этого маленького общества.

Ко времени приезда в Россию Ф. Г. Лафермьер уже имел некоторый опыт литературного творчества как в прозе, так и в стихах. В условиях «малого двора», где господствовала франкофилия, его литературная деятельность продолжалась. По свидетельству А. С. Розанова, видевшего материа-

⁵ Одар, Жан-Доминик-Жозеф (1739–1808) – уроженец Пьемонта. В России занимал должность советника Коммерц-коллегии, а затем управлятеля одного из имений Екатерины. Ему покровительствовала канцлер М. И. Воронцов, а Е. Р. Дашкова с мужем в 1761 году сняли у Одара дом.

⁶ Пиктэ, Франсуа-Пьер (Picktel de Warembé, 1728–1798), женевец по происхождению, ходивший знакомый Вольтера, наладивший его отношения с Россией и переписку с Екатериной II. Напомним, что в юные годы с Вольтером активно переписывался А. Р. Воронцов, ставший первым переводчиком его повести «Микромегас» на русский язык и вообще первым переводчиком произведений Вольтера на другие языки.

лы архива Лафермьера в Павловске в начале 1970-х годов, в нем было также много набросков сочинений Лафермьера «по вопросам морально-этическим, историческим, истории искусств и другим»⁷. Свидетельством продолжения его стихотворных опытов являются написанные им в первой половине 1770-х годов и изданные в Париже в 1775 году с посвящением своему воспитаннику 23 басни⁸. По-видимому, он и сочинял их для своего уже повзрослевшего воспитанника, прививая ему не только идеалы рыцарства и салонного стиля общения, но и демонстрируя образцы современного французского поэтического мастерства.

В 1781–1782 годах Лафермьер совершил поездку по Европе вместе с Павлом Петровичем и его второй женой Марией Федоровной, во время которой они ознакомились с придворным стилем развлечений при всех блестящих европейских дворах, в которых большое место занимал любительский великосветский театр.

При дворе великого князя Павла Петровича театр существовал и раньше. Еще в 1770-х годах, во времена его первого брака с Натальей Алексеевной, в покоях Павла в Зимнем дворце придворные любители разыгрывали французские драматические пьесы, иногда с вставными музыкальными номерами. Их число значительно увеличилось при второй жене Павла, Марии Федоровне, большой любительнице художеств и музыки, бравшей уроки игры на клавесине у Дж. Паизиелло, а уроки игры на арфе у Ж. Б. Кардона. После поездки по Европе интерес к любительским музыкальным постановкам еще более усилился. До появления при великокняжеском дворе Д. С. Бортнянского репертуар обычно создавался своими силами. Пьески для гатчинско-павловского домашнего театра сочиняли совместно Г. И. Чернышов, А. А. Мусин-Пушкин, И. М. Долгоруков. Ф. Г. Лафермьер и А.-Ф.-Г. Виолье (секретарь Марии Федоровны), по-видимому, сочиняли тексты ариетт и куплеты для вставных музыкальных номеров этих французских комедий. Розанов видел в Павловском архиве рукопись пьески-пасторали (ед. хр. № 378), сочиненной Чернышевым и Мусиным-Пушкиным, со стихотворными куплетами Виолье, Лафермьера и Долгорукова, без указания автора музыки.

С появлением Бортнянского решено было обратиться к жанру музыкальной комедии. Сначала было поставлено «Празднество сеньора», текст к

⁷ Розанов А. С. Франц-Герман Лафермьер, либреттист Д. С. Бортнянского... С. 11.

⁸ *Fables et Contes, dédiés à Son Altesse Imperiale Monseigneur le Grand Duc de toutes les Russies &c&c. A Paris: chez Lacombe, 1775.*

которому сочинялся придворными Павла Петровича, а музыка – недавно вернувшимся из Италии Бортнянским. После этого обратились к собственно комической опере французского типа, с разговорными диалогами. Либретто для новой оперы «Сокол» попросили написать Лаферьера, а музыку было поручено сочинить Д. С. Бортнянскому. Успех этой постановки инспирировал появление вскоре еще одного спектакля, созданного теми же авторами – «Сын-соперник».

Прежде, чем остановиться на либретто оперы «Сокол», упомяну о еще одном дошедшем до нас образце поэтического творчества Лаферьера – его текстах для французских романсов Бортнянского. Это нотное издание Б. Т. Брейткопфа вышло из печати в 1793 году, очень ограниченным тиражом, и предназначалось исключительно для придворного круга. Однако сочинены эти романсы, по-видимому, были несколько раньше, в период расцвета любительского музицирования при Павловском дворе, к концу 1780-х годов почти прекратившегося. Имя автора поэтических текстов этого сборника на нем не указано, но сейчас уже считается почти бесспорной их принадлежность Лаферьеру. В этот сборник входят восемь номеров, два из них – арии из оперы «Сокол», текст которых, несомненно, принадлежит Лаферьеру. Чрезвычайно интересно отмеченное Н. Ф. Финдейзенем в этих песенках, как он их называет, подражание пасторалям, столь популярным до революции 1789 года в версальском дворце и при других европейских дворах. Он считает, что жанр «запоздал своим появлением у нас и продержался несколько дольше, так как обособленный в павловском и гатчинском уединении двор Павла Петровича, вернее – его супруги, «развлекался галантно-жеманными песенками о прелестях пастушьей жизни»⁹.

Либретто для двух опер Бортнянского стали вершиной поэтического творчества Лаферьера. «Основательно изучивший французский комедийный репертуар, французскую и итальянскую комическую оперу, свободно владевший французским стихом, Лаферьер создал неглубокие по содержанию, но стройные по форме музыкальные комедии, канву для традиционного светского спектакля» – писал А. С. Розанов¹⁰.

Исполненная силами ближайшего окружения великокняжеской четы, Павла Петровича и Марии Федоровны, опера «Сокол» произвела на слушателей большое впечатление. И причиной этому была не только прекрасная

⁹ Финдейзен Н. Ф. *Очерки по истории музыки в России*. М., 1929, Т. 2. С. 273.

¹⁰ Розанов А. С. *Музыкальный Павловск*. Л., 1978. С. 11.

музыка Бортнянского, но и хорошо написанное либретто Лаферьера, роль которого в спектакле с разговорными диалогами была весьма значительной, а также художественное оформление спектакля, сделанное, как писали современники, «со всевозможной пышностью». Об успехе оперы свидетельствует и то, что ее музыкальный материал сохранился до наших дней в фондах нескольких усадебных театров, где она также ставилась, – Апраксиных, Орловых-Давыдовых, Шуваловых. Значительно менее «повезло» тексту либретто.

К тому времени, когда А. С. Розанов готовил издание партитуры этой оперы для пятого тома «Памятников русского музыкального искусства»¹¹, не удалось найти ни одного полного экземпляра либретто. Поэтому автор публикации был вынужден сочинить недостающий текст по аналогии с либретто на тот же сюжет, созданным М.-Ж. Седеном для оперы П.-А. Монсиньи, поставленной при французском дворе в 1771 году. В его распоряжении было всего 16 страниц – текст первого и частично второго действия этой трехактной оперы, сочиненных Лаферьером. В собраниях усадебных театров текста разговорных диалогов не было, там сохранились лишь музыкальные номера.

В процессе работы по выявлению и описанию нотного собрания Воронцовых мне пришлось ознакомиться с частью библиотеки М. С. Воронцова, хранящейся в Одесском университете. Просматривая каталоги этого чрезвычайно обширного и разнообразного по тематике собрания, я обнаружила конволют, содержащий целый ряд разнохарактерных материалов: итальянские издания по архитектуре, лондонские – по дипломатии, парижские – по экономике, в числе которых пятой значилась рукопись под названием «Le Faucon / Orega comique». Экземпляр не имел указания имени автора и сведений о постановке, как это имело место на рукописно-автографе Бортнянского. Однако просмотр текста позволил совершенно точно установить, что это именно то французское либретто, на которое сочинил свою вторую французскую комическую оперу Бортнянский. Можно предположить, что конволют, а вместе с ним и либретто, принадлежали ранее к собранию Семена Романовича Воронцова, русского посла в Лондоне и отца генерал-губернатора Новороссии – Михаила Семеновича Воронцова, унаследовавшего его библиотеку и перевезшего ее в Одессу. В 1880-х годах

¹¹ Бортнянский Д. С. Сокол: опера. / Публикация, редакция текста, перевод с французского, переложение для фортепьяно и исследование А. С. Розанова. М., 1975.

сын Михаила Семеновича Воронцова, Семен Михайлович, передал семейную библиотеку в дар Ришельевскому лицу, который позднее был преобразован в университет. В этой библиотеке и сохранился до нашего времени текст либретто оперы Бортнянского «Сокол»¹².

Как уже говорилось, Франц-Герман Лафермьер был тесно связан с семейством Воронцовых на протяжении многих лет и не прерывал своего дружеского общения с ними до последних дней своей жизни. После отставки, последовавшей в 1793 г., он прожил последние годы в доме Александра Романовича Воронцова и умер в его имении Андреевское, где и был похоронен.

Вероятнее всего, рукопись либретто была послана в Лондон, русскому послу Семену Романовичу Воронцову, самим Лафермьером. Переписка Лаферьера с Семеном Воронцовым довольно обширна и в основном опубликована в сорокатомном «Архиве князя Воронцова». Она содержит описание жизни в российской столице, рассказывает об их общих знакомых и друзьях, в том числе, например, подробности отъезда из России Джованни Паизиелло, об оперных постановках в усадебном театре его брата. Письма Лаферьера также содержат сведения о том, что он неоднократно посылал Семену Романовичу в Лондон музыкальные произведения, издания и рукописи. В их числе были и произведения Бортнянского. Так, в одном из писем 1789 г. он интересуется у своего адресата, получил ли тот посланную им «музыку Бортнянского на мои плохие слова»¹³. Возможно, что это могла быть или одна из их совместных опер – «Сокол» или «Сын-соперник», или уже упоминавшийся сборник романсов Бортнянского на стихи Лаферьера, изданный Б. Т. Брейткопфом. Впрочем, возможно, что он посылал что-то, о чем мы сейчас не имеем сведений вообще. В этом же письме содержится упоминание еще об одном, уже третьем, сочиненном Лафермьером либретто, музыка к которому еще не написана. Это «скандальная история матроны Эфесской, приспособленная так, чтобы фрейлины и кавалеры могли сыграть ее для госпожи великой княгини»¹⁴.

¹² НБ ОдГУ, Вор/2299.

¹³ «Musique de Bortniansky sur mes mauvaises paroles». – цит. по статье А. С. Розанова «Франц-Герман Лафермьер, либреттист Д. С. Бортнянского» // Бортнянский Д. С. Сокол: опера... С. 27.

¹⁴ «C'est l'histoire scandaleuse de la matrone d'Ephèse, accommodée pour être jouée par des demoiselles d'honneur et des cavaliers devant madame la grande duchesse». В кн.: Архив князя Воронцова. М., 1883. Кн. 29. С. 271. Оригинал по-французски, перевод А. С. Розанова в статье «Франц-Герман Лафермьер, либреттист Д. С. Бортнянского» // Бортнянский Д. С. Сокол: опера... С. 27.

Конволют, содержащий лафермьеровское либретто «Сокола», – в современном переплете, однако на первом листе имеется старый список его содержания, соответствующий реально существующему расположению входящих в него единиц. Либретто написано почерком переписчика, на тонкой полупрозрачной бумаге с водяным знаком «С. & I. Honig», в нем 52 страницы. Расположение на титульном листе и первой странице рукописи повторяет расположение на экземпляре, начало которого использовал при публикации оперы А. С. Розанов. Факсимильное воспроизведение титульного листа и первой страницы текста либретто в издании партитуры оперы позволяет говорить о сходстве почерка переписчика. К сожалению, мне пока не удалось ознакомиться с этим экземпляром, ранее хранившимся в Павловском дворце-музее, а теперь там отсутствующим. По описанию А. С. Розанова, в нем было всего 16 страниц текста, написанных разборчиво и без помарок, на плотной желтоватой бумаге с водяным знаком Adrian Rogge и изображением трубящего всадника. Рукопись датируется по этим признакам второй половиной 1780-х годов, т.е. временем создания оперы и либретто. Экземпляр либретто, хранящийся в библиотеке Одесского университета, можно датировать приблизительно так же.

А. С. Розанов, стоявший перед необходимостью воссоздания текста разговорных диалогов оперы Бортнянского, логично обратился к опере, сочиненной на тот же сюжет во Франции лишь за 15 лет до того, как начали писать свою оперу Лафермьер и Бортнянский. Сочиненный им текст заполнил логические и сюжетные лакуны, возникшие между вокальными номерами оперы, и в таком виде опера неоднократно ставилась в нашей стране. Однако теперь, когда обнаружился подлинный текст либретто, совершенно необходимо воссоздать подлинный вид этого спектакля, вернувшись к тексту, сочиненному при создании этой оперы.

Язык либретто Лаферьера выдержан в стиле французской салонной комедии, чрезвычайно модной во Франции в это время и предназначавшейся для светских любителей. Только что совершившая большую поездку по Европе великокняжеская чета, наблюдавшая развлечения версальского и венского дворов, также с удовольствием последовала этой моде, и в Павловске в 1780-х годах начинают ставить свои любительские музыкальные спектакли. В либретто Лаферьера нашли свое место все наиболее популярные в то время жанровые разновидности поэтических текстов для пения: подражание средневековой рыцарской поэзии в песне Федерика из 3-го действия, которой предпослано пояснение, что это песня Тибо, графа Шампанского и

короля Наварры. Романс Жаннетты из 2-го действия подан как вставной номер, названный «Романс о прекрасном Тирсисе», и написан в жанре французской бержеретты. Введен в оперу и комический персонаж – солдат Грегуар, перешедший в новую оперу из поставленной лишь несколькими месяцами ранее комедии с ариями «Празднество сеньора» с музыкой того же Д. С. Бортнянского.

Сравнение текста либретто оперы «Сокол», обнаруженного в Одессе, с текстом начала этой оперы по экземпляру, известному А. С. Розанову и использованному в его издании партитуры оперы, позволяет выявить некоторые отличия, которые проистекают в основном, по-видимому, из добавленных в партитуру элементов из различных вариантов нотных рукописей. Так, по сравнению с партитурой, изданной А. С. Розановым, в либретто имеются указания номеров сцен: в первом действии – 6 сцен, во втором – пять, в третьем – две. В партитуре же в первом действии – две картины, а 2 и 3-е действия, в которых текст досочинен Розановым, вообще не делятся на картины и сцены. Есть различия и в делении на сцены в начале оперы. Так, в либретто 2-я сцена начинается после хора 1-го действия, а в партитуре 2-я картина – на том месте, где в либретто сцена № 3. Сцена № 5 в либретто обозначена в партитуре как Финал, а в середине этого финала в либретто указана еще последняя сцена. В конце 3-го действия в либретто обозначен Хор, который на самом деле является ансамблем шести солистов, реально поющих три разные партии. В партитуре на месте слова «Хор» написано «Финал». В тексте либретто имеются также ремарки, вписанные иным почерком, чем тот, которым либретто переписано. Возможно, они делались в процессе репетиций.

И, конечно, самое главное – сам текст диалогов, полностью отличный от того, что было досочинено к этому изданию Розановым.

Редакционная коллегия издания «Музыкальный Петербург: Энциклопедический словарь» предполагает выпустить в качестве приложения к этому изданию том с текстами либретто наиболее интересных и показательных для того времени опер. В него войдет и полный подлинный французский текст либретто «Сокола» с новым переводом.

КНЯЖНА УРУСОВА И ЕЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБЕСЕДНИКИ

Н. Д. Кочеткова

Княжна Катерина Сергеевна Урусова хорошо известна биографам Г. Р. Державина прежде всего историей несостоявшегося сватовства поэта. Нередко цитируются его слова, сказанные по этому поводу незадолго до его женитьбы на Е. Я. Бастидон в 1777 г. княгине Вяземской, прочившей ему в жены свою двоюродную сестру Урусову: «Она пишет стихи, да и я мараю, то мы все забудем, что и щей сварить некому будет»¹.

Урусова была на четыре года младше Державина (она родилась в 1747 г.). В 1816 г. (год его смерти) она опубликовала стихотворение «Мой семидесятый год»². За все это время их отношения оставались вполне дружескими. Державин с явным вниманием относился к творчеству поэтессы: ее печатные и рукописные стихи находятся в его архиве. Он и его жена Е. Я. Державина вели с ней переписку. После смерти Е. Я. Державиной Катерина Сергеевна написала стихотворную надпись к ее портрету³. Урусова значилась в списке лиц, которым поэт хотел послать свои «Сочинения» (Ч. 1–4. 1808)⁴.

Круг литературного общения Урусовой достаточно широк. Ее обращению к поэзии способствовало родство с М. М. Херасковым, который был ее

¹ Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 539.

² *Сын отечества*. 1816. Ч. 31. С. 160–161.

³ Стихотворение Урусовой помещено непосредственно после надписи Е. В. Херасковой «К портрету Е. Я. Державиной» и озаглавлено «К ея же портрету» // *Памятник отечественных муз*. СПб., 1827. С. 104.

⁴ Сочинения Г. Р. Державина. Т. 6. С. 196.

двоюродным братом. Его авторская слава уже вполне упрочилась в 1760-е годы. С 1770 г. он находился в Петербурге. Урусова, жившая в это время в доме Вяземских, постоянно общалась с Херасковым и его женой Елизаветой Васильевной, одной из первых русских поэтесс. В их доме собирались литераторы: И. Ф. Богданович, В. И. Майков, А. А. Ржевский, А. В. Храповицкий, М. В. Храповицкая-Сушкова и многие другие. Говоря об отличавшей Хераскова «горячей и бескорыстной любви к просвещению и литературе», М. Н. Лонгинов писал: «Связанный узами дружбы и родства с лицами, принадлежавшими к большому свету, Херасков сближал с обществом покровительствуемую им молодежь <...>»⁵. В 1773 г. в петербургском журнале «Старина и новизна» появилось стихотворение Хераскова «К.н.ж.н. К.т.р.н. С.р.г.в.н. Р.с.в.» <Княжне Екатерине Сергеевне Урусовой>. Поощряя ее литературные занятия, маститый поэт давал ей свои рекомендации для выбора тем и жанров. Здесь же был помещен и стихотворный ответ Урусовой – «Восписание М.х.л. М.т.в.ч. Х.р.с.к.в.» <Михаилу Матвеевичу Хераскову>. Поэтесса упоминала о своей робости и страхе прогневить муз, лестно отзывалась о творчестве «российского Гомера», певшего «Чесмесский бой», и завершала стихотворение строками:

Я лиру взять дерзаю,
Любя ее сверх мер,
Парнаса досязую,
Х**<Херасков> мне пример⁶.

Издавая в 1774 г. свою поэму «Полион, или Просветившийся Нелюдим», Катерина Сергеевна писала: «Никогда бы не отважилась я издать в свет сего моего творения, ежели бы руководство, советы и некоторые поправки одного известного в России сочинителя мне к тому не вспомоществовали»⁷. Здесь, конечно, имелся в виду Херасков.

Первые стихи Урусовой, очевидно, печатались анонимно, может быть, просто читались в кругу друзей и знатоков, были им известны в рукописном виде. Во всяком случае, уже в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Н. И. Новиков сообщал, что она «писала прекрасные элегии, песни и другие мелкие стихотворения, которые за чистоту слога, неж-

⁵ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000. С. 138.

⁶ Старина и новизна. 1773. Ч. 2. С. 206.

⁷ <Урусова Е. С.> Полион, или Просветившийся Нелюдим. СПб., 1774. С. 3 венум.

ность и приятность изображения достойны похвалы!»⁸. Впервые свое имя она поставила под стихотворением, изданным в 1772 г. и более значимым, по-видимому, с ее точки зрения – это «Письмо Петру Дмитриевичу Еропкину, сочиненное княжной Екатериной Урусовой в Москве», рассказывающее о борьбе с эпидемией чумы.

Появление в 1774 г. в Петербурге поэмы Урусовой «Полион, или Просветившийся Нелюдим» произвело большое впечатление на читающую публику. М. Н. Макаров сообщал: «В Москве и Петербурге тотчас зашумели о таком необыкновенном труде женщины, обратившем на себя особенное внимание современных ей писателей и Екатерины, а Поповский и Барсов, ученейшие профессора тогдашнего времени, не утерпели, как говорит предание, чтоб не отписать друг другу: “Смотри, пожалуй!”»⁹. Прицая сухую ученость («ложный ум») своего героя, поэтесса призывает наставников «младых людей не жесточить» и приучать их к светскому обращению¹⁰. Встреча с прекрасной Найдой помогает Полиону обрести счастье в любви. Интересное отражение в поэме нашли театральные впечатления самой Урусовой, очевидно, регулярно посещавшей новые спектакли. Полиону, удалившемуся в лес со «строгими Сенеки наставленьями», друг сообщает о городских забавах, в том числе о постановке трагедии Вольтера «Заира»:

<...> Феатр во граде здесь открыт!
Мы видели на нем стянющую Заиру,
<...> мы Талией здесь мысли веселим¹¹.

Интерес поэтессы к театру проявился и в другом ее произведении – «Ироида, музам посвященные» (1777). Действующими лицами здесь выступают и вымышленные ею персонажи и герои пьес, которые Урусова, очевидно, видела на сцене, среди них трагедия А. А. Ржевского «Подложный Смердий» и трагедия А. В. Храповицкого «Идамант». В том же 1777 г. в журнале Н. И. Новикова «Санктпетербургские ученые ведомости» появилась

⁸ *Материалы для истории русской литературы. Изд. П. А. Ефремова. СПб., 1867. С. 112.*

⁹ Макаров М. Н. *Материалы для истории русских женщин-авторов // Дамский журнал. 1830. Ч. 29. № 7. С. 98.*

¹⁰ *Едва ли, однако, можно согласиться с предположением, что Урусова полемизирует таким образом с «Телемахидой» В. К. Тредиаковского. См.: Vovles J. The «feminisation» of Russian literature: women, language and literature in eighteenth-century Russia // Women writers in Russian literature. Ed. by T. W. Clyman and D. Green. Westport, London, 1994. P. 44–47.*

¹¹ <Урусова Е. С.> Полион, или Просветившийся Нелюдим. С. 29.

весьма положительная рецензия на книгу Урусовой. Рецензент, возможно, сам Н. И. Новиков, хорошо осведомленный о всех литературных новостях, упоминая и поэму «Полион», писал: «Известно нам, что сия поэма давно уже снискала похвалу и уважение от наилучших наших стихотворцев: почему не сомневаемся мы, что и сии Ироиды приобретут благосклонное внимание просвещенных читателей и снизуют справедливую похвалу за изрядство мыслей, чистоту стихов и приятность слога. Мы усердно желаем, чтоб и сия новая Де ла Сюза долговременными трудами своими сделала честь российским письменам и удостоверила бы французов, что холодный наш климат не препятствует равняться с лучшими их писателями»¹². Единственный недостаток, который был отмечен рецензентом, – нарушение «единообразия во правописании».

В 1780-е годы по каким-то причинам в творчестве Урусовой наступает перерыв. В июле 1786 г. она пишет Е. Я. Державиной: «У вас, видно, есть стихотворения, сочинение которых делает честь нашему полу: мне весьма приятно было читать то прекрасное стихотворение, которое вы мне сообщили; желаю, чтобы знакомство с музами усугублялось в нашем поле. Несмотря на то, что я разорвала мой союз с музами, желаю, чтобы другие установляли с ними связь; а мне остается только радоваться и восхищаться творениями парнасских сестр моих»¹³. Однако спустя какое-то время она снова берется за перо.

Из стихотворений Урусовой, публиковавшихся в периодике 1790-х – 1810-х годов, наиболее интересны те, которые имеют камерный характер и связаны с ее кругом дружеского общения. Отдельные произведения вызывали стихотворные отклики других авторов. Эта была не полемика, но своеобразный поэтический диалог, игра. Так, стихотворение Урусовой «Степная песнь», опубликованное Н. М. Карамзиным в «Аонидах»¹⁴, было обращено к неким «трем милым пастушкам», которые живут у Невских берегов на «врачебном острове» (то есть на Аптекарском острове), купаются и плетут из роз венки. В примечании указывались начальные буквы имен этих пастушек: «В..., К..., М...». Вслед за этой публикацией был помещен стихотворный «Ответ» «бесценному другу» Темире, которая живет где-то в степном краю вдали «от Бельта» и в унынии поет, «чтоб утешать своих пастушек». Стихо-

¹² Санктпетербургские ученые ведомости на 1777 год. Н. И. Новикова. Изд. 2-е А. Н. Неустроева. СПб., 1873. С. 175–176.

¹³ Сочинения Державина. СПб., 1869. Т. 5. С. 517.

¹⁴ Аониды. 1798–1799. Кн. 3. С. 27–30.

творение подписано буквами «Н... П...». К сожалению, трудно раскрыть этот псевдоним, но можно предположить, почему указанные инициалы не совпадают с теми, которые значатся в примечании к стихам Урусовой. Поэтессы называют друг друга вымышленными пастушескими именами: если Урусова не Катерина, а Темира, то и подружки ее могут быть названы подобным же образом. Впрочем, не исключено, что из-за опечатки появилась подпись «Н... П...» вместо «Н... М...» – Наталья Магницкая. Если же были названы настоящие имена подруг, то «В...» – это, может быть, Варвара Резанова, которой был посвящен «акrostиш» Урусовой, находящийся в бумагах Г. Р. Державина¹⁵. Возможно, что Варваре Резановой посвящено и стихотворение Урусовой «К Вальмине», начинающееся строками:

Меня ты ангелом, Вальмина,
По нежным чувствам называла...¹⁶

На пылкие речи экзальтированной подружки поэтесса отвечает:

Чужда мне ангелов судьбина:
Я слишком, слишком человек.¹⁷

На стихотворение Урусовой «Ручей», также напечатанное в «Аонидах»¹⁸, спустя три года в журнале «Иппокрена» появился отклик – «К сочинительнице Ручья, стихи, тою же мерою писанные». Стихотворение, напечатанное без подписи, принадлежало П. И. Голенищеву-Кутузову, который позднее поместил его в своих «Стихотворениях» в разделе «Эпистолы»¹⁹. Поэт, сожалея о своих пороках и слабостях, высказывал восхищение стихотворением Урусовой и самой сочинительницей:

Почасту с восхищеньем
Читаю твой Ручей,
Он служит утешеньем

¹⁵ РО РНБ. Ф. 247 (Г. Р. Державин). Т. 22. № 56. Имя автора написано в конце стихотворения рукой Державина. В архиве поэта хранится и автограф стихотворения Урусовой «О Боже! чю твоих пределов светозарность...» (Т. 2. Л. 10). За указание на эти тексты приношу благодарность Н. П. Морозовой.

¹⁶ Патриот. 1804. Т. 2. Кн. 2. С. 222.

¹⁷ Там же. С. 223.

¹⁸ Аониды. 1796. Кн. I. С. 67–69.

¹⁹ Стихотворения Павла Голенищева-Кутузова. М., 1803. Ч. I. С. 153–155.

Всегда душе моей.
 Ты ж с лирою златою
 Седяща у ручья,
 Желай, чтоб над собою
 Стяжал победу я,
 Чтоб к истине стремился,
 Я с ней остался век,
 Чтоб я переродился.
 Стал новый человек²⁰.

Продолжая стихотворную игру, Урусова тут же поместила новые стихи – «От сочинительницы *Ручья*, ответ на ответ», написанные тем же трехстопным ямбом с перекрестными женскими и мужскими рифмами. Отвечая автору на похвалы похвалами, поэтесса переводит стихотворный диалог в шутку:

Мне вод Кастальских сила
 На пользу не дана,
 Вкусить их побудила
 Забава лишь одна²¹.

Более серьезный философский диалог Урусова вела в стихах с поэтессой Анной Александровной Турчаниновой²², которая воспевала правила строгой добродетели, любовь к смерти и т.п. В бумагах Державина после стихов Турчаниновой помещено стихотворение Урусовой (за обычной ее подписью: «К.К.У-а» – княжна Катерина Урусова), озаглавленное «К Анне Алекс<андровне> Турчаниновой» и содержащее не только полемику, но и своего рода искреннюю исповедь:

Ты учишь презирать тщету мирских сует,
 Ты учишь в Боге жить и смерти не страшиться.
 На твой благой совет хочу, хочу решиться,
 Но веры и любви в душе не достает <...>
 Завидна твердость мне, завидна мне твоя:
 Живыя веры свет в душе пылает.

²⁰ *Иппокрена*. 1799. Ч. 3. С. 147.

²¹ Там же. С. 304.

²² О ней см.: Голицын Н. Н. *Биографический словарь русских писательниц*. СПб., 1889. С. 252.

Увы! в моей душе светильник погасает;
 Меня зовущему не внемлю гласу я.
 Обманчивость мирских я ведаю утех,
 Я вечность признаю, сей жизни краткость знаю,
 Но ложным блеском дух и сердце заражаю
 И временность берет над вечностью верх²³.

Среди откликов на публикации Урусовой особенно интересны стихи, до сих пор не публиковавшиеся и принадлежащие Варваре Александровне Трубецкой (урожденной княжне Черкасской, 1748–1833), о творчестве которой известно крайне мало²⁴. Она была замужем за Николаем Никитичем Трубецким (1744–1821), двоюродным братом Урусовой и родственником М. М. Хераскова, деятельным масоном, сподвижником Н. И. Новикова. Жена Хераскова Елизавета Васильевна, Урусова и Трубецкая составляли женский дружеский кружок, объединенный и литературными интересами: все они писали стихи, следили за книжными новинками. Среди подписчиков на журнал Новикова «Утренний свет» рядом следуют имена всех трех подруг²⁵. В 1792 г. в результате следствия по делу Новикова Трубецкой был сослан в отдаленную деревню в Воронежскую губернию «с воспрещением выезда»²⁶. Вместе с ним поехала и его жена. Друзья и родные продолжали вести с ними переписку, присылали новые книги. Когда Трубецкие получили первую книгу «Аонид» Карамзина, их внимание привлекло стихотворение Урусовой «Чувство дружбы». Рефреном стихотворения была строка «Нет здесь, нет твоих друзей», а завершалось оно строфой:

Я без вас, друзья любезны,
 Лишена утехи всей!
 Лейтесь, лейтесь, токи слезны!
 Нет со мной моих друзей!²⁷

²³ РО РНБ. Ф. 247. (Г. Р. Державин). Т. 25. Л. 106–107.

²⁴ См.: Голицын Н. Н. Биографический словарь русских писательниц. С. 248–249.

²⁵ Утренний свет. 1778. Ч. 4. Сентябрь. С. VII. Урусова была также подписчицей на «Полное собрание всех сочинений А. П. Сумарокова (М., 1781–1782. Ч. 1–10)» и двухтомный роман П. Ю. Львова «Российская Памела» (СПб., 1789), а Трубецкая – на «Московский журнал (1792) Н. М. Карамзина. См.: Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000. С. 144.

²⁶ См.: Сказания о роде князей Трубецких. Изд. кн. Е. Э. Трубецкой. М., 1891. С. 248–250.

²⁷ Аониды. 1796. Кн. 1. С. 124.

Ответом на это стихотворение стало сохранившееся в рукописи письмо Трубецкой, включающее два ее стихотворения. Приведем полностью этот интересный документ.

«Княжне Катерине Сергеевне Урусовой сочинительницы княгини Варвары Трубецкой:

Не тоскуй и слез не лей,
Не ищи твоих друзей.
Пятой год их нет с тобою:
Оне гонятся судьбою,
Слезы горкие лиют,
В грустях дни свои влекут,
День с страданием встречают,
В скорбях ночи провождают,
Сна спокойна нет для них:
Скорбь в сердцах и чувствах их.
Ты уйми твои стенанья,
Тщетное оставь исканье:
Нет с тобой друзей твоих,
Но всегда живешь ты в них.

Милая княжна! Читая Аониды, увидела там твои сочинения и, найдя тобою описанное чувство дружбы, подумала, что ты в это время занялась нами. Ежели не обманулася и вподлинно ты, воображая нас писала, то знай, что в ту же минуту захотелось мне тебе отвечать на тщетное твое искание нас и открыть точное наше чувство и положение. Так, мой друг, верю, что ты жива и навсегда живою останешься в чувствах наших. Будь благополучна, и дай Боже, чтобы я не на бумаге когда-нибудь сказать тебе могла, что я твоя приятельница. К.В.Т. <Княгиня Варвара Трубецкая>.

По написании сих строк чувство мое заставило меня еще писать. Повинуясь, еще пишу.

Рондо

Кто-то шепчит в ухо мне
Наяву, а не во сне:
Успокойся, слез не лей,
Скоро обоймешь друзей.

Ехо в роще повторяет,
То же, то же мне вещает:

Успокойся, слез не лей,
Скоро обоймешь друзей.

Птичка на кусток <подсела>
И, мне слышится, запела:
Успокойся, слез не лей,
Скоро обоймешь друзей.

Ручеек потек скорая,
Зажурчал повеселяе,
Звук отдался: слез не лей,
Скоро обоймешь друзей.

Время радостей настанет,
Скоро яркой день проглянет.
Шепчит кто-то: слез не лей.
Скоро обоймешь друзей.

Ах, свершись скорей вещанье,
Лестное души желанье
И отраду в сердце влей,
Дай увидеть мне друзей.

О, если бы не обмануло меня чувство мое, и я увидела бы друзей моих, тогда спокойно дни бы мои кончила»²⁸.

В конце 1796 г. со смертью Екатерины II и восшествием на престол Павла I у подвергнутых гонениям появились надежды на улучшение своей участи. 8 декабря 1796 г. последовал указ Павла I об отмене ссылки. Можно представить себе, с какой жадностью ловили изгнанники каждую весть, предвещавшую их освобождение. Содержащиеся в письме стихи ценны не только как то небольшое, что сохранилось из литературного наследия Трубецкой, но и как человеческий документ.

Стихи Урусовой и Трубецкой с их тематикой и стилистикой, типичной для массовой поэзии сентиментализма, приобретают глубоко личный характер, служат отражением трагических судеб. Письмо Трубецкой было бережно сохранено Урусовой. Насколько близко к сердцу она принимала несчастья своих родных и друзей, свидетельствует еще одно ее стихотворение, обращенное к Павлу I – «Сердечные чувства благодарности, изливаемые пред престолом его императорского величества Павла Первого». Стихотво-

²⁸ РО РНБ. Пог. авт. № 199. Л. 1–2 об.

рение представляет собой отнюдь не традиционный панегирик: оно сравнительно невелико по объему и имеет, вопреки обыкновению, несколько камерный характер. Поэтесса обращается к государю как частный человек: благодарит его не за «щедроты» ко всей России, а за конкретные милости к ее родным и близким, невинно пострадавшим:

... Но силу как щедрот измеряю я Твоих?
Россия целая живой есть образ их;
Исчислить их хочу, но в них совсем теряюсь,
И частных только лишь Твоих щедрот касаюсь.
Монарх мой! Ты мое семейство оживил,
Внимание к нему явить благоволил
И пролил на него Ты милости рекою,
Воскресло целое семейство днесь Тобою,
Гонимым ты, мой Царь, свободу возвратил,
Стесненных бедностью обильно наградил,
Усердные труды Тобою ободрились
И знаком милостей Монарших отличились;
И всяк у нас пришел к покою наконец.
О ты! России Царь, и наших Царь сердец,
Прости, что я Твои щедроты возгласила.
Что душу пред Тобой и сердце обнажила.
Родства и дружества Ты чувства извини
И благодарности мне в дерзость не вмени.
Сердечных чувств моих таить я не умею;
Открыть их способа другаго не имею,
Как только слабый дар мой в жертву принести;
Прими его, Монарх! отважность мне прости²⁹.

Стихотворение является непосредственным откликом на политические события: освобождение преследовавшихся Екатериной II участников Новиковского кружка. Вместе с тем оно непосредственно связано с той камерной лирикой, которая культивировалась в это время женщинами-поэтессами. Литературные опыты составляли неотъемлемую часть их дружеских бесед и признаний. За условными именами и шаблонными формулами в этих стихах раскрывалась подлинная история человеческих взаимоотношений.

²⁹ Урусова Е. С. *Сердечные чувства благодарности, изливаемые пред престолом его императорского величества Павла Первого*. СПб., 1798. С. 3–4 нум. Это редкое издание находится в архиве Г. Р. Державина: РО РНБ. Ф. 247. Т. 22. № 48.

ПИСАРЬ П. К. СОЛОВЬЕВ О «СЛОВАРЕ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ»

Е. Д. Кукушкина

Труды Российской Академии, созданной в 1783 году для изучения русского языка и распространения «словесных наук», ознаменовались выходом в 1789–1794 годах шести томов «Словаря Академии Российской», первого научного словаря русского языка. Задачей словаря, с которой его составители успешно справились, было установление лексических норм русского языка, очищение его от просторечий и иностранных заимствований, обогащение славянской лексикой.

Однако с выходом этого издания словарная работа не закончилась. Вскоре после издания «Словаря», составленного в словопроизводном порядке по алфавиту корней, стало ясно, что пользоваться им не всегда удобно. В 1801 г. было принято решение о «приведении славяно-русского этимологического словаря в буквенный порядок». Первоначально предполагалось давать русским словам их латинские, французские и немецкие соответствия, но в ходе работы составители отказались от этой мысли. В словарь были внесены научные и художественные термины, что значительно увеличило его состав. Первая часть «Словаря Академии Российской по азбучному порядку расположенного» была напечатана в 1806 г. Дальнейшая работа растянулась более чем на пятнадцать лет¹.

Над созданием Словарей трудились члены Российской Академии – виднейшие ученые и писатели, понимавшие необходимость этого издания для русской культуры. В их числе были академики С. Я. Румовский,

¹ История Академии наук СССР. Том второй. 1803–1917. М.: Л. 1964. С. 165.

Н. Я. Озерецковский, С. К. Котельников, П. Б. Иноходцев, И. И. Лепехин, а также Д. И. Фонвизин, Я. Б. Княжнин, И. Ф. Богданович, В. В. Капнист и другие. Под их руководством работали многочисленные переписчики, от которых требовалось внимание и немалое усердие.

Публикуемое стихотворение принадлежит перу Петра Кирилловича Соловьева, которому довелось служить писарем в Российской Академии с 6 сентября 1802 года. Стихотворение хранится в Российской Национальной библиотеке, в фонде Г. Р. Державина², также участвовавшего в составлении Академического словаря³.

П. К. Соловьев был определен в Российскую Академию по ходатайству графа Д. И. Хвостова, который в августе 1802 г. писал президенту Российской Академии А. А. Нартову: «Милостивый государь мой! Андрей Андреевич! Вручитель сего есть губернский секретарь Соловьев. Послужной его список, что он обучался в Вологодской семинарии полному курсу, обыкновенно в сих местах употребляемому, разумеет по латыне и в состоянии сего языка переводить. Был в народных школах учителем, упражняется в стихах. Находился в разных должностях приказных по духовному начальству. Поведения честного и трезвого, нравов кротких. Аще образе его заставит ваше превосходительство усумниться в одном их приписуемых мною ему качествах, я сам сначала таковое же сделал об нем заключение, то время и опыты убедили меня, que les apparences sont souvent trompeuses⁴. Я сочту вас за одолжение совершенное, ежели вы соблагovolите принять на жалованье 250 р., а он, как я надеюсь, меня в стыде не оставит»⁵.

Упомянув о поэтических занятиях Соловьева, Хвостов, возможно, имел в виду опубликованное в 1798 г. в Санкт-Петербурге в типографии Синода стихотворение «Его императорскому величеству ... Павлу первому ... на случай ... вновь явившихся нетленных мощей преподобного Фоедосия Тотемского чудотворца. От находящегося в ведомстве Святейшего Синода Петра Соловьева».

В прошении к А. А. Нартову, отправленном вместе с ходатайством Д. И. Хвостова, П. Соловьев писал: «Проживши отроду сорок лет и прохо-

² РНБ. Ф. 247. (Г. Р. Державин). Т. 28. Л. 103–108 об.

³ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Т. IX. СПб. 1883. С. 115–116.

⁴ Что видимость нередко обманчива (франц.)

⁵ ПФА РАН. Ф. 8. Оп. 5. Д. 5. Л. 253–253 об.

дивши с самого моего малолетства разные публичные знания, имел я наконец последнюю мою должность штатного секретаря в Богородской Духовной консистории. <...> Но в 1800-м году Святейшим синодом от секретарской должности оставлен без аттестата только за то единственно, что тамошней епархиальной архиерей по просьбе моей уволил меня с данным от него пашпортом в С-Петербург на 28 дней, не отнесясь о сем предварительно С. синоду для доклада о сем его императорскому величеству, и сие самое причтено единственно в мою вину: поелику я был секретарь и не предостерег своего архиерея... Доныне нахожусь без порядочного места, без жалованья и без собственного своего пропитания, живя и с семейством своим в дальней чрез полтора года разлуке вспоможением одного благожелательного родственника...»⁶.

Петр Соловьев прослужил в Российской Академии меньше года. 18 апреля 1803 г. он подал прошение об увольнении, так как «избрал другой род его Императорскому величеству службы»⁷. Стихотворение Соловьева свидетельствует о его литературной образованности и о том, что он хорошо понимал значение Словаря для русской словесности.

В публикуемом тексте знаки препинания расставлены в соответствии с современными нормами языка.

Русская песнь
Достопочтеннейшим Господам
Членам
Российской Академии,

сочиненная находящимся в ведомстве оной губернским секретарем
Петром Соловьевым сентября « » дня 1802-го года:

1-е

Скажи мне, муза, откровенно
Зачем ты стала весела?
И отчего так дерзновенно
Теперь ты сделалась смела?
Ужели бурны Аквилоны,
Благого Бога взяв Законы
Свой буйной утишили рев?

⁶ ФА РАН. Ф. 8. Оп. 5. Д. 5. Л. 254-254 об.

⁷ ФА РАН. Ф. 8. Оп. 6. л. 89.

Ужели вражья зависть злая,
Невинность поглотить алкая,
Насытила свой алчный зев?

2-е

Ты орошалася слезою,
Когда тебе хотелось петь,
Но быв сраженна бед грозою,
Едва-едва могла хрипеть.
Ты силилась свою кручину
И в гроб гонящую судьбину
Пером плачевным описать;
Однак и в том не успевала,
Рука твоя с пером дрожала
Себя в картине показать.

3-е

Но твоего теперь молчанья
Уже приблизился конец.
Забудь прошедшие страданья
И то, кто оных был творец:
Тебя Минерва не учила,
Чтоб злостью ты за злость платила.
Она велела все терпеть.
В несчастьях быть великодушным,
Законам промысла послушным
И соразмерно силам петь.

4-е

Петь песни в честь мужам почтенным,
Благие оных петь дела
От лести слогом удаленным,
Слог пышный им не есть хвала.
Слова красивы и подборны
Почасту могут быть притворны,
Всего святее простота.
Та песнь приятна и прекрасна,
Коль с сердцем и душой согласна,
А льстивое перо? – Мечта.

5-е

За слог простой бранить не станут,
Дающий школьникам покой.
Они довольно это знают:
У нас нет лиры золотой.
Парнаса мы совсем не знаем,
Муз никогда мы не выдаем
И вод Кастальских нет у нас;
Так песнь споем, по-русски, русским
Не словом греков, ни французским.
Пойдем пешком – не наш Пегас.

6-е

Гораций вековечны славу
Себе пером своим снискал,
Что Римску важную державу
Чрез чистый слог увеселял.
Тит Ливий, Тацит со Страбоном,
Вергилий, Плиний с Цицероном
Во все блистают времена.–
И славное сие собрание
Заслуг в достойно воздаянье
Почтут грядущи племена.

7-е

Чтоб силу дать природну слову
И в чистоту его привести
Словарь – преважную обнову
России посвящают в честь.
Трудятся –
 Нам чтоб не трудиться,
В кармане, слов ища, не рыться,
Коль мысли объяснить хотим.
Что в том? Хоть мыслить и умеем,
Но если слов не разумеем?
Лишь выпуча глаза сидим.

8-е

Труды полезны, – пресловуты
Тех, кои чистят свой язык!
И слог незначащий, надутый
Считают за несвязной крик,
Мысль в чисто платье одевая,
Не узя и не расширяя
По стану оное кроят;
Тем вещь понятной представляют,
Кюшонами не называют
Природных русских поросят.

9-е

Мон-шер уже у них в отставке,
Да, право, в нем и нужды нет.
Бонмо, эскиз, сюперб в подлавке,
Монсье, бонжюр и этикет;
Статуи, бюсты, постаменты,
Фасады, профили, цементы,
Названья: ритор и пиит,
Весь разношерстной слог российский,
Чрез лоскутки свои став низкий,
Скажу: ей! Будет позабыт.

10-е

А для чего? Язык Российский
Собой довольно плодovit:
Слова его ничуть не низки
И слог его искусный чист.
Всем Матерь щедрая Природа,
Ужели из него урода
Соделала для смеху всем?
В коротком ли француз кафтане,
Иль турок в кругленьком тюрбане –
Для ней нет разницы ни в чем.

11-е

Кругло, в приятнейшем умели
Климате греки говорить.

Так что ж? Лишь только разумели
 Между собой понятий нить.
 И всяк на свете в том согласен,
 Что был бы чист язык и ясен,
 Чтоб мог друг друга понимать.
 На что ж речения чужие,
 Нередко самые сухие,
 В природный свой язык мешать?
 Ore rotundo dedit Natura groseiy logui. Cicerⁱ.

12-е

Возьмем мы свой язык природный,
 Каких в нем слов не достает,
 Ко объяснению способный –
 Ни в чем в нем недостатка нет.
 Славенский слог к нему приложим,
 Богатство тем его умножим.
 Француз, латин и самый грек
 Едва ли все нам не уступят,
 Хоть в мыслях всех почтенье лупят;
 Но мы им не уступим в век.

13-е

Гомера русские в Кострове
 Читают – могут разуместьⁱⁱ,
 Вергилий нам знаком в Петровеⁱⁱⁱ –
 Хвалу монархам добрым петь,
 Нам Нартов в Плинии внушает,^{iv}
 А Иноходцев объясняет
 Немецку физику,^v как есть.
 Захаров дал знать Фенелона,^{vi}
 Румовский показал Невтона^{vii}
 И кто им не отдаст в том честь?

14-е

Мы привели здесь переводы,
 Чтоб всем наверно показать,
 Что русского языка роды
 Собой все могут обнимать;

Но если коснемся природных
Творцов, к твореньям многих сродных,
Так можем много их найти,
Которы столько ж просвещенны,
Как были мужи те почтенны,
Держася своего пути.

15-е

Россия сколь собой обширна,
Колико славою громка,
Толико в языке обильна
И в умных людях велика.
На место славна Фенелона
Имеет у себя Платона.^{viii}
Наш Сумароков есть Расин,
А Феофан, муж просвещенный,
Петром великим отличенный,
Не есть ли русский Августин?^{ix}

16-е

В своей Херасков епопеи
Уступит ли Марону в чем ?^x
Державин, описав затеи,
Не меньше Флакка стал во всем.^{xi}
А выпренный дух Ломоносов–
Хвала, честь вообще всех россов,
И ум и слог нам показал.
В Хвостове^{xii} зрим де-ла-Фонтена,
Во Анастасии Сорена,^{xiii}
Достойнейшего всех похвал.

17-е

Вергилий в Енеиде славен,
Гомер дела Улисса^{xiv} пел,
Гораций остротой забавен,
Волтер и то и сию умел.
Все умницы других стран славны,
Красивы, важны и забавны,
Едва ль у русских верх возьмут?

Скажу по совести не лживо
И под присягою правдиво –
И в русских здравый ум найдут.

18-е

Давно Россия процветает
Природна слога в красоте,
Да чуть ли и не превышает
Других в уме и остроте?
Перо Овена, Ювенала,
Проперция и Марциала
Русак не хуже очинил –
Во всяком роде сочинений
И в севере холодном гений
Иль есть теперь, иль прежде был.

19-е

Но ежели бы поимянно
Я стал мужей всех изчислять
И их достоинства пространно
Своею песнью воспевать,
То сил бы не достало боле
Затем, что их обширно поле.
Да, много есть мужей таких,
Которые умом блистают,
Но имена свои скрывают –
Похвал не любят никаких.

20-е

Однак, хотя и закрывают
На время солнце облака,
Но солнечны лучи блистают,
Паря сквозь их издалека.
Алмаз не блещет под корою,
Но дорог всякою порою.
Ума кто ждет от дурака?
Хотя б сидел на колокольне,
Но умной умного в прикольне
Рыбак увидит рыбака.

21-е

Так все старание пустое,
Чтоб оговорки здесь чинить.
А вот все дело тут святое,
Чтоб извинения просить.
Простите ж, мужи просвещенны,
В реестре сем не помещенны,
Что я о многих умолчал.
Вы сами славьтесь собою
Меж умных всякою порою
И без школярственных похвал.

22-е

Да впрочем мне ли петь достойно
Достопочтеннейших мужей?
Никак школярству не пристойно
Сверх силы затевать своей.
Вас время навсегда прославит,
Бессмертия венец доставит.
Я ж дать цены вам не могу,
Дарам лишь вашим удивляюсь,
Служу я вам и покоряюсь
И право! В этом я не лгу.

ⁱ *Ore rotundo dedit Natura groseiy logyi. Cicer* – очевидно, искаженная цитата из Цицерона. Это выражение в сочинениях Цицерона обнаружить не удалось.

ⁱⁱ *Гомера русские в Кострове читают – могут разуместь* – Е. И. Костров (1755–1796) выполнил первый стихотворный перевод на русский язык «Илиады» Гомера (песни 1-6 – 1787 г.; песни 7-9 – 1811 г.).

ⁱⁱⁱ *Вергилий нам знаком в Петрове* – В. П. Петров (1736–1799) в 1770 г. опубликовал свой перевод «Энеиды» Вергилия.

^{iv} *Нартов в Плинии внушает* – А. А. Нартов перевел с немецкого языка «Слово похвальное императору Траяну, говоренное римским консулом Каием Плинием Цецилием Вторым», сравнил в посвящении Екатерину II с Плинием. «Слово» Плиния и позже вызывало большой интерес. В 1807 г. рижский пастор Август Альбанус написал похвальное слово Александру I, процитировав Плиния. Текст быстро распространился в списках. С. П. Жихарев записал в своем дневнике: «Нельзя без сердечного удовольствия читать этого «слова», которое все состоит из отрывков Плиниева панегирика, почти буквально переведенного; и читая его, невольно удивляешься, как мог римский писатель, за семнадцать столетий пред сим, так

верно изобразить обожаемого нашего государя..., потому что не только наружность..., но и смысл самих указов и постановлений императора Александра изображаются с изумительной подробностью» (Жихарев С. П. Записки современника. Дневник чиновника. Воспоминания старого театрала. Т. 2. Л., 1989. С. 236.

^v **Иноходцев объясняет немецкую физику** – при рассмотрении и обработке материалов, собираемых для азбучного словаря, П. Б. Иноходцев объяснял слова, относящиеся к математике и физике, а также вносил поправки в определения физических и математических терминов, доставленных академиком С. Я. Гурьевым.

^{vi} **Захаров дал знать Фенелона** – И. С. Захаров (1754–1816) в 1786 г. перевел «Странствования Телемака, сына Улисса», причем его перевод отличался от более ранних переводов А. Ф. Хрущева и В. К. Тредиаковского отказом от галлицизмов и большим количеством славянизмов.

^{vii} **Румовский показал Ньютона** – в работе над Словарем С. Я. Румовский, известный, подобно Ньютону, работами в области физико-математических наук и астрономии, принял на себя объяснение математических и астрономических терминов.

^{viii} **На место... Фенелона имеем... Платона** – Фенелон (1651–1715) в 1695 г. стал епископом. Архиепископ Московский и Калужский, а затем митрополит, Платон (П. Г. Левшин, 1737–1812), автор многочисленных поучительных слов и речей, был чрезвычайно популярен в обществе.

^{ix} **Феофан... не есть ли русский Августин** – Феофан Прокопович (1677 или 1681–1736) сравнивается с римским писателем и теологом Августином Аврелием.

^x **В своей Херасков епонеи уступит ли Марону** – сравниваются М. М. Херасков (1733–1807), как автор «Россияды» и Марон Публий Вергилий, римский поэт, автор поэмы «Энеида».

^{xi} **Флакк** – Квинт Гораций Флакк, римский поэт.

^{xii} **В Хвостове зрим де-ла-Фонтена** – имеется в виду Д. И. Хвостов (1757–1835).

^{xiii} **Во Анастасии Сорена** – Жак Сорен (1677–1730) – знаменитый французский протестантский проповедник. Его проповеди печатались в России при Екатерине II. Анастасий (А. С. Братановский, 1762–1806), архиепископ астраханский, с 1793 г. – придворный проповедник. В 1794 г. был избран членом Российской Академии. В 1801 г. возведен в сан архиепископа. Занимал видное место в истории русской церкви. Обычно его сравнивали с другим французским проповедником – Ж.-Б. Массильоном (1683–1743).

^{xiv} **Улисс** – от *Ulixes*, лат. вариант имени Одиссея.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ Н. П. РУМЯНЦЕВА (по материалам Музея книги Российской государственной библиотеки)

И. Ю. Фоменко

Николай Александрович Львов (1753–1803) и Николай Петрович Румянцев (1754–1826) – люди одного поколения, почти ровесники, хотя воспринимаются по-другому. Действительно, по-настоящему Румянцев нашел себя, стал заметен в начале XIX в., фактически уже после смерти Львова.

Многое их объединяет, прежде всего, широта интересов – искусство, литература, наука, техника, промышленность; оба путешествовали по Европе, интересовались славянскими рукописями, являлись организаторами ярких и интересных кружков. Объединяет и сама необыкновенная плодотворность, продуктивность их жизни.

Но если жизнь Львова разворачивалась стремительно и во всех сферах деятельности одновременно, то жизнь Румянцева разворачивалась медленно и отчетливо, она делится на несколько эпох.

Если Львов в начале 70-х годов XVIII в. уже путешествует с конкретными дипломатическими поручениями, то путешествие по Европе, предпринятое братьями Румянцевыми также в 70-е годы, – подлинный «роман воспитания» – они знакомятся с европейскими странами, посещают лекции в университетах, заводят знакомства с выдающимися деятелями европейской культуры. Характерно, что Николай Румянцев в 1776 г. возвращается в Петербург «не видав ... Англии, по недостатку необходимых на это средств, довольно скудно отпущенных на поездку его родителем»¹. А в 1779 г.

¹ *Русский биографический словарь / Под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцева: [В 27 т.]. СПб.-Пг., 1896–1918. Т. Романова-Рясовский. С. 494 (в дальнейшем – РБС. Ук. соч.).*

Н. П. Румянцев так сообщает П. В. Завадовскому о своем намерении участвовать в военных действиях: «Война, кажется, неизбежна; может другу твоему удастся похвалу родительскую заслужить, а ему в ней нужда крайняя. Признаюсь, что горько видеть, что батюшка по сю пору еще никакой причины утешаться нами не имеет»², – эти строки явно написаны человеком, еще не нашедшим себя. Вторит Румянцеву Я. Е. Сиверс, который значительно позже, незадолго до смерти великого полководца, посетил П. А. Румянцева: «Только он все как будто еще не вполне доволен своими детьми. Однако всю надежду возлагает на графа Николая»³. Это написано в 1796 г., когда его сыновьям уже перевалило за 40, когда Николай Румянцев уже сделал достаточно убедительную дипломатическую карьеру, причем биографы считают, что выбор дипломатического поприща был не вполне самостоятелен, определялся влиянием его отца.

Особую эпоху жизни Н. П. Румянцева составляет пятнадцатилетнее пребывание во Франкфурте-на-Майне в качестве чрезвычайного и полномочного министра при германском сейме. Тогда же проявляется его интерес к славянской древности, он начинает собирать «ценные предметы и сочинения, относящиеся к северной и славянской истории», в 1791 г. он уже интересуется специальными вопросами русской и славянской истории, переписывается с немецкими учеными⁴. Однако настоящего развития этот интерес не получает. Много позже Румянцев сам сетует о своей поздней зрелости: «Жаль, что мой жаркий и неутомимый дух действует так поздно...»⁵.

Далее первое десятилетие XIX в. – эпоха Румянцева государственного деятеля: он – министр коммерции, затем иностранных дел, канцлер, человек, сыгравший огромную роль в развитии русской промышленности и торговли тех лет. Наконец, последняя, лучше всего изученная роль Румянцева, проявившаяся в полной мере уже после войны 1812 г., – это меценат, коллекционер, собиратель древностей, вдохновитель и издатель научных трудов.

² Письмо Н. П. Румянцева П. В. Завадовскому (1779 г.) // *Русский архив*. 1864. Стлб. 1264.

³ Цит. по: Корш Е. Ф. Опыт нравственной характеристики Румянцева // *Сборник материалов для истории Румянцевского музея*. Вып. 1. М., 1882. С. 15–16.

⁴ Иконников В. С. Деятельность гр. Н. П. Румянцева // *Иконников В. С. Опыт русской историографии*. 1891. Т. 1, кн. 1. С. 139. В прилагаемом списке книг сокращено: Иконников.

⁵ Евгений (Е. А. Болховитинов). Переписка митрополита киевского Евгения с ... Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 гг. включительно): В 3 вып. Воронеж, 1868–1870. С. 46.

Разные эпохи, разные ипостаси образа Румянцева изучены неравномерно. К сожалению, при всем обилии, разнообразии и научной значимости посвященных Н. П. Румянцеву исследований, о нем еще не написана работа, сопоставимая с классической статьей Л. В. Крестовой о его брате «С. П. Румянцева – писателя и публициста (1755–1838)»⁶. Из статьи встает яркий живой образ незаурядного человека, видны его вкусы и пристрастия, его амбиции, его идеология, описано творчество, можно понять, «что он читал перед сном». А что читал канцлер, владелец несметных книжных сокровищ...

Видимо, плоды деятельности Румянцева были столь масштабны, что отчасти заслонили его личность. Впервые это было осознано уже во второй половине XIX в. Е. Ф. Коршем, статья которого «Опыт нравственной характеристики Румянцева»⁷ выделяется среди многочисленной и крайне интересной литературы о Румянцеве четким пониманием данной проблемы и стремлением восполнить имеющийся пробел, уделяя, однако, внимание в первую очередь влиянию личности Румянцева на его политическую деятельность.

Определенная неразработанность представлений о личности Румянцева привела, например, к тому, что в ряде самых авторитетных работ с легкой руки В. С. Иконникова его зачисляют в члены литературного общества «Арзамас» – и это не рассматривается как предмет для дальнейшего изучения.

Таким образом, задача изучения вкусов Румянцева, его личных и литературных связей (помимо румянцевского кружка) достаточно актуальна. Одним из источников получения информации являются книги: во-первых, книги с печатными посвящениями Румянцеву и, во-вторых, книги с дарственными надписями из его личной библиотеки, ныне хранящиеся в Российской государственной библиотеке.

Благодаря подготовке «Сводного каталога русской книги 1801–1825 гг.», впервые формируется полный список книг с посвящениями, тем самым открывается возможность комплексного изучения печатного посвя-

⁶ Крестова Л. В. С. П. Румянцева – писателя и публициста (1755–1838) // XVIII век. Сб. 6. М.: Л., 1964. С. 91–128.

⁷ Корш Е. Ф. Опыт нравственной характеристики Румянцева // Сборник материалов для истории Румянцевского музея. Вып. 1. М., 1882. С. 15–16.

щения. Наличие массива более чем в 5 000 электронных записей (это примерно половина книжного репертуара той эпохи) позволило получить данные о 1150 печатных посвящениях.

Среди них выявлено 33 книги, посвященные Н. П. Румянцеву, что является своеобразным рекордом (больше – только у членов правящей династии – Александру I посвящено 242 книги, императрице Марии Федоровне – 52). Румянцеву были посвящены: 1 книга XVIII века, изданная за границей, 3 книги на иностранных языках, изданные в России, остальные – русские книги первой четверти XIX в. Мы можем заметно дополнить т.н. списки румянцевских изданий, опубликованные в работах В. С. Иконникова «Деятельность гр. Н. П. Румянцева» и Н. Ф. Гарелина «Русское научное издательство в начале XIX века (Румянцовская эпоха)»⁸. Восемнадцать посвященных Румянцеву книг в этих списках отсутствуют. Некоторые из посвящений позволяют по-новому взглянуть на личные и общественные связи Румянцева.

Самое раннее, но как бы задающее тон дальнейшему, пророческое посвящение помещено в книге известного сербского историка Иоанна Раича (1726–1801) «История разных славенских народов наипаче болгар, хорватов и сербов, из тмы забвения изъятая». Книга была опубликована в Вене в 1794 г. на т.н. «славено-сербском» языке (с использованием кириллического алфавита). Венский издатель Стефан Невахович посвятил книгу Н. П. Румянцеву – «чрезвычайному посланнику и полномочному министру пребывающему во Франкфурте при Майне». Как сообщается в развернутом посвящении, написанная более 25 лет назад книга увидела свет благодаря содействию основателя знаменитой московской больницы мецената Д. М. Голицына, который «имени же своему посвятил э дозволил» и «благоволил ... взяти [издание] под благодетельное покровительство свое и попечение». В связи с его смертью (1793) издатель обращается к Румянцеву, не только как к родственнику Голицына, но как к человеку, которого «самым собою вся, яже историческая древности славянов касаются, предметом мудраго внимания же и прилежания своего почитати благоизволяющу». Итак, Румянцев в те годы уже имеет репутацию человека, изучающего «исторические древности славянов».

⁸ Иконников В. С. Ук. соч. С. 220–224; Гарелин Н. Ф. Русское научное издательство в начале XIX века (Румянцовская эпоха) // Русская книга девятнадцатого века / Под ред. В. Я. Адарюкова и А. А. Сидорова. М., 1925. С. 83–92. В прилагаемом списке книг сокращено: Гарелин.

Далее вплоть до 1813 г. Румянцев фигурирует в посвящениях прежде всего как представитель дворянского рода, сыгравшего огромную роль в русской истории, и, кроме того, как человек, которому не безразличны новинки мирового технического прогресса, важна судьба отечественной промышленности и торговли.

Н. П. Румянцеву – сыну великого полководца – посвящают биографии его отца. Это книги студента Московского университета С. Созоновича «Жизнь, характер и военные деяния... Петра Александровича Задунайского» (1803) и «Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского» (1811), посвященные Н. П. Румянцеву основателем известной книгоиздательской династии Иваном Ивановичем Заикиным. Нашло отклик в русской книге и открытие в Киеве памятника П. А. Румянцеву. Это «Ода похвальная графу Петру Александровичу Румянцову, на случай открытия монумента в память сему герою...» (1803) за подписью Е. Т-въ (Евдоким Тыртов?), которая открывается стихотворным посвящением Н. П. Румянцеву. Еще одно редкое издание на ту же тему (правда, без посвящения) – стихотворение подпоручика Гродненского отделения кадетского корпуса И. Богдавленского «Монумент Румянцову или Прохожий в Киеве» (1810). В Музее книги РГБ хранится экземпляр, принадлежавший Н. П. Румянцеву.

Научно-технические интересы Н. П. Румянцева отражены в посвящении ему книги чиновника Департамента водяных коммуникаций (Н. П. Румянцев руководил этим департаментом с 1801 по 1809 г.) Н. П. Петряева «Новейшие открытия относительно к стали, железу и чугуну» (1803), книги инженера-полковника Л. С. Вакселя «Описание чугунной железной дороги, учрежденной в графстве Суррей, в Англии, в 1802 году» (1805). В 1810 г. популярный писатель и переводчик Василий Алексеевич Левшин посвящает Н. П. Румянцеву переведенную им книгу «Полное наставление ... о строении мельниц».

Книга Рувье (Rouvier) «Mémoire sur le régime établi en Espagne dans les troupeaux de mérinos, et sur les moyens d'amélioration convenables aux provinces méridionales de la Russie» [Записки о правилах содержания, применяемых в Испании в стадах мериносов, и о возможностях их усовершенствования для южных губерний России], изданная в 1811 г. в Петербурге на французском языке, также посвящена Румянцеву как инициатору публикации и человеку, заинтересованному в развитии отечественного сельского хозяйства.

Ряд посвящений отражает взаимоотношения Румянцева и Московской Практической коммерческой академии, основанной Карлом Ивановичем Арнольдтом. Ее преподаватель, А. И. Померанцев, посвятил Румянцеву перевод книги итальянца Пьетро Верри, друга и единомышленника Ч. Беккариа «Политическая экономия, или О государственном хозяйстве» (1810). Студент Василий Иванович Козлов, сын купца, одного из учредителей Академии, в дальнейшем известный журналист, редактор «Русского инвалида», сотрудник «Северной пчелы», посвятил Румянцеву «Речь о том, для чего воздвигаются различного рода памятники великим мужам» (1808), произнесенную по случаю установления в Академии бюста Н. П. Румянцева. Связи с Академией отражены также в «Речи о любви к Отечеству, говоренной в Московской практической коммерческой академии, при публичном испытании юношества, и при постановке в сей день бюста его сиятельства ... графа ... Румянцева», произнесенной в 1808 г. самим К. И. Арнольдтом (экземпляр из собрания Румянцева ныне хранится в Музее книги РГБ), а также в речах воспитанников Академии, вошедших в книгу «Глас благодарности, коим его сиятельство ... Румянцева, при случае прибытия его сиятельства в Москву, приветствует Московская практическая коммерческая академия» (1817) (экземпляр МК РГБ подносной, принадлежавший Румянцеву).

А с 1813 г. Румянцеву начинают посвящать книги литераторы – поэты и драматурги, как правило, молодые – Валерьян Николаевич Олин, Михаил Васильевич Милонов, Александр Николаевич Грузинцев, Борис Михайлович Федоров. Они же являются авторами ряда стихотворных посвящений, своеобразного «венка Румянцеву». Отмечу, что стихотворных посвящений в русской книге тех лет не так уж много, что придает им особую ценность.

Науки любишь Ты, твоя к России ревность,
 Чтоб лучше знать Славян, в глубину смотрит древность;
 И то, что от очей сокрыто тьмой веков,
 В сияньи показать вселенной ты готов!
 Люби науки, Граф, до дней твоих заката,
 Благословит всегда потомство Мецената.

(Из посвящения А. Н. Грузинцева).

Посвящения свидетельствуют об известной широте литературных вкусов канцлера. Так, член «Беседы любителей русского слова» В. Н. Олин посвящает ему достаточно модную литературную новинку «Сражение при Лоре, эпическая поэма из Оссиана» (1813).

Стихотворное посвящение «Меценату» – Румянцеву – открывает и книгу М. В. Милонова «Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения» (1819). Ее выход был оценен современниками как событие – «стихотворцев у нас много; поэтов можно сосчитать», отмечалось в одной из рецензий⁹. В многочисленных рецензиях особо отмечался сатирический талант автора. Любопытно, что много позже, в 1849 г. книга была переиздана с заметными цензурными изъятиями¹⁰.

Обращение молодого литератора к Румянцеву не было случайным, поскольку ранее, в 1813 г., он посвятил ему отдельное издание стихотворения «На истребление наполеоновских армий в России».

Интересен текст посвящения, отчасти нарушающий каноны жанра, поскольку Милонов подчеркивает, что интерес к нему со стороны Румянцева не есть результат «искания»:

Я знатных не искал внимания к себе,
Но Ты, как Меценат, к трудам моим склонился!
Вниманием Твоим мой Гений окрылился –
Он должен славен быть, коль нравился Тебе.
В высоком сане Ты, стремясь стезею правой,
Ревнуешь в доблестях бессмертному отцу:
Я ж Задунайского во след иду певцу –
И именем твоим знакомлюся со Славой.

Н. И. Греч посвящает Румянцеву книгу «Опыт краткой истории русской литературы» (1822) – «первый в своем роде, хотя и несовершенный» (так книга была охарактеризована в «Вестнике Европы») опыт создания единой истории русской литературы от древнерусской до современной, также вызвавший оживленную полемику.

Эти посвящения приоткрывают окно в особый, пожалуй, меньше всего изученный круг связей и интересов Румянцева. Их необходимо рассматривать вкпе с дарственными надписями на книгах, подаренными Румянцеву русскими литераторами – среди них обнаруживаются имена и громкие, и незаслуженно забытые, и представляющие интерес только для специалистов.

⁹ *Сын Отечества*. 1819. Ч. 51, № 5. С. 230.

¹⁰ *Русский архив*. 1864, № 3. С. 334–344.

Среди первых даров – книга «Вера во Иисуса или Кратчайший путь к Богу» (1804), переведенная И. В. Лопухиным, подаренная им Румянцеву.

Так, Г. Р. Державин подарил Румянцеву «Оду на рождение е.и.в. великаго князя Михаила Павловича, 1798 года генваря 28 дня» (1798) и «Гимн кротости» (1801). Другие члены «Беседы любителей русского слова» тоже дарят свои произведения: И. С. Захаров дарит «Песнь победителю Наполеона Александру Первому» (1813), А. П. Бунина – «Песнь Александру Великому, победителю Наполеона» (1814) и «Собрание стихотворений» (1819). Победой в войне 1812 г. вдохновлено и посвященное Румянцеву стихотворение менее известного автора, Петра Павловича Лобысевича, коллежского советника Черниговского суда – «Песнь верных россов во ополчение дружины на врагов Отечества» (1812). Перечисленные посвящения важны для правильного понимания проблемы отношения Румянцева к Франции или Наполеону. Они показывают, что русское общественное мнение той эпохи знало цену подлинному патриотизму графа и абсолютно правильно оценивало и его предвоенный пацифизм и пресловутое «галлофильство».

В. А. Жуковский дарит Румянцеву отдельное издание стихотворения «На кончину ее величества королевы Виртембергской [великой княжны Екатерины Павловны]» (1819).

Ф. В. Булгарин подносит Румянцеву изданные им «Избранные оды Горация» (1821).

А. Х. Востоков, тогда еще не член румянцевского кружка, дарит ему свой «Опыт о русском стихосложении» (1817) – книгу, до сих пор входящую в университетские курсы истории русского стиха.

Среди перечисленных обращает на себя внимание большое число книг не бесспорных, но ярких, вызвавших полемику в момент выхода, удостоившихся внимания не только современников, но и потомков.

И еще о литературных и личных пристрастиях Румянцева – в той мере, в какой о них позволяет говорить материал его библиотеки. 1813–1820 гг. – время острейшей литературной борьбы. Румянцев, человек, вкусы которого так или иначе сформировались еще в XVIII в., вполне мог быть втянут в сложные взаимоотношения литературных группировок, нередко переходившие на личности. Однако этого не произошло. Совершенно очевидно, что Румянцев пользуется вниманием и уважением как членов «Беседы любителей русского слова», так и «Арзамаса».

Последнее обстоятельство необходимо еще раз соотнести с письмом Н. М. Карамзина жене от 22 февраля 1816 г., на основании которого в ряде

самых авторитетных исследований сообщалось о принадлежности братьев Румянцевых к «Арзамасу»¹¹. Карамзин, посетивший в 1816 г. Петербург и крайне восторженно там принятый, пишет жене: «Ты, милая, хочешь знать, кто со мною всех сердечнее, ласковее: добрая хозяйка, Малиновские, Арзамасское общество наших молодых литераторов, Румянцевы, Огаревы, Оленины, Полторацкие...»¹².

С. П. Румянцев по своим литературным вкусам, видимо, действительно, тяготел к «Арзамасу», личные же и литературные пристрастия Н. П. Румянцева явно не ограничивались какой-либо одной, пусть даже такой почтенной, как «Беседа любителей русского слова», или такой яркой, как «Арзамас», литературной группой.

Мало того, Ф. И. Вигель вспоминал, что И. И. Дмитриев после назначения министром юстиции прибыл в Петербург не один, «привел с собою немногочисленную избранную дружину. Его сопровождали три юноши: Милонов, Грамматин и Дашков... Огромный талант Милонова можно сравнить с прекрасною зарею никогда не поднявшегося дня»¹³. И далее Вигель вспоминает, как Д. И. Языков «из остатков» (т.е. литераторов, не вошедших ни в «Арзамас», ни в «Беседу») создал Общество любителей наук, словесности и художеств и «выпросил одну из зал опустевшего Михайловского замка для заседаний». Членами Общества были Дашков, Милонов, Грамматин, Измайлов, Востоков¹⁴.

В этих перечнях имена не самые яркие, но интересно другое – это литераторы, если и тяготевшие к тому или иному литературному направлению, но не заангажированные. И именно они связаны с Румянцевым, возможно, при посредничестве И. И. Дмитриева, – точно известно, что он покровительствовал Милонову.

По свидетельству племянника И. И. Дмитриева М. А. Дмитриева: «Это было в 1813 году, когда мой дядя, будучи еще министром, приезжал на время в Москву, и мы жили на Маросейке, в доме канцлера графа Румянцева. К дяде моему съезжались по вечерам. Тут я видел брата канцлера, графа Сер-

¹¹ Иконников В. С. Ук. соч. С. 142; РБС. Ук. соч. С. 591.

¹² Карамзин Н. М. Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862. Ч. 1. С. 153.

¹³ Цит. по: «Арзамас»: Сб. в 2-х кн. М., 1994. Кн. 1. С. 61.

¹⁴ Там же. Кн. 1. С. 64–65.

гея Петровича, графа Ростопчина и других»¹⁵. В письме от 3 октября 1814 г. И. И. Дмитриев благодарил Румянцева за оказанное ему после драматических событий 1812 г. гостеприимство: «... бывший поэт и министр, возвращаясь на родное свое пепелище, обязан был в старости лет своих первым пристанищем и первым успокоением единственно вашему гостеприимству. Надеюсь, однако, что и мой домик скоро поспеет»¹⁶. Итак, связи между Румянцевым и И. И. Дмитриевым были самыми тесными.

Плохо скрытая неприязнь, с которой И. И. Дмитриев в дальнейшем иногда отзывался о Румянцеве, доходившая до насмешек над его глухотой, — предмет особого разговора. Возможно, Дмитриев невольно перенес на Н. П. Румянцева отношение к его брату Сергею (взаимоотношения С. П. Румянцева и И. И. Дмитриева были крайне сложными)¹⁷. «Я с удовольствием вижусь с Румянцевыми. Канцлера обступили наши антиквари и букинисты: сносят к нему кучами все старопечатное и манускрипты»¹⁸, — так пишет И. И. Дмитриев о создании подлинно великой книжной коллекции (письмо от 1818 г.).

Разумеется, сведения о контактах графа с поэтами, писателями, переводчиками этим материалом далеко не исчерпываются. Их необходимо собирать и далее. Что-то лежит на поверхности, например, крайне теплые, взаимно уважительные отношения Румянцева и Карамзина, что-то требует сложных, на перспективу архивных разысканий.

Нельзя не упомянуть об отношениях Румянцева с Александром Ивановичем Тургеневым (1784–1845). Тургенев неоднократно, хотя и бегло, упоминает об обедах у Н. П. Румянцева. Кстати, на этих обедах побывали и В. А. Жуковский, и Д. Н. Блудов. А вот что пишет Румянцев Тургеневу из Гомеля в 1815 г.: «Мне в Гомеле жить хорошо, но сожалею, что он меня с вами разлучил; я привык к беседе вашей и находил в ней обхождение приятное при многом просвещении»¹⁹. Напомню и стихотворение Тургенева «К портрету канцлера», может быть, лучшее из посвященных Румянцеву:

¹⁵ Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти // М. А. Дмитриев. Московские эзегии. М., 1985. С. 206.

¹⁶ Русская старина. 1901, № 3. С. 122.

¹⁷ Крестова Л. В. Ук. соч. С. 126.

¹⁸ Русский архив. 1867. Стлб. 1125.

¹⁹ Русский архив. 1866. Стлб. 653–654.

Как он счастлив! Для славы только дышит,
Рукою щедрою льет музам серебро;
Лишь мыслит о добре, лишь делает добро,
И наши глупости хоть видит, да не слышит²⁰.

Конечно, исследуя этот круг знакомств Румянцева, нельзя забывать и о том, что некоторые из упомянутых литераторов вполне могли иметь определенный расчет на его щедрость или покровительство. Разумеется, если в списке подписчиков на «Стихотворения» А. П. Буниной обнаруживаем Румянцева, подписавшегося на 5 экземпляров, речь идет о меценатстве. Однако среди перечисленных литераторов много людей не бедных.

Трудно сказать, какие из посвященных ему книг искренне заинтересовали Румянцева, а какие были приняты из вежливости. Но напомним высказывание П. А. Плетнева: «Если только чье-нибудь помышление клонилось на путь народной славы, никого не отчуждал граф Н. П. Румянцев ... от своей поучительной беседы и благородного вспомоществования, был ли то историк, или мореход, поэт или антикварий, географ или художник, грамматик или законовед. Он обратил дом свой в храм общественных муз»²¹. Итак, по свидетельству современника, канцлера мог заинтересовать только поэт, вставший на путь «народной славы».

Таким образом обозначается проблема – Румянцев и литературная жизнь 20-х годов XIX в. Мне кажется, в этом направлении следует работать дальше. Любопытно, что сразу после 1820 г. и посвящения и подношения литераторов в книгах почти не выявляются. Фактически, подношение и посвящение Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча 1821 и 1822 годов замыкают литературный цикл. Очевидно, в начале 20-х годов Румянцев полностью предается научной и издательской деятельности. Соответственно, идет на спад взаимный интерес его и современных литераторов.

Начиная с 1816 г. фиксируются, а в 20-е годы самыми многочисленными становятся посвящения Румянцеву как ученому и покровителю наук. Они же лучше всего изучены, поскольку, как правило, сопровождают либо издания членов Румянцевского кружка, либо книги, изданные на его счет и по его инициативе. Ему посвящают и фундаментальные исследования исторического, этнографического, краеведческого, лингвистического характера, и публикации рукописных источников, и описания экспедиций. Появление

²⁰ *Русский архив. 1866. Стлб. 653–654.*

²¹ *РБС. Ук. соч. С. 519–520.*

большинства этих изданий было оценено современниками как событие; многие из них не утратили своего научного значения и поныне. Многим книгам посвящена обширная литература, что позволяет дать лишь краткий перечень самых ярких посвящений. Так, О. Е. Коцебу посвящает свою книгу «Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением ... Румянцева» (1821–1823) «великодушному виновнику сего путешествия».

Член румянцевского кружка В. Н. Берх посвятил Румянцеву публикацию «Древние государственные грамоты... собранные в Пермской губернии» (1821), сын священника археолог И. Григорович, познакомившийся с графом в Гомеле и получивший, благодаря его покровительству, образование, посвящает ему две книги: «Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских» (1821) и «Белорусский архив древних грамот» (1824). Первая из этих книг, подготовленная при прямом участии Румянцева и изданная без указания фамилии автора, была в рецензиях принята за труд К. Ф. Калайдовича, который занимался подготовкой рукописи к печати. Калайдовичу пришлось дать в периодике соответствующее пояснение.

Румянцеву посвящено прозаическое переложение знаменитого древнерусского памятника – «Слово о полку Игоря Святославича», опубликованное в 1819 г. Я. О. Пожарским. Обширные примечания были посвящены разбору ошибок и неточностей в переводах и комментариях предшественников. За свой труд Пожарский удостоился звания действительного члена Петербургского Вольного общества любителей российской словесности. В 20-е годы Пожарский служил в Главном суде г. Могилева, там же жил по выходе в отставку. Так посвящения конкретизируют белорусские связи Румянцева.

Среди авторов посвящений находим имя известного историка и архивиста И. М. Снегирева, в молодости переведшего книгу немецкого ученого Г. Ф. Холльмана «Русстрингия, первоначальное отечество ... князя Рюрика» (1819). Толчком к ее написанию, как сообщается в посвящении, послужила гипотеза Румянцева о происхождении варягорусов: «Одна мысль, одно мнение знаменитого сына России, великого покровителя наук, подает ученым иноземцам повод к важнейшим исследованиям...», – с гордостью отмечает переводчик.

А. Ф. Рихтер, некоторое время исполнявший обязанности личного секретаря графа, посвящает ему свое исследование «Старая и Новая Ладога»

(1821); сын финского сапожника А. М. Шегрен, благодаря покровительству Румянцева, не только издает в Петербурге свою признанную позднее классической работу «Ueber die finnische Sprache und ihre Literatur» («О финском языке и литературе») (1821), но и получает возможность продолжить свои научные разыскания (в частности, Румянцев открывает ему доступ в свою библиотеку).

Профессор Казанского университета академик Х. Д. Френ в 1816 г. сопровождал Румянцева к развалинам древней столицы булгар, что послужило стимулом для появления ряда его работ, посвященных восточным сказаниям о России²². С посвящением Румянцеву на титульном листе вышла книга ориенталиста Й. Хаммера [О происхождении русских] (Hammer, J. Sur les origines Russes. Extraits de manuscrits orientaux adressés à mr le comte N. de Romanzoff, chancelier de l'empire de Russie dans une suite de lettres depuis l'an 1816 jusqu'à l'an 1825., St. Petersburg, 1827), подготовку которой к печати «благоволил поручить» Френу Румянцев. Френ, скрупулезно воспроизведший рукопись, в предисловии, однако, отметил, что у него имеются серьезные разногласия с автором, а ряд моментов «требует и заслуживает разъяснений и развития». Работы Френа, посвященные той же тематике, выгодно отличались от «фантастических рассуждений», переполнявших книгу Хаммера²³. Книга Хаммера увидела свет в 1827 г., уже после смерти адресата посвящения.

Необходимо сказать несколько слов и о книгах с дарственными надписями ученых и путешественников. На настоящий момент в фонде редких книг (Музея книги) РГБ выявлены многие крайне интересные издания, подаренные Румянцеву авторами, переводчиками, составителями, издателями. Среди них обнаруживаем прежде всего издания по истории. Это книга Н. Н. Бантыша-Каменского «Историческое известие о возникшей в Польше униии» (1805). А. Н. Оленин дарит Румянцеву экземпляры двух своих книг – в 1807 г. «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне тмуараканском найденном на острове Тамане, в 1792 году» (СПб., 1806), а значительно позже «Краткое описание египетской купчей крепости» (1822). А. И. Мусин-Пушкин подарил Румянцеву свою книгу «Историческое замечание о начале и местоположении древняго российского так называемого холопяя города» (1810). В книге излагалась легенда о т.н. холопьем городе,

²² РБС. Т. Фабер–Цявловский. С. 227–228.

²³ Там же. С. 228.

который, по мнению Мусина-Пушкина, находился на территории его молодого, ныне затопленного имения – к книге прилагалась подробная карта. Любопытно, что книга является крайне редкой, поскольку большая часть ее тиража погибла в московском пожаре 1812 г. Знаменитый историк Сибири Г. И. Спасский подарил Румянцеву подготовленную им публикацию текста Ю. Крижанича (1617–1683) «Повествование о Сибири» (1822).

Среди дарителей, разумеется, находим имена великих русских путешественников. И. Ф. Крузенштерн дарит Румянцеву экземпляр своего «Атласа к путешествию вокруг света» – этот шедевр русской полиграфии содержал гравюры, изготовленные по рисункам участников экспедиции лучшими русскими книжными граверами. В полном соответствии с традициями XVIII века, «Атлас» содержал не только карты, но и виды посещенных автором мест – в т.ч. закрытой тогда для европейцев Японии. Сам Крузенштерн писал: «Как бы ни была принята ученая, особливо географическая часть сего путешествия, но в художественном отношении всегда будет иметь цену богатым и любопытным Атласом, приложенным к оному»²⁴.

В. М. Головнин подарил Румянцеву не только свои поразительные «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев» (1816), но и свой перевод книги англичанина А. Дункена «Описание достопримечательных кораблекрушений» (1822).

Итак, Румянцев, очевидец и активный участник нескольких эпох русской истории, не только много сделал, много вложил в русскую культуру, но и много получил от своих современников, о чем свидетельствуют, в частности, лучшие русские книги, посвященные и подаренные ему их авторами, переводчиками, издателями. Его жизнь, его личность, его библиотека так же неисчерпаемы, как и его деяния, достойны не менее пристального внимания.

Список книг с печатными посвящениями Н. П. Румянцеву (в хронологии)

Раич, Иоанн (1726–1801). История разных славенских народов наипаче болгар, хорватов и сербов, из тмы забвения изытая и во свет исторический произведенная Иоанном Раичем архимандритом в свято архангелском монастыре Ковили. – В Виенне: При б.г. Стефане Новаховиче, в славско-сербской, валахской и восточных языков привилег. типографии, 1794. Ч. 1–4.

²⁴ Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах. Санктпетербург: В Морской типографии, 1808–1812. Ч. 1. С. IV.

Самая ранняя из выявленных книг с посвящениями Н. П. Румянцеву. В книге имеется портрет. И. Раича.

В 1795 г. части 1–2 были переизданы в типографии Корпуса Чужестранных единоверцев (Петербург); в 1823 г. книга переиздана также в «Будингом граде, в типографии Кралевского университета Угнарского» (оба переиздания вышли без посвящения).

Гарелин, с. 92.

Катто-Кальвиль, Ж. П. Г. (1759–1819). Всеобщее Швеции изображение с французского языка П[етром] Л[итвиновым]. – В Санктпетербурге: Печатано в Императорской типографии, 1797. [3], 1–368, 367–390 с.

Посвящение (без подписи): Его сиятельству двора его имп. Величества обер-гофмейстеру, государственного заемного банка главному директору и разных орденов кавалеру графу Николаю Петровичу Румянцову.

Из текста: Одобрение особ, знаниями и вкусом наполненных нужно для поощрения людей в науках упражняющихся; известные свету дарования вашего сиятельства утверждают сделанный мною для поднесения слабого труда сей выбор. В дружбе Вашей надеюсь найти то снисхождение, которое здесь необходимо. Примите сие яко знак чистой жертвы благодарности вдохновенной от пребывающего навсегда Вашего сиятельства милостивого государя! Всепокорнейший слуга.

Дьяконов, Илья. Свободныя чувствования моего сердца. – В Санктпетербурге: В типографии Вилькосового). 1802. [6]. 174 с.

Сборник рассуждений на темы «нравственной философии» – о роли и месте философии в жизни, содержит также эссе «зависть», «богатство», «ласкательство», «отчаяние», «бедность» и т.д.

Посвящен «его сиятельству действительному тайному советнику, сенатору, государственного совета члену, коммерц-коллегии министру, департамента водяных коммуникаций, и экспедиции о устройении дорог, главному директору и разных орденов кавалеру Николаю Румянцеву».

Из текста посвящения: «Согласуясь с признательностью общею, посвящаю искренно труд мой Имяни Вашему, которой более усовершенствуется отеческим воззрением, а там возродит во мне новые силы к дальнейшему подвигу по мере знаний, да и соотечественники *охотнее* удовлетворят себя чтением, видя Вашу таковую благосклонность.

Всенижайший и всепокорнейший слуга».

Петряев, Николай Сплыч (1762–1818). Новейшие открытия относительно к стали, железу и чугуну, собираемая капитаном Петряевым экспедитором по ученой части в Департаменте водяных коммуникаций. – В Санктпетербурге: Печатано в типографии Шнора, 1803. XV, [2]. 200 с., 7 л. черт.

Посвящение автора Н. П. Румянцеву «с чувствованием искренней благодарности и высокопочитания».

Гарелин, с. 91.

Созонович, Семен Иванович. Жизнь, характер и военные деяния генерал-фельдмаршала графа Петра Александровича Задунайского. – Москва: В типографии Платона Бекетова, 1803. Ч. 1–4.

Посвящение Н. П. Румянцеву студента Императорского Московского университета Семена Созоновича «с глубочайшим высокопочтением и преданностию».

Портрет П. А. Румянцева.

Т[ырто]-въ, Е. Ода похвальная графу Петру Александровичу Румянцову, на случай открытия монумента в память сему герою воздвигнутого в Киеве достойным сыном его, графом Николаем Петровичем Румянцевым. – Москва: В вольной типографии Гария и Компании, 1803. 12 с.

Стихотворное посвящение Н. П. Румянцеву:

Се Слава от небес гремит о том трубою, / Что Ты, почтенный сын, воздвиг отцу-Герою / Усердья своего, его безсмертья знак! – / Явился в новой славе свету / Любезный для сердец, для злобы грозный зрак / Героя, что Луну и в страх привел Ормету, / Побед его над ним, гром браней загремел, – / Вещай хранящему любовь к Тебе поэту; / На сей ли раз молчать? – как можно! – Он запел.

Ваксель, Лев Савельевич (ок. 1776–1816). Описание чугунной железной дороги, учрежденной в графстве Суррей, в Англии, в 1802 году. – В Санктпетербурге: В Медицинской типографии, 1805. 25 [1] с., [1] л. черт.

Посвящение автора Н. П. Румянцеву «с глубочайшим почтением всеусерднейше».

Л. С. Ваксель – инженер-полковник, служил при правлении путей сообщения в черноморской комиссии (1797). В начале XIX в. совершил путешествие в Англию, занимался гидравлическими работами. Автор трудов по механике и археологии. Член-корреспондент Императорской Академии наук.

Гарелин, с. 91–92.

Козлов, Василий Иванович (1792–1825). Речь о том, для чего воздвигаются различного рода памятники великим мужам, говоренная в Московской практической коммерческой академии, при публичном испытании юношества, и при поставлении в сей день бюста его сиятельства, г-на министра иностранных дел и комерции, и разных орденов кавалера, графа Николая Петровича Румянцова. / Сочинена оной же Академии 1-го класса учеником Василием Козловым. Июня 24-го дня, 1808 года. – Москва: В Университетской тип., 1808. [4] 8 с.

Посвящение автора Н. П. Румянцеву.

Из текста посвящения: «Желая изъявить пред вами особенным образом чувства моей признательности, каковыми не менее исполнены сердца и всех прочих воспитанников Коммерческой Академии, толико Вами покровительствуемой, осмеливаюсь посвятить Вашему Сиятельству сей опыт трудов моих. Примите, Великий Муж! сии слабые строки... ».

В. И. Козлов – студент Академии, сын одного из ее учредителей, купца И. К. Козлова, завершил образование в Московском университете В дальнейшем – известный журналист (редактор «Русского инвалида», сотрудник «Северной пчелы»).

Верри, Пьетро (Verry, Pietro; 1728–1797). Политическая экономия, или О государственном хозяйстве. Творение графа де Верри, члена Булонского ученаго общества. Переведено с французскаго, а на французский с итальянскаго, с седьмого издания. – Санктпетербург: В Морской типографии, 1810. [4], 356, [4] с.

Книга друга и единомышленника Ч. Беккариа, брата поэта-энциклопедиста Александра Верри (1741–1816).

Посвящение переводчика А. И. Померанцева Н. П. Румянцеву (без текста).

Алексей Иванович Померанцев из духовного звания, учился в Славяно-Греко-Латинской академии, там же преподавал, затем преподавал в Практической Коммерческой академии К. И. Арнольда. С 1812 г. – секретарь Общества любителей коммерческих знаний при Академии, а с 1816 – самой Академии.

Полное наставление на гидростатических правилах основанное, о строении мельниц каждого рода водяных, также ветром, горячими парами, скотскими и человеческими силами в действие приводимых, ... / Переведено с немецкаго языка, с приложением особливаго прибавления о разных

новых изобретениях и прочем полезном в хозяйстве Василием Левшиным. – Москва: В Университетской типографии, 1810–1811. Ч. 1–6.

Перевод В. А. Левшина открывается посвящением Н. П. Румянцеву: в конце ч. 2 (с. 227) Левшин поместил также приложение «Врач деревенский, или Благонадежное средство лечить самому себя», посвященное Вольному Экономическому Обществу, членом которого он являлся (без текста).

Из посвящения Н. П. Румянцеву: «Каждый, Отечеству своему преданный, с благоговением чувствует те подвиги, которые ко благу его Вы, сиятельный граф! подымлете, чувствует с благодарностию попечение Ваше, с каковым о пользах его рачите, и с каким отечестволюбием председательствуете в Государственном Совете; по сему мог ли и я, человек, милостями Вашими взысканный, остаться хладнокровным при сем всеобщем чувствовании? Усердие мое, благодарность, пламенеющее признание давно искали жертвы, каковую мог бы я принести моему покровителю, и вообще Меценату всех для пользы государственной по силам своим трудящихся. Сия книга, которую с благоговением осмеливаюсь посвятить высокому Вашему, сиятельный граф! имени, показалась мне стоящею того, чтоб быть оным украшенною... ».

Василий Алексеевич Левшин (1746–1826) – популярный писатель, драматург, а также автор и переводчик многочисленных трудов по самым разнообразным отраслям знаний.

Гарелин, с. 92.

Анекдоты, объясняющие дух фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. – В Санктпетербурге: Печатано в типографии Шнора, 1811. [12], 12, [1] с., [1] л. портр.

Посвящение издателя Ивана Ивановича Заикина (?–1834) Н. П. Румянцеву (без текста).

Рувье (Rouvier). Mémoire sur le régime établi en Espagne dans les troupeaux de mérinos, et sur les moyens d'amélioration convenables aux provinces méridionales de la Russie – St. Petersburg: Imprimé chez Alexandre Plachart et comp., 1811. [4], 87, [1] с. [Записки о правилах содержания, применяемых в Испании в стадах мериносов, и о возможностях усовершенствования подходящих для южных губерний России].

Текст посвящения автора (в переводе с французского): «Господин граф!

Склонность Вашего превосходительства к сельскому хозяйству подала мне мысль представить Вам эти записки. Удостоив их возможности быть напечатанными и обнародованными по Вашей инициативе, Вы соблаговолили, господин граф, дать доказательства покровительства, которым Ваше превосходительство оказывает честь и произведению и автору. С глубоким почтением, господин граф, покорнейший слуга Вашего превосходительства Рувье».

Милонов, Михаил Васильевич (1792–1821). На истребление наполеоновых армий в России. – Санктпетербург: В типографии Ивана Глазунова, 1813. 9, [1] с.

Посвящение автора Н. П. Румянцеву (без текста).

М. В. Милонов – воспитанник Московского благородного университетского пансиона, затем служил в министерстве юстиции, где ему оказывал покровительство поэт И. И. Дмитриев, тогдашний министр юстиции.

Экземпляр из личной библиотеки Н. П. Румянцева.

Олин, Валерьян Николаевич (ок. 1788–1840-е). Сражение при Лоре, эпическая поэма из Оссиана. – Санктпетербург: В Морской типографии, 1813. [16], 18,[2] с.

Текст посвящения автора Н. П. Румянцеву: «Лестное внимание, кое ваше сиятельство обращать изволите на отечественную словесность, дает мне смелость посвятить знаменитому имени Вашему первую песнь сей поэмы».

В. Н. Олин – плодовитый, но не особенно талантливый писатель и издатель первой половины XIX в., получил домашнее образование, сочетал литературные занятия со службой, места которой неоднократно менял. В момент выхода книги – 1812–1813 гг. – служил в Департаменте народного просвещения, в дальнейшем в Особой канцелярии Министерства полиции.

Грузинцев, Александр Николаевич (ок. 1779 – не позднее 1821 г.). Ираклиды, или Спасенные Афины. Трагедия в пяти действиях, в стихах. – Санктпетербург: В типографии Императорского театра, 1815. [8], 48 с.

А. Н. Грузинцев – поэт, переводчик и драматург; из «грузинских дворян», сын помещика Саратовской губернии, начал службу в лейб-гвардии Преображенском полку, затем в статской службе. В 1810 г. служил в Дирекции императорских зрелищ и музыки.

Стихотворное посвящение автора Н. П. Румянцеву:

«Среди твоих трудов отечеству полезных, / Румянцов, часто ты отдохновенья в час / Склоняясь под сень России муз любезных, / Внимаешь и моей усердной музыки глас. / Прими сей слабый труд, где имя Ираклида / Напоминает нам Российского Алкида, / Что к пагубе врагов, ко славе наших стран, / В единый день решил судьбину Оттомман; / Всем памятен Кагул, с восторгом воспеваем / Безсмертье нашего Алкида за Дунаем; / Под звуками побед внимал он песням муз, / И тесный сам имел с науками союз. / Науки любишь Ты, твоя к России ревность, / Чтоб лучше знать Славян, в глубину смотрит древность; / И то, что от очей сокрыто тмой веков, / В сияньи показать вселенной ты готов! / Люби науки, Граф, до дней твоих заката, / Благословит всегда потомство Мецената».

Опубликовано также И. Андреевским по рукописи, «случайно попавшейся ему между бумагами гр. Румянцева» в журнале «Русская старина». – 1878. Т. 23. С. 134 (без указания имени автора).

Грессе, Жан Батист Луи (Gresset, Jean Baptiste Louis; 1709–1777). Гресета Разсуждение о гармонии. Перевод с французского Павла Дьякова. – В Санктпетербурге: В типографии Департамента внешней торговли, 1816. [6], 76, [2] с.

Анонимное посвящение Н. П. Румянцеву от издателя (без текста).

Соболев, Александр. Любовь и дружба. Комедия в одном действии в стихах. – Санктпетербург: В типографии В. Плавильщикова, 1816. [4], 26 с.
Посвящение автора Н. П. Румянцеву (без текста).

Шахан де Сирбье, И. (Chahan de Cirbied, J.). Любопытныя извлечения из древней истории о Азии, почерпнутые из восточных рукописей, хранящихся в Парижской библиотеке и в иных источниках И. М. Шаганом Чирбетом, армянином, находящимся при особливом училище, при той Библиотеке учрежденном для восточных языков, ныне употребляемых, и Ф. Мартином, французом, ученым в армянской словесности. Изданныя в Париже на французском языке в 1808 году, а ныне здесь переведенные Александром Худобашевым – Санктпетербург: В типографии К. Крайа, 1816. [6], XXII, [4], 376 с.

Развернутое посвящение переводчика – А. М. Худобашева – Н. П. Румянцеву, который «милостивым одобрением намерениям» переводчика способствовал появлению перевода.

Худобашев, Александр Макарович – специалист по истории языков, прежде всего армянского.

Грузинцев, Александр Николаевич (ок. 1779 – не позднее 1821 г.). Петриада: Поэма эпическая перетворенная, / Сочинения Александра Грузинцова. Изд. 2-е. – Санктпетербург: В типографии Императорского театра, 1817. [6], 200, [6] с.

Посвящение автора Н. П. Румянцеву, «любителю наук и покровителю отечественной истории».

Гарелин, с. 92.

Федоров, Борис Михайлович (1794–1875). Наказанная ханжа или Урок каждому в очередь: Оригинальная комедия в двух действиях в стихах. Сочин. Б. Федорова. – Санктпетербург: В Типографии Императорского театра, 1817. 95, [1] с.

Стихотворное посвящение Н. П. Румянцеву в «дань глубочайшей преданности и высокопочитания».

Текст посвящения: «Покровом будь моим, почтенный Муз Предстатель! / Какой лестнее мне венец:?! Матвеев – Предок твой, Румянцев – Твой отец, / Наследник славы их – Ты дел их подражатель! / Тебе мой посвящаю труд; / Тобою ободренный – Я с жертвой новою войду в храм муз священный, / Зоилов презря суд».

Б. М. Федоров – стихотворец, драматург и журналист, детский писатель. Служил в Министерстве духовных дел и народного просвещения, был театральным цензором при министерстве Двора, затем в Эрмитаже (хранитель).

Григорий Второй (1241–1290). Жизнеописание святейшаго и блаженнейшаго Григория Кипрского, Константинопольского патриарха. – Москва: В типографии Решетникова, 1819. 16 с.

Имеются два варианта посвящения переводчика Григория Якшича, поэта начала XIX в., автора стихов на случай, – «высокому покровителю наук» Н. П. Румянцеву (экземпляр РГАДА) и известному греку-меценату З. П. Зосиме (экземпляр ГПИБ).

Милонов, Михаил Васильевич (1792–1821). Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения Михайла Милонова, члена С. Петербургского вольного общества словесности, наук и художеств. – В Санктпетербурге: В типографии Ив. Глазунова, 1819. [8], V, [1], 238 с.

Стихотворное посвящение автора Н. П. Румянцеву «господину государственному канцлеру, знаменитому любителю и покровителю наук и словесности усерднейшее приношение».

Текст посвящения: «Я знатных не искал внимания к себе, / Но Ты, как Меценат, к трудам моим склонился! / Вниманием Твоим мой Гений открылся – / Он должен славен быть, коль нравился Тебе. / В высоком сане Ты, стремясь стезею правой, / Ревнуешь в доблестях безсмертному отцу: / Я ж Задунайского во след иду певцу – / И именем твоим знакомясь со Славой.

Выход книги был расценен современниками как событие (развернутые рецензии, опубликованные в таких авторитетных журналах как «Благонамеренный» и «Сын Отечества», отмечали «истинный стихотворный талант» Милонова, «дар живописи, остроту, игривость и легкость», а также присущий ему особый талант сатирика; в 1822 г., уже после безвременной смерти поэта, в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» была помещена статья П. А. Плетнева, дававшая высокую оценку творчеству Милонова; в 1849 г. сборник был переиздан (с заметными цензурными изъятиями).

Имеется гравированный титульный лист.

Слово о полку Игоря Святославича, удельного князя Новагорода – Северскаго, / Вновь переложенное Яковом Пожарским, : С присовокуплением примечаний. – Санктпетербург: В типографии Департамента народного просвещения, 1819.

Посвящение Я. О. Пожарского Н. П. Румянцеву (без текста).

Яков Осипович Пожарский – писатель и переводчик, в 1806 г. – учитель уездного и приходского училища при С. Петербургской губернской гимназии. За свое переложение «Слова» был избран действительным членом Петербургского Вольного общества любителей российской словесности. В 1820–1822 гг. – советник первого департамента главного суда в Могилеве, по выходе в отставку также жил в Могилеве.

В предисловии выражается неудовлетворение имеющимися переложениями и примечаниями.

Гарелин, с. 85, № 14.

Холльман, Герман Фридрих. Руstringия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. Исторический опыт Герм. Фрид. Голлманна, ректора и профессора провинциальной в Евере школы и консисторского советника. – Москва: В типографии С. Селивановского, 1819. [2], 61, [1] с.

В предисловии автор сообщает, что толчком к его исследованию послужила гипотеза Н. П. Румянцева о происхождении варягороссов.

Посвящение переводчика – Ивана Михайловича Снегирева – Н. П. Румянцеву.

Из текста посвящения: «С восхищением сердца, любящего отечество, увидел я, что одна мысль, одно мнение знаменитого сына России, великого покровителя наук подает ученым иноземцам повод к важнейшим исследованиям. Рассуждение сие ... обязано Вам, Сиятельнейший Граф, происхождением своим...».

И. М. Снегирев (1792–1868) – профессор Московского университета, известный историк и археолог.

Гарелин, с. 85, № 11. Иконников, 8.

Григорович, Иоанн Иоаннович (1792–1825). Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. – Москва: В типографии Семена Селивановского, 1821. [2], X, 310 с.

С дополнениями К. Ф. Калайдовича.

В рецензиях книга приписывалась К. Ф. Калайдовичу, которому пришлось выступить с опровержением, отметив, что настоящий автор, работавший в Гомеле под руководством Н. П. Румянцева, скрыл свое имя из скромности.

Посвящение Н. П. Румянцеву как «любителю и покровителю науки» (без текста).

И. И. Григорович, сын гомельского священника, получивший образование в Могилевской семинарии на счет Н. П. Румянцева, в дальнейшем священник в Гомеле, известный археолог, член археографической комиссии.

Имеется гравированный титульный лист с изображением герба Румянцева.

Гарелин с. 86, № 22. Иконников, 12.

Древняя государственная грамоты, наказная памяти и челобитная. / Собранные в Пермской губернии. – Санктпетербург: В типографии Н. Греча, 1821. [6], IV, [4], 125, [1] с.

Посвящение составителя В. Н. Берха Н. П. Румянцеву за подписью «издатель».

Книга издана на счет Румянцева «в пользу В. Н. Берха».

Василий Николаевич Берх (1781–1834) – член Румянцевского кружка, историк русского флота, получил материалы для книги из архивов г. Соликамска и Верхотурья, а также от И. Н. Дубровина, И. Е. Решетникова, И. А. Моркова, И. С. Лапина.

Гарелин, с. 88, № 26. Иконников, 14.

Коцебу, Отто Евстафьевич (1778–1845). Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания Северо-Восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением ... Румянцева. – Санктпетербург: В типографии Ник. Греча, 1821–1823. Ч. 1–2.

Посвящение автора, знаменитого путешественника, совершившего одно из первых русских кругосветных путешествий, Н. П. Румянцеву, профинансировавшему экспедицию – «великодушному виновнику сего путешествия».

Гарелин, с. 88, №24. Иконников, 15.

Назаров, Филипп. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного сибирского корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах. – С. Петербург: Печатано при Императорской Академии наук, 1821. [4], 98 с.

Посвящение автора Н. П. Румянцеву «с чувством глубочайшего высокопочитания».

Гарелин, с. 86, № 20. Иконников, 13.

Рихтер, Александр Федорович (1794–1826). Старая и новая Ладога, сочинение Александра Рихтера... – Санктпетербург: В типографии Императорского Воспитательного дома, 1821. [4], 16 с., [1] л. табл.

Посвящение автора Н. П. Румянцеву как «дань признательности любителю отечественной истории и покровителю наук».

А. Ф. Рихтер, писатель и переводчик, некоторое время исполнял обязанности личного секретаря Н. П. Румянцева, сопровождал последнего в его путешествии по югу России.

Гарелин, с. 91.

Шегрен, Андрей Михайлович (Sjögren, Andr. Iohann; 1794–1855). Ueber die finnische Sprache und ihre Literatur. / Von dr. And. Joh. Sjögen. – St.-Petersbourg: Gedruckt bey N. Gretsck, 1821. VIII, 70 с. [О финском языке и литературе].

Посвящение автора Румянцеву «благородному покровителю наук с глубочайшим почтением и благодарностью посвящается».

А. М. Шегрен – сын финского сапожника, показавший необыкновенные способности к учению. Получил образование в университете г. Або, в 1820 г. прибыл в Петербург. Его работа обратила на себя внимание Румянцева, который издал ее на свой счет и предоставил автору возможность пользоваться своей библиотекой, что очень помогло ему в дальнейшей на-

учной работе. В брошюре впервые доказана важность исследования финских наречий для изучения истории России, особенно ее севера, впервые исследован зырянский язык.

Греч, Николай Иванович (1787–1867). Опыт краткой истории русской литературы. – Санктпетербург: В типографии Н. Греча, 1822. [4], VI, 391, [3] с.

Посвящение автора Н. П. Румянцеву за подписью «издатель» «с глубочайшим высокопочтением» (без текста).

Книга вызвала оживленную полемику (см.: Благонамеренный. 1822. Ч. 18, № 14. С. 60–65; Вестник Европы. 1822. № 11/12. С. 239–246; Сын Отечества. 1822. Ч. 76, № 13. С. 249–261) (опубликованы отзыв П. А. Катенина и ответ Греча).

Экземпляр РГБ с автографом автора – дарственной «другу моему» Ф. В. Булгарину. Имеется также экземпляр с маргиналиями автора (сделаны не ранее 1857 г.) – ссылки и цитаты из П. А. Плетнева, С. П. Шевырева, М. Н. Лонгинова, дополняющие текст и полемизирующие с ним.

Ланген, Яков Карлович. Взгляд на достопамятнейшия произшествия в российской истории от Рюрика до новейших времен. – Рига: Печатано в типографии В. Ф. Геккера, 1823. [2], 123, [1] с.

Посвящение автора Н. П. Румянцеву (без текста).

Белорусский архив древних грамот. – Москва: В типографии С. Селивановского, 1824. [2], XIV, [2] с.

Имеется гравированный титульный лист с изображением герба Н. П. Румянцева. Посвящение составителя И. И. Григоровича Н. П. Румянцеву (без текста).

Гарелин с. 89, № 32. Иконников, 21.

Hammer, J. (1794–1856). Sur les origines Russes. Extraits de manuscrits orientaux adressés à mr le comte N. de Romanzoff, chancelier de l'empire de Russie dans une suite de lettres depuis l'an 1816 jusqu'à l'an 1825. Par M. J. de Hammer. – St. Petersburg: Impr. de l'Académie des Sciences, 1827. VIII, 132 с. [Хаммер Й. О происхождении русских. Отрывки из восточных рукописей, посвященные господину графу Румянцеву, канцлеру Российской империи, в ряде писем с 1816 по 1825 гг.].

Академик Х. Д. Френ, в 1816 г. сопровождавший Румянцева во время поездки к развалинам древней столицы булгар – городу Булгару, «с этого времени, побуждаемый гр. Румянцевым, стал заниматься исследованием

восточных сказаний о России» В предисловии к книге Хаммера Френ сообщает, что Румянцев «благоволил поручить» ему издание его труда. Френ, скрупулезно воспроизведший рукопись Хаммера, в предисловии, однако, отметил, что по ряду вопросов у него имеются разногласия с автором («ряд примечаний, данных в этих отрывках, требует и заслуживает разъяснений и развития») и сообщил о своем намерении посвятить этому кругу проблем специальное исследование. Работы Френа, посвященные той же тематике, выгодно отличались от книги Хаммера, являвшейся «сборником восточных известий о Руси», содержащим ряд «фантастических рассуждений».

В книге имеется гравированный титульный лист с изображением герба Румянцева и датой 1825.

Гарелин, с. 90, № 39. Иконников, 24.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека
- ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
- ЛГПИ – Ленинградский государственный педагогический
институт им. А. И. Герцена
- НБодГУ – Научная библиотека Одесского государственного
университета
- ОР – Отдел рукописей
- РГБ – Российская государственная библиотека
- РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского
флота
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГИДА – Российский государственный исторический архив
- НРБ – Российская национальная библиотека
- СПб ФИРИ
РАН – Санкт-Петербургский филиал Института российской
истории Российской академии наук

Музыкальный вечер в Эрмитажном театре. Петербургская певческая капелла исполняет концерт Д. С. Бортнянского «Тебя, Боже, хвалим»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Веселова Александра Юрьевна, кандидат филологических наук. Область научных интересов – русская литература. Имеет более 10 научных публикаций.

Дёмин Антон Олегович, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Область научных интересов – русская литература XVIII века, русско-французские культурные связи. Является автором 12 научных публикаций.

Дмитриева Г. М., сотрудник Тверского областного архива.

Кочеткова Наталья Дмитриевна, доктор филологических наук, заведующая сектором Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Область научных интересов – русская литература XVIII века в ее национальном и европейском контексте. Имеет более 170 научных публикаций, из них – 3 монографии.

Кукушкина Елена Дмитриевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Область научных интересов – русская литература и драматургия XVIII века. Является автором более 70 научных публикаций.

Мораччи Джованна, доктор философии, исследователь на факультете иностранных языков и литератур Урбинского университета (Италия). Область научных интересов – русская литература XVIII века. Является автором 25 публикаций по русистике.

Морозова Нина Петровна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Всероссийского музея А. С. Пушкина. Область научных интересов – русская литература XVIII – начала XIX века. Имеет около 30 научных публикаций.

Никитина Алла Борисовна, кандидат архитектуры. Область научных интересов – русская архитектура XVIII – начала XIX века, творчество Н. А. Львова. Имеет более 30 научных публикаций.

Пряшникова Маргарита Павловна, кандидат искусствоведения, ученый секретарь Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки (Москва). Область научных интересов – русская музыкальная культура XVIII–XX веков. Имеет более 70 научных публикаций.

Старк Вадим Петрович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Область научных интересов – русская литература и искусство XVIII – начала XIX века, пушкиноведение. Автор более 100 научных публикаций.

Тычинина Лариса Викторовна, кандидат исторических наук, ректор Московского гуманитарного института (Москва) им. Е. Р. Дашковой. Область научных интересов – русская культура XVIII–XIX веков.

Фоменко Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, заведующая отделом Российской государственной библиотеки (Москва). Область научных интересов – русская литература XVIII – первой четверти XIX века. Имеет около 30 научных публикаций.

Петербург в европейском пространстве науки и культуры

К 300-летию Петербурга

Н. А. Львов и его современники:
литераторы, люди искусства

Литературный редактор: *Н. С. Морозова*

Техническое редактирование, оформление обложки :

Т. А. Парфеева

Сканирование фотографий: *Т. А. Парфеева*

ЛР № 020735 от 25 декабря 1998 г.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ПИЯФ РАН

188300, г. Гатчина Ленинградской обл., Орлова роща

Зак. 229, тир. 499, уч-изд. л. 9; 4.06.2002 г.

Формат 60x84 1/16, печать офсетная

К 300-летию Петербурга Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук совместно с Объединенным научным советом по гуманитарным наукам и историко-культурному наследию проводит серию междисциплинарных конференций и семинаров на тему **“Петербург в европейском пространстве науки и культуры”**.

Конференции и семинары будут сопровождаться выпуском книг, включающих материалы по вопросам, затронутым на заседаниях.

В 2002 г. выйдет из печати вторая книга **«Вклад Академии наук в познание России»** из серии **«Петербург в европейском пространстве науки и культуры»**.

В нее войдут научные доклады, заслушанные на экономическом симпозиуме **«Вклад Академии наук в познание России»**, который проводился в рамках конференции, организованной Санкт-Петербургским научным центром РАН в 2001 г.

Книга адресована широкому кругу читателей.

К 300-летию Петербурга Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук совместно с Объединенным научным советом по гуманитарным наукам и историко-культурному наследию проводит серию междисциплинарных конференций и семинаров на тему **“Петербург в европейском пространстве науки и культуры”**.

Конференции и семинары будут сопровождаться выпуском книг, включающих материалы по вопросам, затронутым на заседаниях.

Готовится к выпуску в 2002 году и третий сборник из серии **«Петербург в европейском пространстве науки и культуры»**.

В нем собраны материалы симпозиума **«Петербургские фрагменты научной картины мира»**.

Доклады знакомят читателей с историей науки, в частности, со становлением математической школы в России, с развитием Петербургской школы механики, с зарождением начертательной геометрии.

Поднимаются вопросы о влиянии рыночной экономики на науку, а также о глобализации и науке.

Отдельной главой выделены материалы симпозиума **«Оптика от Ломоносова до наших дней»**.

Книга заинтересует всех, кто следит за сегодняшним состоянием науки, за историческим развитием отдельных её отраслей.

К 300-летию Петербурга Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук совместно с Объединенным научным советом по гуманитарным наукам и историко-культурному наследию проводит серию междисциплинарных конференций и семинаров на тему **“Петербург в европейском пространстве науки и культуры”**.

Конференции и семинары будут сопровождаться выпуском книг, включающих материалы по вопросам, затронутым на заседаниях.

В 2002 году выходит в свет и четвертый сборник из серии **«Петербург в европейском пространстве науки и культуры»**. В нем собраны материалы Международного симпозиума **«Петербург на философской карте мира»**, состоявшегося 21 июня 2001 г.

Серия докладов посвящена развитию философии в Петербурге, размышлениям о петербургских образах, символах, метафорах, сравнению их с символикой других городов мира. Серию статей дополняет библиографический указатель профессора философского факультета Санкт-Петербургского университета М. С. Кагана.

СПбНЦ предполагает в дальнейшем продолжить публикацию материалов научных конференций, посвященных 300-летию Санкт-Петербурга.